

• МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО •

ПИСАРЕВ

Н. В. ДЕМИДОВА

ПИСАРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МЫСЛЬ»

Москва · 1969

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Демидова Нина Васильевна (р. в 1932 г.) — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Воронежского медицинского института. Автор на протяжении ряда лет занимается изучением теоретического наследства Д. И. Писарева, о котором ею опубликовано две статьи: «Д. И. Писарев и нигилизм 60-х годов» («Вестник Ленинградского университета». Серия экономики, философии и права. Вып. 1, 1965, № 5) и «Реалистическая этика Д. И. Писарева» («Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда». Философские и социологические исследования. Вып. 7, 1965).

*Не нужно бояться дер-
зости или безумства в об-
ласти труда и созидания.*

А. М. Горький

ВВЕДЕНИЕ

Канула в вечность бурная эпоха 60-х годов прошлого века. Но не ушла бесследно память об этой яркой странице нашей истории, которая передовой части общества представлялась, по словам П. Кропоткина, эпохой Возрождения России и каким-то сказочным, героическим периодом. «Поколение, для которого начало его сознательного существования совпало с тем, что принято называть шестидесятыми годами, — говорил К. А. Тимирязев, — было, без сомнения, счастливейшим из когда-либо нарождавшихся на Руси. Весна его личной жизни совпала с тем дуновением общей весны, которое пронеслось из края в край страны, пробуждая от умственного окования и спячки, сковывавших ее более четверти столетия. И вот почему те, кто сознают себя созданием этой эпохи, неизменно хранят благодарную память о тех, кто были ее творцами» (103, стр. 5)*.

* Здесь и далее первая цифра в скобках означает порядковый номер в списке литературы (в конце книги), где указаны выходные данные цитируемого произведения.

Одной из колоритных фигур эпохи 60-х годов был Д. И. Писарев, видный представитель радикальных кругов этого периода, типичный шестидесятник-прогрессист. Это была могучая и оригинальная личность, «один из самых мощных талантов земли русской», сумевший проникнуться особенностями своей эпохи и отгадать ее запросы. Вся жизнь и деятельность Писарева представляют собой очень яркое отражение сложного этапа в революционно-демократической идеологии в 60-е годы, связанного сначала с огромным подъемом, а затем со спадом революционной волны и усилением реакции после реформы 1861 г.

И сама личность Писарева, и политическая острота его убеждений, выраженных в оригинальной форме нигилизма и реализма, своеобразное разрешение им многих вопросов истории, философии, морали и искусства вызывали большой интерес в прошлом и продолжают вызывать его до настоящего времени, являясь предметом оживленной полемики в историко-философской литературе.

Представители дворянской и либеральной литературы 60-х годов (Страхов, Соловьев, Немировский) хотя и считали заслугой Писарева отрицательное отношение ко всякого рода пережиткам, но за радикализм в разрешении общественно-политических, этических и эстетических проблем клеймили его как «безрассудного нигилиста», мировоззре-

ние которого является будто бы простым заимствованием чужих мыслей, пустоцветом, примером подражательности и бесплодия неразвитого вкуса русской публики.

Представители демократических кругов (Герцен, Чернышевский, Шелгунов, Некрасов и др.) в основном правильно оценивали оригинальность и революционное направление идей Писарева, видели в них «служение честной идее» и стремление выявить пути общественного прогресса России. Истоки писаревского нигилизма Герцен выводил из традиций «великих отцов» — декабристов (37, стр. 346).

Либерально-народническая историография (Михайловский, Скабичевский, Иванов-Разумник и др.) не вышла из-под влияния отрицательных оценок Писарева, данных консерваторами, и потому не могла объективно оценить его идейное наследие. Представители этого направления утверждали, что в «писаревщине» нашли свое отражение скитания «без руля и ветрил» русской интеллигенции 60-х годов, которая якобы, будучи «оторванной от пульса общественной жизни» (94, стр. 140), делала ставку на «безусловный» индивидуализм «секты реалистов» (76, стр. 301).

Революционные народники (Кропоткин, Степняк-Кравчинский, Ткачев) хотя и отмечали во взглядах Писарева «грубые крайности», но основную цель их видели в решении жгучих вопросов современности и оценивали

его воззрения как «пролог к той великой драме, которая разыгралась впоследствии» (100, стр. 6).

Реакционная историография (Неведенский, Де-Пуле и др.) отличалась особой желчностью и изощренностью в отрицательных оценках Писарева. Реализм с его нигилистическими тенденциями рассматривался как исключительно «патологическое явление», чуждое русской жизни, как «болезненный продукт» цивилизации (72, стр. 487), как чуждое русской жизни явление, узкое сектанство, проповедующее социальный террор, анархизм, «скотский эгоизм» и «культурное гонение» (71, стр. 100, 106, 110). Правда, среди буржуазных исследователей были и такие авторы (Соловьев, Овсяннико-Куликовский, Котляревский, Водовозов и др.), которые стремились объективно подойти к оценке воззрений Писарева, считали их исключительным по своей новизне радикальным течением 60-х годов, в котором прозорливо predeterminedена историческая перспектива.

Представители современной буржуазной историографии (Баргорн, Бердяев, Зеньковский, Лосский, Ярмолинский и др.) не оригинальны в своих выводах. Они следуют тем оценкам Писарева, которые были даны его идейными противниками в прошлом. Они намеренно не замечают боевого духа писаревского мировоззрения в борьбе с крепостничеством, отрицают стремление Писарева к каким-либо коллективным началам и со-

циалистическим идеалам, а его политическую линию стараются представить либеральной.

Буржуазные идеологи утверждают, что у Писарева наблюдалась якобы склонность к мистике, а поэтому материализм его был «мнимым», а радикализм — «глубоко спиритуалистичным». Они преднамеренно подчеркивают писаревский индивидуализм, приписывают ему культ «автономии» личности и сравнивают его взгляды со взглядами Ницше. В нигилизме Писарева Лосский видит открытое «презрение» к искусству и философии (119, стр. 63), а Бердяев усматривает в нем «принудительный аскетизм, некое насильственное обеднение... навязываемое извне творчеству и мысли». В западногерманской литературе господствует точка зрения, отождествляющая нигилизм Писарева с анархизмом, который проявляется будто бы в отрицании всякого общественного строя, каким бы способом он ни был вызван к жизни.

Уже ранняя марксистская литература в лице Засулич, Плеханова, Воровского, хотя и не полностью вышла из-под влияния тенденциозных оценок Писарева и порой представляла его разночинцем, пытающимся «за свой счет перевернуть землю» и предпочитающим «частную» нравственность «гражданской» (87, стр. 387), боролась против преднамеренных извращений писаревских взглядов в целом. Писарев рассматривался в ней в основном как прогрессивный деятель,

революционер-демократ, продолжатель революционных традиций России.

В. И. Ленин высоко ценил в Писареве гражданина, публициста и общественно-политического деятеля. В ходе полемики с оппозицией В. И. Ленин пытался иногда, по его замечанию, «спрятаться за Писарева» (6, стр. 172), т. е. опереться на его высказывания. В одном из писем к матери Ленин советует ей прочитать 3-й и 4-й номера «Научного обозрения» за 1900 г., отмечая, что там «превосходна... статья о Писареве» (5, стр. 183). Это была высокая оценка всего мировоззрения Писарева, так как Ленин имел в виду статью Засулич «Д. И. Писарев», где не только выражалась солидарность автора с писаревской этикой и эстетикой, но и Писарев в целом оценивался как прогрессивный критик и продолжатель идей Чернышевского.

В первые годы Советской власти Покровский и Переверзев обращают внимание общественности на незаслуженно забытые идеи Писарева и называют его взгляды «крайне левым течением зарождающегося индустриализма», сводившегося к разрешению проблемы «голодных и раздетых». Впоследствии советские исследователи (Белов, Бельчиков, Казанович, Кирпотин, Маслин, Плоткин и др.) очень много сделали для преодоления ошибочных и намеренно искаженных оценок Писарева, бытующих в буржуазной историко-философской литературе. Его публицистическая, литературно-критическая, философ-

ская и общественно-политическая деятельность получила в их трудах освещение с марксистско-ленинских позиций. В то же время в советской философской литературе содержатся различные и во многом противоречивые трактовки теоретического наследия Писарева. В некоторых работах наблюдалась тенденция рассматривать его взгляды как нисхождение от материализма Чернышевского к вульгарному материализму и позитивизму, в других — стремление подчеркнуть исключительное влияние на него представителей революционно-демократической мысли. Некоторыми исследователями делались даже попытки подогнать его взгляды под марксизм. Обходились также моменты антропологизма, утратилась и ранее наметившаяся тенденция рассматривать его взгляды в связи с нигилизмом и реализмом. В отрыве же от нигилизма и реализма писаревские взгляды теряли свою оригинальность, приобретали упрощенно обтекаемую форму, подлинная сущность противоречий в учении Писарева оставалась нераскрытой.

Проблема писаревского реализма в общих чертах рассматривалась в исследованиях Л. Плоткина и Ю. Сорокина и несколько глубже в книге А. Галактионова и П. Никандрова «История русской философии».

Задача данной работы, примыкающей к упомянутым исследованиям, состоит в том, чтобы показать тот сложный, эскизно очерченный самим Писаревым путь, которым он

шел от абстрактных общечеловеческих идеалов к революционному демократизму, а также раскрыть «теорию реализма» как обобщение мировоззрения Писарева.

ПЕРЕВОРОТ

Жизнь Д. И. Писарева (1840—1868) была короткой, но яркой и своеобразной. Самые первые данные его биографии говорят о том, что он шел типичным путем способного дворянского юноши, и как будто не было оснований предполагать, что в будущем он выйдет из колеи, ведущей его прямо к ученой или государственной карьере. И вот в сообщениях Шелгунова, Скабичевского и других современников Писарева мы находим сведения, которые говорят о каком-то глубоком внутреннем перевороте, рассеявшем его «умственные потемки» и приведшем к полному изменению взглядов. Умственные потемки... Что же было их причиной? И чем был обусловлен переход от потемок к свету?

Детство и юность Писарева протекали в уютной семейной обстановке в одном из родовых помещичьих имений Тульской губернии — деревне Грунец Новосильского уезда. В связи с ранней смертью отца все заботы о сыне взяла на себя мать, Варвара Дмитриевна Писарева, женщина воспитанная и

образованная. И хотя мальчик рос несколько застенчивым, он рано усвоил светские манеры, свободно говорил по-французски и восхищал всех сметливостью. За свою доброту, кротость и покладистость характера, за честность, правдивость и исключительную искренность он был прозван домашними «хрустальной коробочкой». Его постоянное окружение составляли мать, бабушка, няня Фекла да наезжающие время от времени родственники. Жизнь маленького Писарева, отгороженная от неприглядных сторон крепостнической России, текла ровно и спокойно.

Этот покой не был нарушен и тогда, когда одиннадцатилетний Писарев был отправлен в петербургскую гимназию. Здесь он находился под не менее трогательной опекой семейства дяди. Система классической гимназии хотя и не способствовала расширению его кругозора, но привила ему такие ценные качества, как трудолюбие, настойчивость и прилежание. «Я, — вспоминал позже Писарев, — принадлежал в гимназии к разряду овец: я не злился и не умничал, уроки зубрил твердо, на экзаменах отвечал красноречиво и почтительно, и в награду за все эти несомненные достоинства был признан «преуспевающим»» (9, стр. 10). Как и все примерные гимназисты, Писарев слепо верил в авторитеты, воспитывался на полубожественных образах «Илиады» и «Одиссеи», увлекался героями Дюма и Купера. К серьезным журнальным статьям он относился пренебре-

жительно, считая их скучными. Русских же писателей Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова и других «знал только по именам», так как ««Евгений Онегин» и «Герой нашего времени» считались произведениями безразличными, а Гоголь — писателем сальным и в порядочном обществе совершенно неуместным. Тургенев допускался... «Записки охотника» ласкали как-то мой слух, но остановиться и задуматься над впечатлением было для меня невыносимо. Словом, — заключает он, — я шел путем самого благовоспитанного юноши» (9, стр. 10). За успехи в учебе Писарев получил золотую медаль. Неодолимая тяга к знанию привела его в Петербургский университет (1856 г.), который представлялся ему истинным «храмом науки», где можно получить ответы на все вопросы. Он стал студентом историко-филологического факультета, намереваясь привести в систему старые знания и приобрести новые. В освоении наук Писарев был неутомим, проявив необыкновенную работоспособность и большую одаренность. Но любознательность его была односторонней: он весь ушел в науку и по-прежнему держался в стороне от происходящих событий. Поэтому и в университете почти два года, по словам Е. Соловьева, продолжалась его «прежняя блаженная дремота». Но университет того времени с его классической системой обучения, оторванной от действительности, не мог по-настоящему утолить жажду знаний и удовлетворить все

запросы многогранной природы Писарева. Два присущих ему до поступления в университет качества — «способность к развитию и полная неразвитость», — по его утверждению, остались у него и после окончания университета. Позже, вспоминая студенческие годы, Писарев отмечал, что, испытав непосредственно на себе всю порочность классического образования с его поверхностностью и тенденциозностью, он не только определил свое отношение к обучению как «чисто отрицательное», но и в будущем для него всякое «идолослужение» сделалось невозможным. Но все это произошло позже. А пока он удовлетворялся однообразно-размеренным ритмом своей жизни. Но слишком бурной была эпоха 60-х годов, чтобы можно было долго оставаться в рамках науки и быть равнодушным к тому, что происходит вокруг. Новые веяния чувствовались повсюду, и в первую очередь в студенческой среде, волновали и увлекали молодежь. И у Писарева помимо научных интересов начинает пробуждаться интерес к событиям современной ему эпохи, волнующим молодежь.

Поиски настоящих знаний и интересных, знающих жизнь людей привели Писарева в один из студенческих кружков, руководимых Л. Майковым. Но бесплодные академические рассуждения, которыми увлекались участники кружка, полная оторванность их от реальной действительности не способствовали умственному развитию Писарева и вскоре

наскучили ему. Писарев потянулся к живому делу, смело и решительно пошел навстречу бунтующему духу времени.

К числу актуальнейших вопросов, занимавших передовую русскую общественность 60-х годов, относится вопрос эмансипации женщин, постановка которого явилась одной из форм протеста против крепостного права и его отвратительных порождений во всех областях жизни. Писарев с его живой реакцией на окружающее и начинающим уже возникать чувством недовольства существующим страстно увлекся этой идеей. Заинтересованность проблемой эмансипации привела его в журнал «Рассвет», который начал издавать артиллерийский офицер Кремпин. Журнал этот ставил перед собой задачу путем распространения в популярной форме основ наук, искусства и литературы воспитывать «взрослых девиц» и тем самым служить делу «обновления России». Направление журнала вполне устраивало Писарева, и он стал сотрудником его библиографического отдела. Подбирая книги для рекомендации девушкам, Писарев стремился пробудить в них живую мысль, подвести их к пониманию того, какое высокое место должна занимать в обществе женщина. Этим пока и ограничивалась его программа. Вскоре, однако, под натиском революционизирующего влияния жизни Писарев начал чувствовать односторонность и неполноценность своей программы, загорелся желанием восполнить ее

пробелы и самостоятельно найти истинные истоки социальных зол. Ознакомление с зарубежной и отечественной литературой по интересующему вопросу, а также анализ фактов действительности приблизил его к пониманию подлинных причин отсталости России и тяжелой судьбы русского народа. Это дало ему возможность более глубоко подойти к проблеме эмансипации, которая теперь не сводится им к эмансипации женщины: речь идет уже об эмансипации личности вообще. И все же Писарев остается пока на общечеловеческих гуманистических позициях, исходит из абстрактных идеалов. Он не понимает еще общественных истоков добра и зла и поэтому не касается социальных основ эмансипации. Но журналистика все больше сближала Писарева с жизнью, невольно приобщала к интересам эпохи, заставляла постоянно и настойчиво думать и по-новому осмысливать то, что раньше не вызывало в нем никаких сомнений. Большое влияние на формирование взглядов Писарева оказало и то обстоятельство, что вступление его на путь общественной деятельности хронологически совпало, с одной стороны, с обострением начавшегося после Крымской войны общественно-политического кризиса, в котором выразился протест передовой русской общественности против крепостного права, а с другой — с небывалым развитием естествознания в России. Это был период, когда Европа, по словам Тимирязева, «вступила в полосу блестящего

развития естествознания», что привело к многочисленным великим открытиям в этой области. Экспериментальное естествознание настойчиво вытесняло спекулятивные умозрения. Освобожденная от оков средневековья, наука в высшем и всеобъемлющем значении этого слова получила теперь полное признание. Открытие закона сохранения и превращения энергии, периодического закона Менделеева, разработка атомно-молекулярной теории и исследования свойств электричества, открытие клетки, изучение звука, спектра, исследования в области физической химии и неврофизиологии и т. д. знаменовали собой грандиозный поворот в науке. Замечательными открытиями прославили свои имена Фарадей, Юнг, Либих, Гексли, Дарвин, а из русских — Тимирязев, Менделеев, Сеченов и др. Вспоминая эти годы, Тимирязев говорил, что во всей истории естествознания не найдется других десяти—пятнадцати лет, когда изучение природы сделало бы такие дружные и колоссальные шаги. Примечательно, что в России интерес к естествознанию не ограничивался кругом специалистов. Совпад с общественным подъемом, развитие естествознания вызвало большой интерес у прогрессивной интеллигенции, видевшей в нем действенное орудие преобразования общества. Писаревым также овладело общее настроение, и он стал внимательно изучать обширную литературу по естествознанию, держась постоянно в курсе новейших открытий.

Великие достижения в области положительных наук, подрывавшие основы богословия и идеализма, произвели на Писарева большое впечатление. Знакомство с новыми открытиями преобразило его ум. Теперь уже по-новому, с позиций разума, обогащенного новейшими достижениями, стал он подходить к осмыслению фактов, почерпнутых из действительности. Прежде всего Писарев не без ужаса убедился в ложности и «неестественности своих ребяческих понятий» (8, стр. 185), и для него наступил критический момент ломки устарелых убеждений, с детства накрепко засевших в голове. Он почувствовал необходимость пересматривать последовательно все, т. е. «переделывать сверху донизу» весь строй наивных юношеских взглядов, «выкуривать из... мозга ту нелепую демонологию, которая заменяла... трезвые понятия о мире, о природе и человеке...» (8, стр. 185). Все убеждения, гипотезы, теории, превращенные временем в аксиомы и казавшиеся неприкосновенными, ясными, как день, незыблемыми, «как гранитная стена», величественными, как вершины Казбека и Монблана (9, стр. 60), стали рушиться при соприкосновении с критической мыслью. Очень многое из того, во что он верил, чему поклонялся, обнаружило свою внутреннюю несостоятельность, потеряло свой смысл и былой блеск. Все отжившее, ранее оправданное исторической давностью, осуждалось и обрекалось им на гибель. А все выдержавшее критику пере-

воплощалось и приводилось в новую систему, как бы пройдя через великое чистилище.

Шелгунов, вспоминая эти годы, писал: «В Писареве совершалась глубокая и сильная внутренняя работа и полная перестройка понятий, которая при его страстности принимала чуть не горячечный характер. Это был целый громадный внутренний переворот, справиться с которым мог только очень сильный ум, способный глядеть лишь вперед и расставаться без жалости с тем, что оставял он назади. Такой именно ум и был у Писарева. Масса новых открытий и истин, созданных колоссальными успехами новейшего естествознания и точных наук, и новейшие исследования в области политических и экономических знаний вошли в него какой-то светозарной силой, разлили повсюду свой свет и осветили все его умственные потемки» (112, стр. 222).

Сам Писарев, вспоминая позже этот период, подчеркивал, что мир предания, мир всепроникающей рутины давал «импульс к отрицанию», поэтому оно не могло прекратиться до тех пор, «пока не будет совершенно окончено дело разрушения». Это и было отправное положение его зарождающегося реализма и нигилизма.

Духовный кризис Писарева, связанный с критическим пересмотром ценностей, а также неудача в личной жизни — безответная любовь к кузине Раисе — привели в необыкновенное напряжение его нервную систему, что

вылилось во временное расстройство психики. После побега из клиники, где он находился на излечении, Писарев приступил к написанию кандидатской диссертации «Аполлоний Тианский», которой и был завершён им в 1860 г. университетский курс (работа была награждена серебряной медалью). В ней Писарев уже на более высоком уровне подходит к эмансипации личности, указывая на взаимосвязь человека и среды. Более того, он делает первую попытку выйти за пределы проблемы личности и обращается к массам, которые рассматриваются им как «сила громадная, но слепая», противящаяся гнету только тогда, «когда боль слишком сильна» (8, стр. 9). Критикуя устои Римской империи, Писарев в то же время отрицательно высказывается о деспотических формах правления вообще и делает намек на борьбу, как на средство избавления от гнета и достижения общественного идеала. Он выступает против утверждения Аполлония Тианского, что общество возможно изменить «изнутри наружу», т. е. через морально-религиозные проповеди. Но Писарев был ещё непоследователен в этом отношении. Его похвалы по адресу древнего философа-миссионера за то, что он не сделал смыслом жизни революцию, а выбрал занятие, якобы более важное и достойное мыслящего человека, свидетельствует о том, что в этот период Писарев ещё не был по-настоящему революционно настроен.

Результатом вырабатывающегося реалистического направления взглядов Писарева является своеобразный подход его к оценке деятельности Аполлония Тианского. Последний привлек его внимание как «практический» философ. Но Писарев осуждает Тианского за то, что тот вместо необходимого реального предложения по разрешению аграрного вопроса в период народного бунта обращается к несбыточным утопиям. Писарев считает, что предпочтительнее дать малое, но реальное благо, чем тешить обещаниями великого, но недостижимого далекого.

Итак, особенностью этого периода деятельности Писарева является то, что взгляды его приобретают политическую заостренность, хотя программа его была еще аморфна и противоречива. Кроме того, у него наблюдается явная тенденция оценивать явления с реалистических позиций. Писарев сам подтверждал, что именно к этому времени относится зарождение его реализма, проповедью которого, по его словам, он занимался «постоянно, с первого... появления на литературном поприще» (21, стр. 439).

Сотрудничество Писарева в «Рассвете» вполне определило род его будущей деятельности. Ранее терзаемый мыслью о выборе профессии и о месте в жизни, находясь на котором, он мог приносить наибольшую пользу, Писарев понял теперь, что именно журналистика и есть его подлинное призвание.

II

СУРОВЫЙ ОТРИЦАТЕЛЬ С «ПОЛЮСА» ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Возвратиться к журналистике снова и на этот раз навсегда Писареву удалось только в 1861 г., когда после окончания университета он был приглашен работать в «Русское слово». Этот журнал, основанный в 1858 г. Благосветловым, не имел еще сплоченного ядра сотрудников и четкой идейной направленности. Писарев смело встает на трудный и опасный для того времени путь журналиста. А время было действительно очень тревожным. Недавние события Крымской войны как бы обнажили ранее скрытую изнанку феодально-крепостнического строя, выявили всю его порочность, непригодность и неспособность отвечать требованиям жизни. Кризис выразился прежде всего в усилении крестьянского движения, охватившего не только центральные районы Российской империи, но и ее окраины. Цензор Никитенко писал в своем дневнике: «Польша кипит — и не одно Царство Польское, но и Литва. Все это угрожает чем-то зловещим...» (80, стр. 12). Стихия крестьянского движения

разбушевдалась так широко, что правительство использовало для наведения «порядка» не только жандармерию, но и войско. Однако репрессии не помогали. В крестьянские волнения стали втягиваться фабричные рабочие и особенно разночинная интеллигенция и студенчество. В Петербурге действовала тайная организация, распространялись антиправительственные прокламации. Господствующий класс был в явной панике. Тот же Никитенко констатировал, что «темные силы» становятся все отважнее, в то время как император уже больше не может положиться на своих окружающих, которые становятся все трусливее. Общественный подъем способствовал более четкому размежеванию общественных сил страны. В результате лагерю либерализма, объединившему в себе славянофилов и западников и отстаивавшему реформистский путь «постепенного» общественного развития России, противостоял лагерь революционной демократии, который выступал вопреки многочисленным теориям «мирного развития» с политической программой революционного преобразования России. В центре разгоревшейся ожесточенной борьбы был вопрос о революции и тесно переплетающийся с ним аграрный вопрос. Крепостники, не желая расставаться с привилегиями, накопленными в течение двух столетий, утверждали, что в России невозможны глубокие социальные потрясения, ибо самой природе русских якобы чужды те буйные порывы, от

которых содрогались западные цивилизации. Они предлагали самые умеренные проекты реформ. Либералы понимали неизбежность реформы, но боялись, как бы она не осуществилась стихийно, и предлагали провести реформу по инициативе правительства. Лагерь революционной демократии во главе с идеологами крестьянства Герценом, Добролюбовым, Чернышевским и другими требовал отмены крепостного права и на этой основе самого радикального пересмотра старых аграрных отношений в стране.

Реакционная публицистика намеренно старалась обходить эти кардинальные вопросы, а революционные демократы, напротив, стремились привлечь к ним внимание общественности, вынося их обсуждение на страницы прессы. Правда, о непосредственных источниках спора не упоминалось вследствие запрещения цензуры обсуждать в печати современное внутреннее положение. Споры велись на литературные, этические, эстетические и сугубо философские темы, но политическая подоплека полемики все же проглядывала и являлась наглядным показателем дифференциации классовых интересов в России к началу 60-х годов.

Под влиянием бурных событий эпохи взгляды Писарева быстро революционизировались. Он понял, что в обстановке обострившихся классовых противоречий борьба на литературном поприще, с которым он себя связал навсегда, является завуалирован-

ным отражением идейной борьбы. Именно поэтому он уловил политический смысл полемики, развернувшейся вокруг «Антропологического принципа» Чернышевского — произведения, в котором критиковался эклектицизм философских позиций Лаврова и были изложены общественно-политические и философские взгляды автора, представляющие собой образец материалистического мировоззрения, воинствующего атеизма и идейной принципиальности. Выступающие против Чернышевского авторы доказывали, что все философские и социологические положения «Антропологического принципа» основаны «на недоразумении», а отсюда и «возникает смута понятий, которая зовется материализмом». Особое их недовольство вызвало то, что Чернышевский, исходя из выдвинутых им материалистических положений, утверждал, что «никакого дуализма в человеке не видно», все в нем «происходит по одной реальной его натуре» и никакой «другой природы» или души нет, иначе эта двойственность «непрерывно обнаружилась бы» (109, стр. 31). В мае 1861 г., в момент наивысшего обострения полемики вокруг «Антропологического принципа», Писарев включается в нее своей статьей «Схоластика XIX века». Здесь он открыто встает на защиту позиций Чернышевского, поддерживая его по всем принципиальным вопросам. Писарев отвергает политическое беспристрастие и утверждает, что в эпоху назревания социального конфликта

«нейтралитет... есть в сущности оптический обман». Он не отрицал, что статья «написана пристрастно» и имела своей целью отбить в союзе с Чернышевским «крестовый поход политической умеренности» (19, стр. 139).

Статья «Схоластика XIX века» очень важна не только для характеристики политической позиции Писарева, но и для выявления основных путей формирования его реалистических взглядов. Ведь выступая на стороне Чернышевского, Писарев в то же время показал себя и как оригинальный мыслитель, который в духе реалистических идей разрешил ряд поставленных в статье проблем. Он сам подчеркивал, что мысли, изложенные им в «Схолистике XIX века», составляют «основу целого мирозерцания; вывести все последствия этих идей не трудно» (19, стр. 121).

Соглашаясь с Чернышевским в том, что необходимо сделать науку, литературу и искусство более демократичными, чтобы пробудить сознание масс, он восклицает: «Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массе? Что за искусство, чьими произведениями могут наслаждаться только немногие специалисты?» (19, стр. 128). Развивая эту мысль, Писарев подчеркивает большое значение развития естественных наук, которые, по его мнению, помогут изжить равнодушие к окружающему, добиться необходимой критической оценки исторических событий, высвободить потенциальную энер-

гию масс и направить ее на активное преобразование действительности. Но Писарев не остается в рамках идей просветительства. Он настаивает на необходимости через пропаганду достижений науки пробуждать политическое самосознание крестьянина, чтобы помочь ему «возвыситься до понятия своей собственной личности... до уважения к своему я» и чтобы он мог сказать о себе, что он не только «Петров или Иванов, но в то же время гражданин России» (19, стр. 107). Это было уже толкование задач просветительства на уровне идей революционной демократии.

В связи с этим Писарев впервые выдвигает концепцию «образованного меньшинства», развитую им в будущем в учении о «мыслящих реалистах». Он утверждает, что задачу просвещения масс должна взять на себя интеллигенция, или «среднее сословие», которое обладает наибольшей мобильностью в приобретении знаний и которое, само «гуманизируясь общечеловеческими идеями», должно стать посредником между передовыми идеями века и «младшими братьями-мужиками».

Поддерживая развиваемую Чернышевским мысль о естественных правах человека, Писарев говорит, что «человек от природы существо очень доброе» и при благоприятных условиях жизни в нем, несмотря на эгоизм, разовьются «самые любовные чувства к окружающим людям». Он подчеркивает «синтетическую» связь между общественной

средой и личностью, полное освобождение которой будет только «продуктом последней цивилизации». Но дальше этого Писарев в своих выводах пока не идет. Опираясь на положение Чернышевского об эгоистической природе человека, он дает первые наброски своего варианта «теории разумного эгоизма», которая пока выражалась в следующем: критически подходить к существующим нормам морали и не ломать свою индивидуальность, не подавлять «свою оригинальность и самобытность в угоду заведенному порядку».

В статье «Схоластика XIX века» Писарев делает также первый набросок основополагающего принципа теории реализма — утилитаризма, который на данном этапе развития его взглядов рассматривался им как стремление к тому, что «всем доступно и всем может принести пользу» (19, стр. 112). При этом Писарев подчеркивает, что его понимание пользы стоит выше не только мелочной выгоды и сухой практичности обывателя, но и классово ограниченного практицизма, присущего доктринам утилитаристов Запада и учениям их российских последователей. В своей статье Писарев не только подтверждает укрепившуюся в нем склонность к «реальному мышлению», что проявилось в преклонении перед могуществом разума, перед приговором «трезвого анализа», признающего только реальное, но и уже раскрывает свое понимание реализма. По его словам, он ищет

того, что соответствует настоящим потребностям ума. На основании этого Писарев требует отбросить «старый хлам» отвлеченностей, исключительно утилитарно использовать свои силы и способности, направляя их на разрешение «житейских вопросов», пробуждать в общественности интерес к самым «насушным потребностям времени». Он считает преступным «витать мыслью в радужных сферах фантазии или уноситься куда-нибудь за море к лучшему порядку вещей в то время, когда окружающие... терпят горькую судьбу или несут тяжелый труд» (19, стр. 109). Из статьи ясно видно, как ранее зародившееся у Писарева отрицательное отношение к окружающему выливается в нигилизм, т. е. беспощадное отрицание во имя интересов действительности, отрицание, доведенное порой до крайности. С позиций нигилизма он дает оригинальное толкование программы революционной демократии: «...что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (19, стр. 135). Высказанное им понимание задач революционной демократии дает возможность определить его политическую позицию как «крайне левую», т. е. причислить его к лагерю революционно настроенных умов и уловить в его взглядах тот «дух разрушения», который, как со страхом отмечал Никитенко, подобно бурному потоку

рос и ширился, охватывая общество со всех сторон, и угрожал в будущем «кровавым потоком» (80, стр. 45), т. е. революцией.

Нигилистические тенденции, продиктованные реализмом, накладывают своеобразный отпечаток на радикализм Писарева, что и определило некоторое отклонение его позиций от позиций Чернышевского. Но разница была небольшой. Писарев подчеркивал, что в его взглядах нет «ни малейшей точки соприкосновения» со взглядами Юркевича и Каткова и что все его симпатии на стороне людей с «полюса» Чернышевского. В «Схоластике XIX века» ярко отражен сложный процесс перекрещивания путей Чернышевского и Писарева, обозначены точки соприкосновения и моменты расхождений. Отсюда и начинается особая писаревская линия в революционной демократии.

Утвердившись в новых политических убеждениях, Писарев подчиняет всю свою деятельность интересам революционной борьбы. Понимая, что даже в условиях общественного подъема вера широких масс в торжество светлого будущего или «надежда на обновление» не может возникнуть, если не будет беспощадного обличения существующего, он ищет действенных мер борьбы против идейных врагов. Одно из эффективных средств он увидел в разоблачающем саркастическом смехе. В «Схоластике» Писарев говорил, обращаясь к своим противникам: «Наш сарказм жжет вас, как раскаленное железо», и

«смеха боитесь. Вот смехом-то мы вас и доконаем» (19, стр. 138, 139). А смеяться саркастически Писарев учился у своего любимого поэта Г. Гейне. Гейне был запрещен у себя на родине. В России Комитетом иностранной литературы его произведения были признаны «ядовитой поэзией», скрытой насмешкой над всем в мире и тоже запрещены. Но в 60-е годы представители революционной демократии Герцен, Чернышевский, Добролюбов и Писарев обращаются к поэзии Гейне. Особенно широко популяризовались его произведения общественно-политического характера, созвучные революционному настроению эпохи.

Писарев выступал не только как переводчик и пропагандист поэзии Гейне. Он видел в Гейне «оратора за права человеческой личности», «трибуна века», умевшего тонко уловить настроение умов и собрать «в один фокус» разрозненные симптомы «душевной болезни» своего времени. Немецкий поэт был близок Писареву не только по времени, но и по духу отрицания, перекликающемуся с его нигилизмом. Это подтверждает один из цензоров. «На мысли и суждения Гейне, — говорит он, — критик смотрит с точки зрения «нового человека» и сходится с немецким поэтом в том, в чем замечает дух отрицания, осуждая беспощадно во всем, что противно этому духу» (44, стр. 156). Писарева привлекало в творчестве Гейне то, что грозный смех его, «злые, меткие и картинные

сарказмы» были направлены против устаревших, потерявших смысл идей, тупоумия во всех его проявлениях, против мелочного и узкого тщеславия, косности и академической рутины с ее мертвенностью мысли и бесплодностью эрудиции. Гейне неподражаем, когда он, по словам Писарева, как «храбрый солдат», превосходно владеющий оружием-пером, «выходит на политическую тропинку» и «истребляет своим пронзительным смехом окружающие подлости» (8, стр. 265). Писарева восхищало в данном случае не просто отрицание, а именно гейневское отрицание — яркое, жгучее, злое, эффектное и даже вызывающее, способное пробить оболочку равнодушия, задеть за живое, крайне обозлить и всем этим вызвать страстное желание к перемене. За ненависть ко всему отвлеченному, туманному, мистическому, за ясность и конкретность ума, «за молнии боевой храбрости и ядовитость сарказма» в борьбе против предрассудков, политического шарлатанства, бесчисленного проявления не только «специально немецкой», но и «общечеловеческой» глупости, за твердость духа, сохраненную до конца дней, за то, что «не сложил оружия» и «сохранил резкость поворотов» ко всему, что составляет «тяжкие оковы разума», — за все это и ценил высоко Писарев Гейне. Больше того, он видел в Гейне кумира, достойного поклонения и подражания, и стремился перенять его сатирический почерк.

Настойчивый призыв немецкого поэта безжалостно лишать обманчивого ореола события действительности укреплял в Писареве трезвый взгляд на жизнь, ранее привитый естествознанием. А это в свою очередь способствовало еще большему увлечению Писарева положительными науками, которые, по его убеждению, поставят человека «лицом к лицу» с действительной жизнью, заставят встать в оппозицию к ее несправедливостям и помогут сначала определить, а затем и осуществить общественные идеалы. Но пока Писарев видел, что, несмотря на бурное развитие естествознания, схоластика, мистика, идеализм, имевшие еще в России прочную идеологическую основу, отступали медленно, с боем отдавая каждую пядь земли. К тому же величайшие достижения мировой науки в России находили применение в основном в сфере теории. Широкие круги с ними знакомы были плохо, поэтому практически эти достижения использовались лишь в очень незначительной мере. Это вело к тому, что в обыденной жизни России масса всяческого рода заблуждений уживалась с научными знаниями. На основании анализа особенностей русской действительности Писарев пришел к выводу, что одним из действенных средств в борьбе за очищение разума от вековых предрассудков должна стать широкая популяризаторская деятельность. Он был убежден, что активное распространение новейших достижений естествознания будет

непримиримо подрывать мир рутины, мистики и способствовать упрочению здорового, реального взгляда на мир, без которого невозможны ни материальный достаток, ни разумное наслаждение жизнью, ни способность приносить действительную пользу обществу. Уверовав в это, Писарев не только неустанно ратует за создание отечественного естествознания, но и сам выступает в качестве активного пропагандиста и популяризатора естественнонаучных знаний. Он переводил или уточнял переводы научных трудов, составлял предисловия, писал рецензии на ценные издания по естествознанию. Но особую славу Писарев снискал себе созданием ряда статей-популяризаций («Процесс жизни», «Физиологические эскизы Молешотта», «Физиологические картины»), в которых он просто и интересно излагает результаты научных исследований в области физиологии, а также учение Дарвина о естественном отборе («Прогресс в мире животных и растений») и др. Желая привить любовь к естественным наукам, он стремился сделать популяризацию глубокой, всесторонней, удовлетворяющей умственные запросы самых различных кругов. Но для Писарева популяризация не была самоцелью. Пропагандируя новейшие открытия в области физиологии и анатомии, он стремился провести свои идеи. Писарев старался осветить и прокомментировать те моменты, которые представляли не только познавательную ценность, но и могли быть

как-то увязаны с насущными проблемами русской действительности. Например, излагая учение Молешотта о пище, о ее большом значении для укрепления мышечной системы, ускорения обмена веществ и активности мозга, он особый акцент делает на его выводе о том, что у пролетариев, живущих в суровых условиях и скудно питающихся, все эти процессы замедляются, а это в свою очередь отрицательно влияет на их духовное и физическое развитие. Подхватив эту мысль, Писарев развивает ее, приводя факты русской действительности. Он говорит, что на Руси люди питаются хуже, чем лошади, которых хорошо кормят перед тяжелой работой. А ведь «нельзя же, — делает свой вывод Писарев, — тысячам работников и работниц оставаться без куска хлеба, нельзя же им умирать голодной смертью». Необходимо хотя бы предоставить всем «неимущим» возможность «собственными руками зарабатывать себе здоровую пищу». Данные экспериментальных исследований в области физиологии Писарев использовал для критики социальных устоев России, подчеркивая невозможность совмещения таких фактов, как болезни, нужда, смерть от голода, с общественным прогрессом.

Писарев видел смысл и пользу своих статей-популяризаций в том, чтобы донести до читателя не только научно-познавательные сведения, но и идейно-воспитательные моменты. Кстати о понимании Писаревым

пользы. Позже, бросая взгляд на пройденный путь, он несколькими штрихами обозначил основные вехи в развитии своего реалистического мировоззрения. «В 1860 году, — писал он, — в моем развитии произошел довольно крутой поворот. Гейне сделался моим любимым поэтом, а в сочинениях Гейне мне всего больше стали нравиться самые резкие ноты его смеха. От Гейне понятен переход к Молешотту и вообще к естествознанию, а далее идет уже прямая дорога к последовательному реализму и к строжайшей утилитарности» (21, стр. 139). Итак, формирующееся реалистическое мировоззрение Писарева обязательно предполагает «строжайшую утилитарность». Но как понимал Писарев утилитаризм? Касаясь этого вопроса, некоторые исследователи утверждали, что утилитарный принцип, последовательно проведенный Писаревым, привел его к узкому, поверхностному пониманию слова «польза», которую можно мерить «на аршин, на рубль». В действительности же Писареву было чуждо чисто прагматическое понимание пользы как выгоды. Настаивая на важности принципа утилитаризма, он каждый раз оговаривался, что утилитаризм понимался им не догматично. «не в узком смысле слова», т. е. не как «голая польза», а как стремление к общественной пользе (16, стр. 92). Другими словами, полезным Писарев считал только то, что в какой-то степени помогало разрешению насущных задач времени, и прежде всего ма-

териальной проблемы. В конечном итоге полезным им признавалось все то, что так или иначе способствовало осуществлению «идеи общечеловеческой солидарности» — социализма.

Правда, неотступно проведенный повсюду утилитарный принцип в мировоззрении порой делал подход Писарева к некоторым вопросам этики, эстетики и т. д. узким. Однако с его утилитаризмом всегда был связан радикализм общественного деятеля. Писаревский утилитаризм приобретал новое, революционное содержание. Смеется ли Писарев разоблачающим гейневским смехом, популяризирует ли последние достижения науки, настаивает ли на пользе, за его деятельностью неизменно проглядывает отрицатель с «полюса» Чернышевского.

ЛИХОЙ БАРАБАНЩИК

1861 год. Записи в дневнике Никитенко гласят, что правительства больше «не уважают и не боятся». С пренебрежением отброшен закон и порядок. Россия вслух обсуждает «Положение». Определенные «Положением» льготы дворянам большинством из них были правильно поняты, «как зародыш, из которого могут развиться более обширные права дворянства... если они сумеют воспользоваться этим». Народ же не дождался ни земли, ни облегчения своей участи. И вот снова бунтуют крестьяне, недовольные разорительными условиями реформы, снова возмущаются помещики, раздраженные неповиновением крестьян. Обстановка накалялась. Все говорило о неизбежности грозных событий. Господствующий класс ежечасно ожидал, по словам Никитенко, всеобщего бунта, «новой пугачевщины». В связи с этим печать была поставлена под строгий правительственный надзор.

Водоворот событий захватил Писарева. Он теперь уже не мыслил своей деятельности

в отрыве от жизни, которая доставила ему массу самых разнообразных сюжетов на общественные темы. И, несмотря на все строгости цензуры, он находил способы выразить свое отношение к происходящему. Чтобы высказать назревшие мысли по тем или иным общественным проблемам, он обращался то к современным международным отношениям, то к событиям далекого прошлого России и других стран. Но и рассматривая историческое прошлое, Писарев помнил о той пользе, которую он как реалист-демократ должен принести каждой своей статьей делу пробуждения критического отношения к жизни в сознании масс. Поэтому он постоянно старался связывать прошлое с современностью и делать из сказанного практические выводы. Данные им оценки событий минувших лет звучали актуально и в 60-е годы XIX в., показывая не только направленность его интересов, но и степень зрелости общественно-политических взглядов. Показательными в этом отношении являются такие статьи Писарева, как «Меттерних», «Бедная русская мысль», «Пчелы». В статье «Меттерних» он выразил свою солидарность с революционерами-демократами, выступавшими за революционное воссоединение Италии. Здесь он высказывает свое сочувствие свободолюбивым народам Ломбардии, у которых попытка Австро-Венгрии «германизировать» их провинцию путем усиления политического гнета, произвола в судах и разгула военщины

вызвала взрыв гнева, пробудила «чувство национальной гордости и стремление к политической самостоятельности» (7, стр. 578). Разоблачая политику австрийского правительства, стремившегося насаждать колониальный режим в подвластных территориях, Писарев проводит мысль, что подобная политика правителей приводит к народному сопротивлению. Эту мысль он подтверждает яркими фактами из истории борьбы Нидерландов против испанского владычества. Цензура была крайне раздражена «демократическими тенденциями» статьи и тем, что в ней были приведены «неблаговидные» исторические сведения (44, стр. 152).

Пользуясь методом сравнений, параллелей, иносказаний, автор статьи так тонко и умело показал сложные союзнические связи и обоюдные интересы России и Австро-Венгрии, что разоблачение политики австрийской монархии превратилось в критику русского самодержавия.

Замечательной по политической остроте является статья Писарева «Бедная русская мысль», в которой он огонь своей критики направил на петровские преобразования, сосредоточив внимание на их отрицательной стороне, на грубых, насильственных мерах, которыми они сопровождались. О том, насколько революционной по содержанию была статья и насколько Писареву удалось провести в ней свои радикальные идеи, сказали царские цензоры. Ими отмечалось, что в этой

статье содержится мысль о том, что «личная воля народных властителей» не имеет никакого значения и не может противостоять естественному ходу событий. Автор, по мнению цензуры, под видом философско-исторических рассуждений пропагандирует крайние политические взгляды, враждебные «существующей форме правления и спокойному состоянию общества». Правящая власть представляется им «только как сила реакционная, угнетательная и стесняющая свободное развитие народной жизни», навязывающая «свою непрошеную опеку; народ же или общество выставляется как элемент гонимый, протестующий, борющийся с гонителями... а все успехи гражданской жизни совершаются или естественным ее течением... или же крупными переворотами. Автор самыми черными красками, хотя и иносказательно, рисует характер неограниченного правления... восхваляет насмешку, презрение и желчь, которыми проникнута нынешняя литература наша» (44, стр. 147—148).

Подчинив свою деятельность потребностям эпохи, Писарев, верный своим реалистическим принципам, старался, конечно, сказать свое слово и о намечающейся ликвидации крепостного права. Он сделал это в статье «Пчелы», где, пользуясь формой аллегории и сравнивая общество с пчелиным ульем, дал исключительно едкую политическую сатиру на существующий самодержавно-крепостнический строй в России со всей

его порочной системой. Не скупясь на яркие и меткие эпитеты, Писарев все разновидности пчел называет именами, почерпнутыми из общественной жизни: одни из них, занимающие вершину иерархической лестницы, — царствующие тунеядцы, другие, привилегированные сословия, — трутни, «не знающие ни забот, ни обязанностей» и составляющие вместе с первыми «самую бесполезную, пустую и недобросовестную часть их общества». Основу же лестницы составляют рабочие пчелы-пролетарии, «задавленные существующим порядком вещей, закабаленные в безвыходное рабство... и потерявшие всякое сознание лучшего положения». Они своим трудом содержат все это многочисленное нетрудящееся, но исключительно прожорливое скопище тунеядцев-трутней. В этом улье-обществе «происходит, — замечает со злой иронией Писарев, — самое оригинальное разделение труда: одни работают, другие едят и плодятся» (14, стр. 317). Внимательному читателю статьи было ясно, что автор имел в виду именно Россию с ее феодальными порядками и сословной иерархией и что царящий в улье мрак — это ужасные условия крепостнического режима, безжалостно искореняющего все, что хотя бы в какой-то мере способно пробудить сознание трудящегося большинства. Статья кончается многоточием. Это след ее сокращения цензурой. Но в сербском ее издании имеется концовка, показывающая исход назревающего конфликта ме-

жду рабочими пчелами и трутнями: «...рабочие пчелы, забыв все требования учтивости и социального подчинения, собрав все свои силы и пустив в ход все свои жала, пошли в атаку на благородных трутней, перебили их и выбросили вон из улья». За каждой фразой статьи проглядывает не только порицание существующего. В призыве Писарева предпочтение жизни в улье смерти на свободе заключается явный намек на возможность покончить со старым порядком вещей.

В статье «Намеки природы» Писаревым развивается мысль, затронутая в «Пчелах». Рассказывается притча, как одна из пчел-работниц, наслушавшись от людей, что она и ее подружки бедствуют, так как работают на матку и трутней, предложила учредить систему самоуправления. Эта идея окончилась неудачей. Тут же выводится мораль из притчи: во-первых, пчелы действовали исходя не из внутренней потребности, а наслушавшись людей. А жизнь свою надо устраивать сообразно собственным потребностям. Ведь что пригодно для людей, то не годится для пчел, и наоборот. Во-вторых, «никакое движение не должно быть останавливаемо насильственно, потому что пустая демонстрация всегда замрет сама собою, а сильное и осмысленное волнение, имеющее свои корни в действительности, прорвет самую крепкую и высокую плотину» (24, стр. 217).

Таким образом, выражая свои мысли в аллегорической форме, а порой обращаясь к

истории разных стран, Писарев давал по существу яркую картину социальных противоречий в России и делал далеко идущие выводы. Это прекрасно понимали его читатели.

В ноябре 1861 г. Чернышевский приглашает Писарева в «Современник». Для Писарева это была большая честь. И все же он отказался, ответив, что решил полностью посвятить себя «Русскому слову». Талант Писарева, поистине «деспотически подчиняющий себе», как выражался Ткачев, его умение писать красиво, живо, интересно и с «беззаветной искренностью» откликаться на жгучие вопросы современности, чутко улавливать настроение общественности сделали его «властителем дум» и «пророком» молодого поколения. Деятельность Писарева наложила отпечаток на все направление журнала «Русское слово», который, как свидетельствует Ткачев, стал одним из самых интересных и популярных в то время прогрессивных журналов и пользовался необыкновенным, почти баснословным успехом. Успех этот объясняется и тем, что по своей идейной направленности журнал стоял на уровне «Колокола» и «Современника» и в нем «как в зеркале отражалось умственное настроение молодежи 60-х годов». С нетерпением ожидалась каждая новая книжка «Русского слова». Современник Писарева С. Л. Чудновский, в то время гимназист херсонской гимназии, писал в своих воспоминаниях: «Кумиром и богом гимназической молодежи... был Д. И. Пи-

сарев. Статьями его захлебывались, мысли его воспринимались с благоговением, как евангелие, как нечто непререкаемое, как священный завет. Я помню, — пишет автор, — с каким страстным нетерпением мы ожидали выхода книжек чрезвычайно популярного тогда «Русского слова» и с какой жадностью мы набрасывались на полученную новую книжку, если только в ней появлялась статья Писарева...» (111, стр. 8). Выход очередного номера журнала составлял для читателей целое событие, вызывая бурные споры, горячие прения, дебаты, полемику, подчас восторженные рукоплескания, а подчас и ядовитую ругань. «Лихой барабанщик» молодежи — вот меткая характеристика Писарева в этот период (73, стр. 9). Писарев вызывал интерес даже в кругах, далеко не сочувствующих боевому духу его взглядов, хотя здесь его статьи воспринимались чуть ли не со скрежетом зубовным.

Представители реакционных кругов признавали большое влияние Писарева на общественность. Так, в официальном докладе цензора Скуратова говорится, что «из всех русских социалистических писателей Писарев едва ли не самый популярный в кругу незрелой молодежи, которая не только читает, но изучает его сочинения, и каждая строка в них служит темой для горячих, увлекательных споров и толков; что у другого автора осталось бы неизвестным или незамеченным, в сочинениях Писарева будет отыскано,

обсуждено и цитировано в подтверждение социалистических учений об угнетении труда капиталом и т. д.» (44, стр. 158).

А в отзыве члена цензурного комитета Никитенко говорится о большом влиянии «Русского слова» и «Современника» на читателей, и особенно на молодежь. Популярность «Русского слова», тон в котором задавал Писарев, была совсем нежелательной для царской цензуры, видевшей в этом журнале расадника атеизма и материализма, разрушителя авторитетов власти, нравственности, веры. В связи с обострением политического кризиса в стране после реформы журналу было сделано предупреждение.

Но оппозиционное движение все ширилось и во многих городах было поддержано передовой общественностью страны, и особенно студенчеством. В ответ на это правительством было принято решение о закрытии всех воскресных школ и женского пансиона в Вильне. Временно были прекращены занятия в Петербургском университете, бунтующее студенчество которого заполнило улицы столицы. Московский и Казанский университеты также были закрыты, а профессора с передовыми взглядами вынуждены были уйти в отставку. «Атмосфера была насыщена духом реакции», — вспоминал позже Кропоткин. «Современник» и «Русское слово», по-прежнему оставшиеся не только идейными вдохновителями движения, но «какими-то евангелиями молодежи», находились теперь под

угрозой закрытия. Понимая это и желая предотвратить опасность, Писарев пишет статью «Очерки из истории печати во Франции», где под видом обзора французской печати старается намекнуть на критическое состояние печати в России и этим по возможности отвести удар, нависший над прогрессивной прессой. Надеясь на политические осложнения в России, Писарев подчеркивает, что стремление правительства поправить свое положение преследованиями «настроения умов, которое является характерным для целой нации», не укрепляет, а еще больше подрывает его позицию. Выпадами против свободы печатной мысли правительство покажет, что оно «боится простых выводов здоровой логики, потому что его существование, его происхождение, его действия во всех отношениях противоречат этим простым выводам» (14, стр. 497). Но старания Писарева оказались напрасными. В июле 1861 г. выпуск «Современника» и «Русского слова» был приостановлен на 8 месяцев. Писарев, однако, намеревался продолжать свою деятельность в том же духе, если, конечно, обстоятельства не принудят его, как он говорил, «отправиться в места отдаленнейшие и бросить журналистику». А обстоятельства складывались неблагоприятно. Ретроградная печать объясняла жадное стремление юношества к новым идеям незрелостью ума, неразвитостью и совращенностью вследствие неумения «противиться обаянию печатного слова» тех

нигилистических журналов, где якобы демагогически «толкуется о безграничной свободе человека вообще и юношества в особенности» и где проповедаются возмутительные мысли и опасные теории (80, стр. 54). Желая представить студенческие волнения и другие выступления против старых порядков как бессмысленные действия деморализованной радикальными журналами молодежи, реакционные круги развернули кампанию клеветы против Герцена, «Колокол» которого, тайно проникавший в Россию, вместе с «Современником» и «Русским словом» вел революционную агитацию. Ретроградная печать называла Герцена «беглым апостолом революции», который якобы из «безопасного притона» командует «на русских площадях бунтующими мальчишками», усугубляя кризис (80, стр. 87). Писарев видел в Герцене единомышленника в борьбе и поэтому считал своим долгом дать достойный отпор выпадам реакции. Особенно рьяно выступал с нападками на Герцена барон Фиркс (псевдоним Шедо-Ферроти). Писарев написал рецензию на одну из брошюр Шедо-Ферроти, но цензура не пропустила ее. Тогда Писарев сочинил статью-прокламацию «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти», где открыто выступил против царского правительства. Продолжая мысль о царице и о трутнях, изложенную в «Пчелах», он бросает гневный вызов правительству, называя его вместе с придворным окруже-

нием «естественными притеснителями и врагами» народа, «царственными лежебоками», злоупотребляющими терпением масс и держащимися у власти только «непрерывным рядом преступлений». На ряде примеров Писарев показывает, как правительство систематически поглощает материальные средства и губит силы народа. И так будет до тех пор, пока «масса проглоченного, — говорит он, — не разорвет это безобразное чудовище» (20, стр. 126). Исходя из исторической обстановки России, Писарев предсказывает скорую гибель «средневекового правительства», царствующей династии Романовых. Все, «что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; нам останется, — говорил он, — только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» (20, стр. 126). Статья была обнаружена во время обыска выданной провокатором тайной типографии Баллода. Так как Баллод не хотел назвать автора статьи, чтобы дать возможность Писареву уехать за границу, то Следственная комиссия тщательно изучила ее с целью определить автора. Сличение почерков и само изложение навели на мысль, что автор рукописи — Чернышевский или Писарев. Вслед за этим 27 июня 1862 г. в журнале Следственной комиссии появилась запись о «незамедленном произведении внезапного и строгого обыска в квартире Д. И. Писарева и его аресте» (45). Писарев был привлечен к суду за антиправительственную

деятельность и заключен в одиночный каземат Невской куртны Петропавловской крепости. Здесь он около двух лет содержался как подследственный, пребывая в неизвестности относительно своей дальнейшей судьбы. Во время следствия, как сообщают документы, Писарев сначала настойчиво отрекался от авторства, а потом объяснял резкое направление статьи горячностью характера, душевной болезнью, опрометчивостью по молодости лет. Но Судебная комиссия доказала, что статья, написанная не в один раз, свидетельствует об обдуманности «преступного действия». Министр юстиции считал эту статью «возмутительной... написанной дерзкими и оскорбительными выражениями как против правительства, так и против священной особы государя императора» (45). Свое поведение в период следствия Писарев позже объясняет в статье «Популяризаторы отрицательных доктрин», где говорит о сходной со своей судьбой судьбе Вольтера, который, будучи обвинен в распространении запретной литературы, во время допроса отказывался не только от факта распространения, но и от своих идей. Писарев одобряет подобную тактику, так как она не вредит делу, а «только отнимает у иезуитов и у полицейских сыщиков возможность помучить оппозиционного мыслителя» (11, стр. 485). Как реалист и утилитарист, он считал бесполезным и потому глупым бравировать арестом и увеселять своей особой охранку. По его мнению,

необходимо было сделать все, чтобы избежать тюремного заключения, которое в ущерб демократическому движению прервало бы на длительный срок его только что развернувшуюся деятельность. Писарев отмечал, что подобные маневры очень напоминают тактику бурсаков по отношению к своему начальству. «Но что же делать? — говорит он. — Бывают такие времена, когда целое общество уподобляется одной огромной бурсе. Виноваты в этом не те люди, которые лгут, а те, которые заставляют лгать» (11, стр. 485).

Судебная комиссия раскрыла смысл его отпирательств и вынесла решение, что, хотя не вполне доказана виновность Писарева в намерении распространить свое произведение, он виновен в написании антиправительственного воззвания и, следовательно, в покушении на возбуждение бунта. За это Писарев был приговорен к заключению в Петропавловскую крепость.

IV НОСИТЕЛИ МЕЧА

Чтобы во всей глубине понять смысл деятельности и взглядов Писарева в рассмотренный период, чтобы объяснить особенность его воззрений в последующее время, необходимо хотя бы кратко рассмотреть сущность нигилизма 60-х годов в России, признанным вождем которого был Писарев. Ведь не зря термин «нигилист» не только сопровождал Писарева до конца его дней, но и остался неотъемлемым от его имени навсегда. Проблема нигилизма представляет также несомненный интерес и при анализе самой эпохи 60-х годов, освещенной его «ярким и оригинальным светом». Откуда же ведет свое начало нигилизм? Каково его истинное содержание, его роль в развитии общественно-политической мысли России? Почему он вызвал самые противоречивые оценки и современников, и более поздних исследователей?

Анализируя бурный период расцвета нигилизма в России, большинство исследователей пришло к выводу, который довольно удачно выразил Е. Соловьев, говоривший,

что сама «русская жизнь упорно подготовляла нигилизм», так как именно «безобразия», которыми она была переполнена, и явились... питательной почвой для отрицания (96, стр. 165).

Трехполье, самая отсталая техника, консервативная система землеустройства и судопроизводства, религия и идеализм в духовной жизни, царская власть как вершина политического здания, власть чиновника в общественной жизни, полное бесправие личности в гражданской жизни, непререкаемый авторитет главы семейства в быту, суеверие и безнравственное ханжество в области морали — вот те характерные черты русской действительности, которые делали протест, по словам Писарева, «насушную потребностью русского общества» (19, стр. 115) и явились основой нигилистических тенденций эпохи.

Герцен, касаясь истории нигилизма, говорил, что первые «зарницы нигилизма — зарницы той совершеннейшей свободы» появились еще в 40-е годы, в эпоху мертвого затишья николаевского царствования, когда полумрак «семилетней ночи» надоел, «ужас притупился», забился пульс совести, появилось чувство неудовлетворенности. Казалось, что где-то внутри, в глубинных основах России невидимо созревают и поднимаются пока еще слабые, но «здоровые» силы (37, стр. 346). Первым криком среди этого мрачного безмолвия, криком, в котором вылилась годами накопленная боль, невысказанные ненависть

и озлобление против николаевской действительности, было «Письмо» П. Я. Чаадаева, некогда близкого декабристам. «Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утрате или о том, что его не будет, — все равно надобно было проснуться...» (39, стр. 139) — писал Герцен. И Россия стала медленно пробуждаться. Журнал «Телескоп», опубликовавший чаадаевское «Письмо», было приказано закрыть, автора объявить сумасшедшим и изолировать от общества. Но было поздно. Россия как бы очнулась от длительного оцепенения. К тому же чаадаевское отрицание, как верно подчеркивает А. Лебедев, явилось лишь выражением объективного процесса, который уже развивался в России. Повсюду поднимался ропот. Все, не исключая армейских офицеров, стали не только критиковать политику правительства, но и выражать недовольство «самим Николаем» (37, стр. 347). Последний, иронически замечает Герцен, «в смятении духа почувствовал за обедом у флигель-адъютанта Б. чуть ли не в присутствии самого Дубельта, как между сыром и грушей родился нигилизм» (37, стр. 347). В нигилизме император смутно предугадывал нечто грозное, способное противопоставить себя существующему режиму.

Подспудная стихия поднималась медленно. Но к концу 50-х годов взрыв назрел. И вдруг злое молчание разрывается по-

трясающим взрывом смеха, «странного смеха, страшного смеха, смеха судорожного, в котором был и стыд, и угрызение совести, и, пожалуй, не смех до слез, а слезы до смеха. Нелепый, уродливый, узкий мир «Мертвых душ» не вынес, осел и стал отодвигаться. А проповедь шла сильнее... все звало людей к сознанию своего положения, к ужасу перед крепостным правом и перед собственным бесправием, все указывало на науку и образование, на очищение мысли от всего традиционного хлама, на свободу совести и разума... Тихая работа сороковых годов разом оборвалась» (37, стр. 348). Так с начала 60-х годов развернулась та внутренняя «партизанская» война прогрессивного начала с охранительным, которая проходила под интригующим названием «нигилизм». Идейным вдохновителем ее был Писарев. Термин «нигилизм» в России употреблялся с 20-х годов. Но после выхода романа Тургенева «Отцы и дети», где был выведен образ нигилиста Базарова, он стал общераспространенным. Слово «нигилизм», выразившее сущность отрицательного направления в движении шестидесятников, как говорили современники, пришлось России «ко двору», быстро прижилось. Постепенно в понятие нигилизма стало включаться все, в чем хотя в какой-то степени чувствовалось веяние прогрессивных идей, в чем заявлял о себе материализм и давали знать антирелигиозные начала, т. е. нигилизм все более отождествлялся

с революционностью. В то же время нигилизм сосредоточил на себе всю ярость и злобу реакционеров, которые, используя допущенные нигилистами крайности и противоречия, давали о нем самые уничтожающие отзывы. Желая оттолкнуть от нигилизма общественность, реакционеры стали причислять к нему не только все, что было необычно, что привлекало своей новизной и яркостью в затхлой атмосфере всеобщего застоя, но и приписывали ему все неестественное, вызывающе-вульгарное, отталкивающее.

Интересные данные на этот счет приводит Е. Соловьев. «В разгар движения, — говорит он, — всякого, кто отрицал эстетику, авторитеты частные и общие, видел в естествознании единственную настоящую науку, кто восставал против деспотизма патриархальной семьи, кто не ходил в церковь или носил длинные волосы, плед и синие очки, — всех одинаково называли нигилистами. Один журналист писал: «Нигилизм — это атеизм, материализм, эмансипация, свободная любовь, анархия и распутство; словом, «в бога не верует и в баню не ходит»» (96, стр. 166). Таким образом, этот термин, вобрав в себя самые противоречивые понятия, становился, по словам Писарева, или знаком отличия возглавляемого им течения, или «позорным клеймом» в зависимости от того, какая голова, дружеская или вражеская, потрудилась над его толкованием. Враждебное окружение изображало нигилистов как шайку «интели-

гентных разбойников обоего пола», озлобленных неудачников и скудоумных невежд, которые, теряя ориентиры, доходили в своем отрицании до абсурда, до помешательства. Бессмысленное разрушение, или «отрицание для отрицания», они будто бы сделали смыслом своей деятельности и конечной целью ее. А поэтому нигилисты-де не получили поддержки общественности, которая якобы встретила их «недоверчиво и враждебно» (59, стр. 72). В действительности же идеи нигилистов вызвали живой интерес среди прогрессивной общественности. Недаром даже ярые противники нигилизма вынуждены были признать в нем не только характерную черту момента 60-х годов, но и совершенно новое явление, импонировавшее взглядам молодого поколения. Так, Страхов вспоминает, что освобождение крестьян дало толчок к освобождению умов, распространению мыслей об обновлении всей жизни до ее основ и это движение захватило как людей зрелых, так и молодежь. Обстановка всеобщего недовольства окружающим способствовала широкой популярности идей нигилизма и обуславливала их дальнейшее развитие. Поэтому «Русский вестник» от лица всей редакции выражал панический ужас по поводу того, что «нигилистические понятия овладевают умами... мало... встречают себе отпора... напротив, все поблажает им и все питает их...» (82, стр. 414).

Что же касается отрицательных тенденций нигилистов, вызвавших массу нареканий, то, как говорил Кропоткин, настойчивость, непримиримость и беспощадность в отрицании проявлялись у них только по отношению к тому, что было «проникнуто духом крепостничества». Даже самые злобствующие реакционеры, приравнивающие деятельность нигилистов к «вандализму», вынуждены были признать, что в тяжелых условиях цензуры им приходилось «в одно и то же время и отрицать и утверждать, ломать старые и создавать новые идеалы» (43, стр. 76).

Герцен, живший в это время за границей, писал, что получил «перцовое наслаждение» от ознакомления со взглядами Писарева и высказывал сожаление, что «порядком узнал этого Маккавеев петербургского нигилизма так поздно». Он говорил, что название «нигилизм», возможно, не вполне верно отражает сущность писаревского направления. Во всяком случае, нигилизм представляет собой такой склад мышления, который «не превращает что-нибудь в ничто», как утверждают ретрограды, и не принимает иллюзорное «ничто» за «что-нибудь». «Нигилизм... по его мнению, — это наука без догматов, это безусловная покорность опыту и безропотное принятие всех последствий... если они вытекают из наблюдения, требуются разумом». А если под нигилизмом понимать «обратное

творчество, т. е. превращение фактов и мыслей в ничего, в бесплодный скептицизм, в надменное «сложь руки», в отчаяние, ведущее к бездействию, тогда настоящие нигилисты всего меньше подойдут под это определение» (37, стр. 349).

Анализ истории нигилизма и борьбы вокруг него показывает, что не его ошибочные крайности, а его революционное содержание, указывающее на противоположность классовых интересов, скрытых за несколько необычной формой, заставляло идейных противников настойчиво подвергать нигилизм яростным атакам.

Желая доказать отсутствие внутренних причин для революции в России, реакционеры объясняли бурные события 60-х годов влиянием извне и считали их то откликом польского восстания 1863 г., то патологическим порождением революционной эпохи Франции, то вообще «болезненным продуктом» Запада, пробравшимся в Россию «контрабандой». Но иногда они в своем рвении «опорочить» нигилизм революционностью так увлекались, что довольно верно прослеживали его основные вехи и в России. Например, М. П. Погодин приводит слова одного из своих современников: «Полевой роди Белинского... Белинский роди Чернышевского... Чернышевский роди Писарева, который дошел до нельзя...» (85, стр. 35). О революционности нигилизма, имеющего глубокие

корни в русской действительности, можно судить не только по высказываниям его врагов. Преемственность революционной традиции в нигилизме хорошо показал Герцен, проводя эту линию от декабристов через свое поколение к шестидесятникам: «Мы от декабристов получили в наследство возбужденное чувство человеческого достоинства, стремление к независимости, ненависть к рабству, уважение к Западу и революции, веру в возможность переворота в России, страстное желание участвовать в нем... Все это переработалось, стало иным, но основы целы. Что же наше поколение завещало новому? *Нигилизм*» (37, стр. 346). Нигилизм, как полагает Герцен, надо понимать широко. Например, когда Белинский назвал себя дураком за то, что так много времени потерял на прослеживание сложности прихода духа к самосознанию в системе Гегеля, это был уже нигилизм. Когда Бакунин уличал немецких философов в косности и в робости отрицания, а революционеров 1848 г. — в умеренности, то он был «*вполне нигилист*». И наконец, когда петрашевцы хотели низвергнуть «все божеские и человеческие законы и разрушить основы общества... они были *нигилистами*» (37, стр. 349—350). О чем же говорит это воинствующее течение? А говорит оно, по мнению Герцена, о том, что «семена, унаследованные небольшой кучкой наших друзей и нами самими от наших великих предшествен-

ников по труду, мы бросили в новые борозды, и ничто не погибло. Сильные и могучие всходы, так обильно разросшиеся в первые же годы нынешнего царствования, нисколько не отмерли — они пробиваются сквозь потоки грязи, полные гниющих отбросов, которые послужат удобрением для грядущего, но подавляют настоящее».

«Фаза развития, в которую мы вступили, — продолжает свою мысль Герцен, — тяжела и сурова. Она далека от застоя. Прорастание не прекращается, но идет другими путями...» (38, стр. 400). Формы движения и сила его размаха свидетельствуют о том, что молодое поколение «достигло совершеннолетия». А если «есть молодежь, столь глубоко, бесповоротно преданная социализму, столь преисполненная бесстрашной логики, столь сильная реализмом в науке и отрицанием во всех областях клерикального и правительственного фетишизма», то можно не бояться — *идея не погибнет* (38, стр. 399). Говоря о революционной сущности нигилизма, важно отметить тот факт, что Энгельс, характеризуя направление общественных движений России эпохи 60-х годов, говорил, что «в движении, которое обычно называют нигилизмом», были заключены зачатки пролетарского движения (2, стр. 41). Это была высокая оценка движения шестидесятников, этого «гордого и смелого восстания», в котором, по меткому выражению Кропоткина,

«носителями меча» были нигилисты. Итак, нигилизм — это развивающееся в 60-х годах внутри революционной демократии течение, которое выступило с крайне радикальной программой и явилось оригинальным выражением объективно назревшего всеобщего протеста против существующего положения.

НИГИЛИЗМ И РЕАЛИЗМ

В условиях тюремного режима продолжало формироваться мировоззрение Писарева. Друзья и сотрудники по «Русскому слову» часто навещали его, приносили ему книги, журналы, письма и вести с воли. В письмах к матери Писарев неоднократно упоминал, что, убедившись в невозможности избежать участи узника, он решил, как истинный реалист, и время заключения использовать по возможности рациональнее, с наибольшей пользой. Спустя почти год после заключения, Писареву удалось не без труда выхлопотать разрешение писать. И добившись предварительного разрешения печататься в «Русском слове», с которого уже был снят запрет, он усердно принялся за работу, не жалуясь и не впадая в пессимизм. Писарев считал, что для него в таком поведении «нет ничего искусственного» — это норма поведения реалиста в данных обстоятельствах.

В письмах из крепости он отмечал, что заключение, конечно, в определенной мере

ограничило его деятельность, но в то же время явилось своеобразной встряской, которая обострила деятельность его мозга, привела в предельную ясность его мысли и более отчетливо определила его наклонности. Он подчеркивал, что его идеи в других условиях «не развивались бы с такой полнотой и правильностью, как это произошло теперь». Писарев даже находил, что период пребывания в крепости был одним из самых плодотворных в его жизни, ибо труд в условиях тюремного каземата сделался для него «потребностью, привычкой и наслаждением». В крепости были написаны его основные статьи: «Очерки из истории труда», «Реалисты», «Мыслящий пролетариат», «Посмотрим!», «Исторические идеи Огюста Конта», «Пушкин и Белинский», «Разрушение эстетики» и др.

Боевой дух Писарева сохраняется и в статьях, созданных в заключении. И, как прежде, статьи его оказывают глубокое влияние на умы. В неопубликованном предисловии к 1-му изданию сочинений Писарева Павленков сообщает любопытный факт: служивший в тюремной страже крепости молодой офицер Борисов, который читал статьи Писарева, прежде чем отдать их в высшие инстанции, под влиянием писаревских идей изменил свои взгляды и уволился со службы. Протоиерей Петропавловской крепости, как пишет П. Д. Баллод, сообщал, «какие возмутительные статьи пишет Писарев по

рабочему вопросу. Если его статьи попадут в руки рабочего, то он пойдет на ножи» (27, стр. 55). Однако статьи Писарева проходили двойную цензуру, после которой они выходили сильно измененными и сокращенными. А многое из написанного им в крепости совсем не увидело света. Однако царскому правительству не удалось отгородить Писарева крепостной стеной от общественности. Комендант Петропавловской крепости и управляющий Третьим отделением генерал Потапов были недовольны работой, перепиской и особенно свиданиями Писарева с сотрудниками «Русского слова», известного «своим дурным и вредным направлением». Они много раз обращались к министру юстиции с записками, в которых высказывались за более суровый тюремный режим для Писарева. Одна из таких записок гласит: «Писарев по своему преступлению подлежит лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу, а потому во избежание, чтоб статьи Писарева не произвели бы тех последствий, какие произошли от романа Чернышевского «Что делать?», я полагаю бы снести с министром юстиции, не признает ли он нужным переместить Писарева в Алексеевский рavelин, и тогда как выпуск его статей, так и неуместные свидания могут быть прекращены» (45). Но, встав однажды на путь писателя «отрицательного» направления, Писарев без колебаний продолжал идти по этому пути. Его статьи по-прежнему

носили боевой, наступательный характер. Авторитет его и популярность теперь достигли кульминации. Это принесло небывалую славу «Русскому слову», каждый номер которого расценивался как целое событие.

Строки, выходящие из-под пера заточенного писателя, жадно читались и активно воспринимались не только молодежью Петербурга. Об этом свидетельствуют слова из письма Павленкову одного прапорщика, который сообщал: «Лет пять тому назад, среди провинциальной спячки и пошлости, встретился я впервые со статьей Писарева... какая-то сила приковала меня к ней; кругом шум, карточная игра, споры, все для меня закрылось туманом, и вдруг я почувствовал свое родство с духом статьи... Вот почему я думаю, что попадись кому книга Писарева — и конец: он направлен на новый, верный путь» (65, стр. 209). Даже ярые враги его вынуждены были признать, что «это был момент настоящего расцвета молодого журнала» и что «на поле журналистики «Русское слово» могло считаться в то время лучшим выразителем стремлений молодого общества» (32, стр. 472).

Важной вехой в идейном развитии Писарева явилась его статья «Базаров», опубликованная незадолго до его ареста и посвященная роману Тургенева «Отцы и дети», вызвавшему такую бурную реакцию общества, какой, по утверждению Тимирязева, очевидца этих событий, не вызывало ни одно

из произведений того времени. Полемика была похожа на ожесточенную схватку, где каждый считал своим долгом «отстоять или отделать» Базарова. Охотников «отделать» было подавляющее большинство. Утверждалось, что образ главного героя будто бы «не характерен» для эпохи 60-х годов и взят Тургеневым «не из русского общества», а ввезен контрабандой из-за границы. В России же такой тип мог быть разве что «в эмбрионе». Утверждалось также, что образ Базарова — это карикатура на молодое поколение и что этим образом Тургенев «погрешил» против жизненной правды. Не только явно реакционная, но и прогрессивная критика ошибочно дала отрицательный отзыв на этот роман, не поняв его. От имени «Современника» выступил Антонович, который говорил, что смысл романа сводится к тому, что «молодое поколение удалилось от истины, блуждает по дебрям заблуждения и лжи, которая убивает в нем всякую поэзию, приводит его к человеконенавидению, отчаянию и бездействию или к деятельности, но бессмысленной и разрушительной» (25, стр. 74). Большая часть общественности склонялась к точке зрения Антоновича.

Среди этого шума одиноко, но смело и внушительно прозвучал голос Писарева. Он занял совершенно иную позицию по отношению к образу тургеневского героя, дав своеобразное толкование образа Базарова с позиций реализма. По его мнению, Тургенев

представил в романе глубоко жизненный тип, дал правдивый и яркий образ представителя молодого поколения, метко уловил тенденцию его развития и выявил живую связь с основным направлением новых стремлений эпохи. Писарев подчеркивал, что в романе воплощена «поразительная верность идеи», которой увлечена передовая молодежь, но у Тургенева не хватало материала, чтобы полнее обрисовать своего героя, носителя этой идеи, поэтому сторона отрицания оказалась несколько выпяченной.

Для Писарева было очень важно отстоять Базарова, так как вместе с ним он отстаивал, разъяснял и защищал свою идею реализма. Для Писарева «выйти на битву за Базарова, именем Базарова под флагом реалистического радикализма значило... сразиться за святыню своих пылких идейных влечений и страстей» (32, стр. 456, 457). Нигилиствующий реалист Базаров для Писарева был не только носителем, но и воинствующим проповедником его теории отрицания. И не без основания И. Иванов назвал Базарова своеобразным Магометом нигилизма. Писареву был очень хорошо понятен реалист Базаров, с которым он живет одними мыслями и чувствами. Это были родные братья «по духу, по жизни, по борьбе...» (72, стр. 128). Писаревское отрицание, положенное в основу реализма и основанное, с одной стороны, на широких социальных обобщениях, а с другой стороны, подготовленное всем ходом его личной жизни,

осознанием необходимости безжалостно отвергнуть всю систему старых понятий и авторитетов, сходно с базаровским нигилизмом. Писарев прослеживает эволюцию формирования Базарова как реалиста. Он кончает университетский курс, проникается уважением к естественным наукам, видя в них силу, способную произвести переворот в сознании людей, обогатить его критическим началом. Под влиянием естествознания Базаров признает опыт, непосредственное наблюдение важнейшим критерием в научном исследовании. Как неутомимый труженик и «человек дела», он приходит к принципам практического реализма и не признает других. Уверовав в силу и правоту реализма, Базаров ненавидит пустую фразеологию. Чуждый пустой мечтательности, он убежден, что общее счастье всех людей можно приблизить только честным и упорным полезным обществу трудом. Базаров уверен, что трудиться для будущего — это заботиться в первую очередь об улучшении участи современных тружеников. В основе деятельности его — принцип общественной пользы, в основе морали — принцип «разумного эгоизма», который проявляется в том, что он вещи называет своими именами, никого не боится, ни под кого не подделывается, ни перед кем не заискивает, везде и во всем поступает только так, как считает правильным и нужным. Базаров отрицает наслаждения, в которых не видит «источника силы для работы». Первоочеред-

ную задачу видит он, как реалист, в распространении реальных знаний, а конечную цель — в переустройстве общества на демократических началах.

В Базаровых Писарев видел «мыслящих реалистов», представителей нового поколения, у которых еще не хватает сил, чтобы изменить существующий порядок, но которые не могут ужиться с окружающими условиями и отрицают все, что связано с существующими общественными устоями. Несмотря на перегибы в отрицании, они стоят «неизмеримо выше отрицаемого». Нигилизм их является не только их отличительной чертой, но и великим достоинством. Писарев утверждал, что именно Базарову, этому представителю «разрушительной силы настоящего», принадлежит будущее. Из людей, подобных ему, чуждых пессимизма, вечно молодых, деятельных, волевых, твердо верящих в правоту своих убеждений, не трусящих даже перед смертью, умеющих слить воедино мысль и дело, при соответствующих обстоятельствах могут выработаться великие исторические деятели.

Преднамеренно выбирая из романа все самое нужное и яркое для характеристики реалиста, тщательно подчеркивая и поясняя эти моменты, Писарев не удерживался порой от собственных добавлений. Поэтому в какой-то степени прав был Шелгунов, когда говорил, что «писаревский Базаров... не похож на Базарова тургеневского. Базаров

Писарева есть его собственная идея и более зрелая мысль, очищенная и профильтрованная сквозь мировоззрение самого Писарева» (113, стр. 408). Многие современники даже отмечали, что не столько Тургенев, сколько Писарев заинтересовал общественность образом Базарова. Циолковский в годы своей юности, как сообщает В. Львов, буквально «благоговел» перед тем Базаровым, которого изобразил Писарев. Он считал, что именно Базаровы-шестидесятники должны вывести молодежь на прямую дорогу. Писаревское толкование тургеневского Базарова заставляло глубже и по-новому понимать этот образ. Тимирязев свое оригинальное понимание образа Базарова как реалиста дал через сравнение его с Петром I: «Если один был самым ярким положительным явлением на тусклом фоне русской истории, то не был ли другой единственной положительной, «героической» фигурой на бесцветном поле русских литературных типов, этой бесконечной вереницы нытиков и жуиров. Тот и другой были прежде всего воплощением «вечного работника», все равно «на троне» или в мастерской науки... Оба властной рукой «втокнули» русского человека в круговорот... жизни... Оба, убежденные реалисты, ставили выше всего знание, науку и с каким-то умственным аскетизмом отталкивали от себя все смягчающее, скрашивающее жизнь во имя служения тому, что предоставлялось им настоящей потребностью минуты» (103, стр. 53). Сам

И. С. Тургенев подчеркивал, что только Писарев в то время сумел тонко проанализировать образ Базарова и дать ему интерпретацию, соответствующую замыслу автора. В одном из писем из Баден-Бадена он писал: «Мелькнула мысль нового романа. Вот она: есть романтики реализма... Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу. — Они ищут в реальном не поэзии — эта им смешна — но нечто великое и значительное» (117, стр. 86—87). Эти люди выступают в роли «проповедников» и «пророков», и их появление в России, по мнению Тургенева, «полезно и необходимо». Может сначала показаться, что каждый из них эгоист. И «только наблюдательный глаз, — продолжает свою мысль Тургенев, — может видеть в нем струю социальную, гуманную, общечеловеческую: она сказывается в выборе его занятия, в сознании долга перед другими... во всем плебейском закале. — Натура грубая, тяжелая на слово, без всякого эстетического начала — но сильная и мужественная, нескудная, с выдержкой. У него своя религия — торжество низшего класса, в котором он хочет участвовать. — Русский революционер...» (107, стр. 87). Эта же мысль проводилась им также и в письме к Случевскому. Здесь Тургенев прямо говорил, что, замышляя образ Базарова, он «хотел сделать из него лицо трагическое — тут было не до нежностей. Он честен, правдив и демократ до конца ногтей... Мне мечталась фигура

сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная... мне мечтался какой-то странный pendant Пугачевым» (106, стр. 379, 381). «...И если, — писал Тургенев, — он называется нигилистом, то надо читать: революционером» (106, стр. 380). Итак, нигилист Базаров является воплощением идей Писарева. Но его программа, где делается ставка на практическую и научную деятельность, отличается от прежней программы нигилизма, в которой предписывалось бить направо и налево. Базаров дается Писаревым как личность, пробужденная к деятельности естественными науками, как человек настоящего, приближающий своим общепольным трудом будущее. Не истощать свои силы в бесплодной борьбе, пока еще нет условий для победы, а трудиться, опираясь на естественные науки, и способствовать приближению перестройки общества на новых началах. Но в то же время Базаров и не мирно настроенный практик, а потенциальный революционер. Таким образом, Базаров — это «мыслящий реалист», который несет идею отрицания в новой исторической обстановке.

Идейные противники Писарева расценивали тот факт, что Писарев все чаще употребляет при характеристике своего направления термин «реализм», а не «нигилизм», как крах, как публичное раскаяние и отступление, свертывание программы зарвавшихся в своем отрицании нигилистов. Они обращали

внимание на то, что Писарев, как лидер этого направления, верно подметил в нигилистическом лагере признаки быстрого разложения и подменил «умирающий нигилизм» реализмом, что означало, по их мнению, сведение его политической роли к «микроскопическим» размерам и переход к проблемам исключительно морального порядка.

На самом же деле все это было далеко не так, хотя изменения и в названии писаревского направления, и отчасти в его программе действительно произошли. Что касается замены названия «нигилизм» «реализмом», то сам Писарев это объясняет таким образом. Нигилизм, выступивший с очень резко сформулированной программой коренной ломки старых социальных устоев, давал повод врагам облекать его идеи в карикатурные формы, что не могло не сказаться отрицательно на их успехе. Необходимо было, не отказываясь от самой идеи, несколько изменить название, т. е. заменить слишком броское слово «нигилизм» другим, менее вызывающим, но отражающим суть течения. Писарев считал, что именно «реализм» и есть то слово, которое сочетает в себе все необходимое. Поэтому в полемике с Антоновичем он так настойчиво отстаивал это новое название. «Термин реалист... — говорил он, — исчерпывает весь смысл нашего направления до самого дна, и в то же время он никого не пугает, не раздражает... Это слово тихое, кроткое и глубокое. Термин раскрывает обе стороны наших

взглядов», основывающихся только на реальном в природе и обществе.

Причина же определенного изменения в программе нигилизма была более глубокой. Дело в том, что в это время в России произошли существенные изменения: наметился спад революционной ситуации и усилилась реакция. Хотя недовольные результатом реформы крестьяне продолжали выступать в последующие годы, было ясно, что движение в целом идет на убыль: в России не созрели еще ни объективные, ни субъективные условия для победы революции. Надежды Чернышевского на успешную революцию не осуществились.

Перед представителями передовой общественности в изменившейся социально-политической обстановке встала проблема поисков новых путей для решения социального вопроса. Но выдающиеся деятели революционной демократии по разным обстоятельствам выбыли из строя. В расцвете лет умер Добролюбов, был арестован и сослан в Сибирь Чернышевский, Герцен в эти годы уже не пользовался былой популярностью. Своеобразие и сложность обстановки увеличивали ответственность Писарева за решение проблемы путей общественного преобразования России.

Писарев обращается к критическому пересмотру теоретического наследия и приходит к выводу, что различные теории общественного переустройства, как прошлые, так и настоящие, представляют собой лишь красиво нарисованный идеал, непригодный в данных

исторических условиях России. Он утверждает, что в жизни имеются вещи, возможные по законам природы, но неисполнимые при данных условиях места и времени. Поэтому можно выдвигать теории невероятного размаха, утешаться блестящими перспективами, а действительная жизнь, ограниченная внешними обстоятельствами и материальными трудностями, «будет по-прежнему тащиться по своей колее». Необходимо реально подходить к оценке явлений жизни. А отсюда вывод: поскольку в России еще не созрели условия для победы революции, то нужно изменить прежнюю, не имевшую успеха тактику непосредственного призыва к революции и, не отказываясь в принципе от революции, заменить тактику другой, реально осуществимой в данных исторических условиях. Вот в этом и состоит суть изменения в политической программе нигилизма. Но это не было принципиальным отходом от революции, а следовательно, и от нигилизма как революционного отрицания. Реализм, предлагавший программу длительной и основательной подготовки масс к революционному переустройству общества, тоже был отрицанием (только в другой форме) существующего общественно-политического уклада и всего, что с ним связано. Эту мысль о разнице и сходстве нигилизма и реализма метко выразил один из тогдашних авторов, сказав, что нигилизм — это «любовая атака» самодержавия, а реализм — это его «длитель-

ная осада». И не зря «Русский вестник» называл писаревский реализм «красным реализмом», исходящим из недр «чистокровного красного нигилизма», родство между которыми не вызывает никаких сомнений (43, стр. 110—111).

К 1863 г. реализм во взглядах Писарева утвердился окончательно. В 1864 г. он уже говорит о реализме как об основе своих воззрений, заявляя о начале нового и «совершенно самостоятельного» течения мысли. И хотя сам термин «реализм» имел хождение и до 60-х годов, однако реализм Писарева, как подчеркивали современники, во многом не был похож на направления, ранее носившие это имя. Поэтому даже противники Писарева признавали оригинальность его учения. «Этим реализмом, — говорил Немировский, — проникнут каждый мыслящий человек, и только ум, сдерживаемый и опутываемый преданием, верованиями, симпатиями, не прозревает всей глубины и истинности такого направления» (79, стр. 11).

Писарев, определяя провозглашенный им реализм, говорил: «...сущность нашего направления заключает в себе две главные стороны, которые тесно связаны между собою, но которые, однако, могут быть рассматриваемы отдельно и обозначаемы различными терминами. Первая сторона состоит из наших взглядов на природу: тут мы принимаем в соображение только действительно существующие, *реальные*, видимые и

осязаемые явления или свойства предметов. Вторая сторона состоит из наших взглядов на общественную жизнь: тут мы принимаем в соображение только действительно существующие, *реальные*, видимые и осязаемые потребности человеческого организма» (21, стр. 449—450).

Разъясняя реальное направление детальнее, Писарев подчеркивал, что оно исходит из необходимости разрешить целый ряд животрепещущих проблем современности, обуславливается окружающей жизнью, заимствуя из нее все то, что «находится в самой неразрывной связи с действительными потребностями» общества, что «несомненно важно, необходимо, действительно».

Реализм, по Писареву, — это связь с жизнью в широком понимании этого слова, глубокое понимание гуманности и свободы, полезность как разумное наслаждение жизнью и способность приносить пользу самому себе и народу. И наконец, трезвый анализ существующего, критика и умственный прогресс — вот основные наметки тенденций писаревского реализма, ведущие в конечном итоге к решению проблемы «голодных и раздетых». Последовательное проведение реалистических принципов в социологии, политике, философии, этике и эстетике и составляет в совокупности «теорию реализма», являющаяся как бы костяком мировоззрения Писарева.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Краеугольный камень мировоззрения Писарева составляет его социально-политическая теория. Основой общественного прогресса в этой теории неизменно признается революция. Но при отсутствии условий для быстрой победы революции Писарев считал возможным мирный путь развития, который рассматривался им как медленное и всестороннее накопление сил для будущего социального переворота. Причем, признавая в этом случае рычагом прогресса науку, Писарев тут же оговаривался, что если в определенных исторических условиях «путь к счастью, путь умственного развития, оказывается необходимым, единственно верным путем, то это вовсе не значит, что следовало исключить из истории все двигатели событий, кроме опытной науки. Народное чувство, народный энтузиазм остаются при всех своих правах; если они могут привести к цели быстро, пускай приводят» (9, стр. 275—276). Это и было признание Писаревым наряду с путем «механическим» (революционным)

пути «химического», под которым понимался длительный процесс преобразования социально-экономической основы государства, а также сознания масс с целью подготовить их к долгой, последовательной и сознательной деятельности в деле общественного переустройства. Общественно-политические взгляды в «теории реализма» разработаны Писаревым со ставкой на «химический» путь развития. Это отражено в представленной им программе решения социального вопроса в России. План ее в общих чертах таков:

1. Неотступно пробуждать сознание масс с помощью широкого внедрения наук, особенно естественных. По мере повышения сознания народа все глубже раскрывать пороки существующего порядка вещей и, опираясь на международный опыт революционного движения, указывать пути к его ликвидации.
2. Придерживаясь принципа утилитаризма, добиваться строгой «экономии умственных сил» и, прилагая результаты человеческого ума к ведущим отраслям производства, развивать национальную промышленность и земледелие («теория индустриализма»). Через внедрение «умственного капитала» в процесс производства стремиться к разрешению проблемы «голодных и раздетых», поставив ее во главу угла программы и отрицая все, что мешает осуществлению этой задачи или отвлекает от нее.
3. Сложную миссию пробуждения сознания масс, подготовки их к революции, а также внедрения знаний в мате-

риальное производство и т. д. должны взять на себя кадры «реалистов» (идея «мыслящих реалистов»), которые из первоначальных просветителей и рядовых тружеников должны будут стать руководителями и вождями, когда созреют условия для революции. 4. Несмотря на конкретно-исторический характер данной программы, конечной целью ее должно быть достижение «общечеловеческой солидарности», т. е. социализма.

Хотя эта программа была построена с учетом запросов того времени, она содержала в себе элементы утопизма и идеализма.

Писарев, живо интересующийся событиями современности, зачастую метко схватывал их суть. Он сумел диалектически подойти к интерпретации социальных явлений, делая порой шаги в сторону исторического материализма. Однако присущие его взглядам черты просветительства и антропологизма, порождая узость подхода и односторонность оценок, делали его социологию внутренне противоречивой и в конечном итоге идеалистической.

В этом отношении характерно понимание Писаревым общественного прогресса. Хотя при детальной характеристике отдельных исторических форм общественной организации у Писарева имеются неточности, это не помешало ему не только определить особенности каждой из них, но и уловить общую тенденцию, т. е. признать неизбежность и закономерность их прогрессивной смены, име-

нуемую им «законом исторической постепенности». Проследивая основные этапы этого процесса, он показал, как самый несовершенный, первобытнообщинный строй с характерными для него примитивными орудиями труда и беспомощностью дикаря в его неравной борьбе с природой сменился рабовладельческим строем. Здесь страх первобытного человека, с одной стороны, и его дикий, неукротимый темперамент — с другой, подавлялись и подчинялись «свокорыстным инстинктом рабовладельца». Достигнув зрелости, рабовладение начинало подвергаться «более или менее сильным конвульсиям», возникали волнения, участники которых хотя и не возвышались до полного отрицания рабства, но все же способствовали подрыву основ этого строя. Писарев признавал при этом и важность «внешних обстоятельств». И все же он утверждал, что главная причина гибели рабовладельческого общества заключалась в классовых противоречиях, выливавшихся в восстания, в которых всегда проглядывали «намекы на предстоящий переворот и задатки будущего обновления» (11, стр. 356). Поэтому этот строй был обречен и «извергнулся бы своими средствами, иначе даже и не могло бы случиться» (7, стр. 392). Порядок, построенный на рабстве, не мог быть прочным и должен был со временем неизбежно пасть, как падает «засохший струп, как бесполезная чешуя», и уступить место последующему строю — феодализму (13,

стр. 391, 392). Феодализм характеризовался Писаревым как период феодальных усобиц, всепроникающей рутины, неограниченной власти церкви и широких антифеодальных движений, проходивших под знаком реформации. Желая показать неизбежность исторического хода, Писарев отмечал, что «средневековое status quo никак не могло быть прочным», так как обострившиеся внутренние противоречия должны были неизбежно привести к радикальному изменению общественных отношений. Довольно глубоко Писарев проследил те моменты истории, когда многовековое здание феодализма начало содрогаться и рушиться под натиском буржуазных революций.

Капитализму, еще не развившемуся к 60-м годам в России, но процветающему в странах Запада, Писарев уделил особое внимание. Хотя он и видел прогрессивность этого строя по сравнению с предыдущими общественными устройствами, однако сумел трезво оценить его и показать его противоречия. От него не скрылись ни конкурентная борьба между владельцами разных форм капитала, готовых действовать «себе в убыток» во имя разорения своих противников, ни столкновения капиталистов на международной арене с целью «подорвать иностранных соперников и отбить у них выгодный рынок», ни возникшие на этой основе разорительные войны, которые оказывают «гибельное влияние на победителей и побежденных» и т. д.

Он подчеркивает, что господство над миром — это «золотые грезы» капиталистов «всех наций». На ярких примерах из истории колониальных захватов европейцев в Вест-Индии, Турции, Индии Писарев разоблачал колониальную политику буржуазии, ставившую покоренные народы в «крепостную зависимость от победителей». Отмечая тяжелое положение трудящихся при капитализме, Писарев писал о наличии в капиталистических странах рабства, существующего или под своим именем, или под другими названиями, менее оскорбительными для «просвещенного слуха». Исходя из понимания общей тенденции исторического прогресса, Писарев пришел к заключению, что, поскольку «средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал, упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала» (20, стр. 308), уступив место новому строю, который «отнял бы у одного человека возможность эксплуатировать труд сотни других людей» (14, стр. 474) и с торжеством которого откроется «эра справедливости, физического здоровья и материального благосостояния». Но для этого нужно длительное время, чтобы «переработался исторический порядок вещей» и чтобы «сгнили и удобрили собою новую почву» обломки изжившей себя цивилизации.

Итак, весь цикл исторического развития в его движении от низшего к высшему завершается, по Писареву, социализмом, пред-

ставляющим собой «последний продукт позднейшей цивилизации». Но как Писарев определял движущие факторы исторического развития? Что он считал критерием общественного прогресса? Исходя из идей просветительства, основным показателем прогресса Писарев считал разум, знания. «...Народ, — убеждал он, — нуждается только в одной вещи, в которой заключаются уже все остальные блага человеческой жизни. Нуждается он в движении мыслей, а это движение возбуждается и поддерживается приобретением знаний. Пусть общество не сбивается с этой прямой и единственной дороги к прогрессу» (9, стр. 303). Но, уверовав в большую действенность знаний, Писарев доходит до признания в них не только «важнейшего элемента богатства» общества, но и самого действенного средства «осмыслить и усовершенствовать жизнь». «Мысль, и только мысль, — неотступно повторял он, — может переделать и обновить весь строй человеческой жизни» (10, стр. 109). От положения, что в умственной эмансипации масс кроется «исход к лучшему положению не только их самих, но и всего общества», Писарев идет к выводу, что «знание составляет ключ к решению общественной задачи не в одной России, но и во всем мире». Итак, здесь перед нами по существу идеалистическая концепция, основанная на признании духовного начала фактором, определяющим исто-

рическое развитие. Но у Писарева есть положения, противоречащие данному.

В своих статьях по естествознанию он часто развивал мысль о том, что благоприятные климатические, почвенные и другие природные условия способствуют общественному развитию, и тем самым правильно (хотя и неполно) определял роль географической среды в развитии общества. Возражая, как он выражался, «враждебному мировоззрению» Мальтуса, Писарев утверждал, что и численность населения любой страны всегда способствует разделению труда, обмену услуг, удешевлению предметов и увеличению их практической пользы, а следовательно, и умножению общественного богатства. На основании этого он пришел к выводу, что рост народонаселения «составляет непеременимое условие всякого прогресса» (8, стр. 524). Полемизируя с Мальтусом, Писарев подчеркивал, что «если бедность существует наравне с многолюдством», с прекрасными природными условиями, с внедрением технических и всяких других усовершенствований, то причину этого надо искать в порабощении труда и в «ненормальной организации» его в земледелии и в фабричном производстве, в полном административном произволе и т. д. Более того, бросая ретроспективный взгляд на историю цивилизации, анализируя многочисленные явления общественной жизни, Писарев в сущности делает вывод о том, что в поступательном развитии человечества от

древности до самых новейших цивилизаций важнейшую роль играет материальный фактор. Таким образом, Писарев приходит к двум противоречивым выводам относительно того, какой фактор является показателем прогресса: материальный или идеальный. Но Писарев подразумевает под материальным фактором развитие материального производства, в основе которого лежат две основные потребности человека, «без удовлетворения которых человек не мог бы улучшить свое материальное и интеллектуальное положение». Первую сторону материального производства Писарев усматривает во всестороннем обеспечении естественных потребностей человека в пище, одежде, жилище и т. д., а вторую — в нормализации отношений между людьми. Глубже раскрывая суть первой, Писарев говорил так: «Когда производитель сыт, одет и живет в сухом, теплом и светлом помещении, тогда он работает больше, охотнее и успешнее. Здоровье его улучшается; средняя продолжительность жизни увеличивается, способность размножения становится сильнее, и общество растет и богатеет; вместе с многолюдством является разнообразие занятий, развивающее предприимчивость и изобретательность, движение идей усиливается вместе с обменом продуктов, и общество во всех своих слоях с каждым годом становится богаче, деятельнее и счастливее. То же самое происходит в том случае, когда производитель затрачивает свой излишек на

улучшение орудий, потому что за улучшением орудий, конечно, следует приращение продукта, которое ведет за собою новое улучшение и таким образом подает сигнал к постоянно ускоряющемуся движению вперед» (8, стр. 577). Следовательно, Писарев связывает материальный фактор с чисто физиологическими «потребностями человеческого организма», диктуемыми природным инстинктом самосохранения. В этом наиболее ярко проявляется его антропологизм.

В определении же второй стороны производства скрыта догадка Писарева о том, что социальная жизнь обуславливается отношениями между группами людей, складывающимися в процессе трудовой деятельности. Однако определяющим в этих отношениях является, по мнению Писарева, не классовая принадлежность, а опять-таки то, что люди от природы «естественные помощники и союзники». Отношения людей в процессе исторического развития биологизируются. Антропологизм вел Писарева к идеализму.

Интересна в связи с этим трактовка Писаревым проблемы частной собственности. Он утверждал, что «источник и причину всякого зла» в обществе составляет «зловредный элемент присвоения чужого труда», который, возникнув вместе с разделением труда и затем развиваясь дальше, достиг «полного совершенствования». Именно ему обязано «неразумным», «хаотическим состоянием труда» современное общество, которое

представляется Писаревым в виде пирамиды. Люди, непосредственно занимающиеся добычей сырых материалов и их переработкой, расположены на нижних этажах, составляющих основание пирамиды. В верхних этажах располагаются или люди, занятые только в сфере обращения, не дающей приращения общественного продукта, или те, кто занят «очень неголоволомным делом исключительного потребления продуктов». Труд в этом обществе не получает должного вознаграждения. Больше того, вознаграждение и труд обратно пропорциональны друг другу. А это ведет к новому порождению «элемента присвоения чужого труда». Увязывая прогресс с «разумной организацией труда», Писарев делал вывод, что общество заметно продвинется вперед, если «обширнее будут нижние два этажа в сравнении с верхними», ибо силы людей, отвлеченные от материального производства «оказываются потерянными в общей экономии человечества». Разумная организация труда «удесятерит доход» общества, так как она предполагает обязательный труд каждого. Здесь «собственный труд не может быть заменен никаким другим ингредиентом». Далее Писарев утверждает, что если справедливый принцип организации и распределения будет по-прежнему нарушаться, то это приведет к еще большему обнищанию производителей, вызовет «общественные аномалии всякого рода» и последующие «периодические конвульсии общественного организма», по

причине которых одни цивилизации «уже погибли», а другим «угрожает гибель». Господство «элемента присвоения» неизбежно приведет к тому, что общество-пирамида «рухнет и превратится в безобразную кучу мусора». Писарев говорил, что причины болезней, от которых гибли цивилизации, очень различны, но существенный и основной характер этих болезней везде и всегда останется неизменным: цивилизации гибли от того, что «плоды их растут и зреют для немногих». Писарев, как видим, пришел к выводу, что причины социального зла лежат в самой основе существующего строя, в экономике. А поэтому утверждение всех формаций, как и «вступление в истинную цивилизацию», неизбежно должно сопровождаться «решительным поворотом в течении общественной и экономической жизни» и изменением отношений собственности. А это, по Писареву, значило основательно «перестроить все здание междучеловеческих отношений».

Итак, основную причину социального зла Писарев видел в наличии частной собственности и эксплуатации. Но вот истоки их он выводит из «совершенно безвредного свойства» человека — его стремления к приобретению, скрытого еще в неразвитом уме дикаря.

Натуралистическое толкование истоков частной собственности вело Писарева к нечеткому определению происхождения классового антагонизма. Писарев приходил к пра-

вильному выводу, что в современном обществе «происходит постоянная борьба между перепутанными интересами различных людей, содействующих производству», или, как говорил он, в основе отношений лежит «вековой спор между трудом и капиталом». Сами же отношения он называл искусственными, уродливыми комбинациями «недоверия и антагонизма» между людьми, основанными в конечном итоге на присвоении труда и его продуктов и представляющими «различные проявления рабства».

Данный Писаревым анализ расстановки классовых сил в ходе буржуазных революций в Европе, выделение пролетариата из третьего сословия и т. д. также свидетельствуют о во многом правильном понимании им классовых противоречий. Но, говоря об очевидности классового антагонизма и связывая его с частной собственностью, он в то же время склонен выводить этот антагонизм, как и саму частную собственность, опять-таки из естественных наклонностей и потребностей человека. По его мнению, люди, от природы миролюбивые, в стремлении удовлетворить потребности своего организма нарушили естественное дружелюбие, породили распри, сбились с настоящего пути и мучают друг друга.

Итак, когда Писарев пытался объяснить общественные явления, исходя из просветительства, он шел, несмотря на революционно-демократическое содержание его просвети-

тельских взглядов, прямо к идеализму. Когда же он исходил непосредственно из анализа действительности, дававшей богатый материал для смелых и широких обобщений, он часто правильно интерпретировал явления. Но и в этом случае при объяснении ряда общественных явлений, вытекающих из глубинных процессов общественного бытия, Писарев в силу исторической ограниченности его взглядов за исходную позицию брал некую абстрактную человеческую природу. Антропологизм приводил Писарева к половинчатым решениям, утопичным положениям и в конечном итоге к идеализму в понимании истории.

ИНДУСТРИАЛИЗМ РАДИКАЛА

Убедившись в неотвратимости исторического процесса, Писарев, несмотря на неразвитость капиталистических отношений в середине XIX в. в России, предсказывал неизбежность капитализма и на русской почве. Эту идею Писарев проводил довольно решительно, противопоставляя ее славянофильской теории, доказывавшей, что вследствие якобы заложенных в самих глубинных истоках русской жизни патриархальности, православия, преданности самодержавию процесс исторического развития Русского государства настолько самобытен и оригинален, что исключает всякую возможность одинаковости путей России и капиталистического Запада. Мысль об обязательности капитализма в России и о том, что эпоха капитализма в России должна предшествовать революции, настойчиво проводилась Писаревым также в противоположность Герцену и Чернышевскому. Они выражали надежду, что революция опередит развитие капитализма в России и путь к социализму пройдет через крестьянскую

общину, которая и явится основой будущего обновления страны. Писарев же на общину не возлагал никаких надежд. Вопрос для него состоял только в том, какой уклон примет развитие капитализма: останется ли буржуазная Россия земледельческой страной или пойдет по пути промышленного развития. Писарев стоял за индустриализацию. Он доказывал, что только через «индустриализм», через всестороннее развитие экономики можно ликвидировать отсталость России, что такое развитие даст ей возможность достичь уровня стран Запада и сохранить независимость от них. Кроме того, Писарев был убежден, что курс на промышленное развитие страны даст возможность решить вопрос о путях прогресса русского общества, т. е. выйти из социального тупика, выразившегося в противоречии между необходимостью развития страны и невозможностью при данных исторических условиях ее революционного преобразования.

Писарев пришел, как он выражался, к «капитальному заключению», что главной причиной всех бедствий России является почти всеобъемлющая материальная и умственная бедность, органически связанные друг с другом. По его мнению, степень умственной бедности в обществе граничит с круглым невежеством, с полнейшей интеллектуальной нищетой. К тому же в использовании имеющихся знаний наблюдаются недопустимые издержки, а это в свою оче-

редь ведет к материальной бедности, так как процесс производства базируется на рутинной технике из-за недостаточного количества знаний. Но Писарев отмечал, что умственная бедность «не составляет неизлечимой болезни» общества, и предлагал ликвидировать ее путем приложения утилитарного принципа к экономии умственных сил, что должно привести к накоплению «умственного капитала» и, следовательно, к материальному богатству. Для решения этой задачи он предлагал накопленные знания положительных наук использовать исключительно рационально, т. е. внедрять их в производство, прилагая к тем отраслям его, которые приносят обществу «хороший процент» прибыли. И знания, приложенные таким образом к процессу производства, будут способствовать его прогрессу и этим увеличат материальное богатство страны. «Экономия умственных сил, — заключает он, — увеличит наш умственный капитал, а этот увеличенный капитал, приложенный к полезному производству, увеличит количество хлеба, мяса, одежды, обуви, орудий и всех остальных вещественных продуктов труда» (10, стр. 5). Писарев старался всячески пропагандировать мысль о том, что основная задача общества на данном этапе истории состоит в развитии экономики, в улучшении устаревших способов в фабричном, ремесленном и земледельческом производстве через внедрение техники и ликвидацию «губительного разрыва между наукою

и физическим трудом». Идея «экономического обновления» и была положена им в основу «теории индустриализма».

Доказывая преимущества промышленно развитых стран, Писарев отмечал, что только в таких странах возможно активное внедрение усовершенствований в технических, химических и всяких других процессах. Вода, ветер, пар и другие стихийные силы природы, приспособленные к нуждам производства на мельнице, в прядильном, ткацком, стеклоделательном и других производствах, должны заменить, а следовательно, и освободить тысячи человеческих рук. Говоря о большой роли «технического перевооружения», Писарев, однако, понимал и противоречивость прогресса при капитализме, где появление новых машин, паровых двигателей, станков несет «свою долю страдания» и не облегчает труда рабочих. Здесь «машины родят пауперизм, т. е. хроническую и неизлечимую бедность», ведут за собой разорение и гибель миллионов кустарей, для которых появление даже простого ткацкого станка равносильно «страшному неурожаю, громадному пожару, наводнению или вообще какому-нибудь жестокому естественному бедствию». Это ведет к «отстранению людей от производственных занятий» с последующим «тягостным застоём» рабочей силы и умножением «индивидуальных страданий». В одних отраслях «работники голодают от недостатка работы», в то время как другие пред-

прияття страдают от недостатка рабочей силы, да и земледелие отнюдь не на таком уровне совершенства, чтобы некуда было приложить избыток рабочих рук. Развивая эту мысль, Писарев заявлял, что если внедрение технических усовершенствований сопровождается непродуманным использованием сэкономленной силы, то причина этого кроется не в самих усовершенствованиях, а в «уродливых условиях» в обществе, так как все нововведения, монополизированные «в пользу немногих», увеличивают неравенство и порабощение. Писарев говорит, что «промышленный прогресс, приводящий в движение сотни колоссальных машин, вовсе не может служить мерилем благосостояния страны и доказательством развитости его жителей», ибо все это становится «монополией» немногих.

Но, подчеркивая, что машины при капитализме не освобождают ручной труд рабочих, а только «закабаляют их в безвыходное рабство», Писарев в то же время проводит мысль, что высшей формой ассоциации является промышленная, потому что в ней дает о себе знать не только первое практическое проявление «разумной организации труда», но и начало осуществления «добровольной ассоциации между работниками». В ней заключены, по его мнению, «верные средства для развития производительности труда», а поэтому именно мастерская, основанная по принципу добровольной ассоциации, «может

и должна обновить человечество» в будущем (22, стр. 14). Писарев считал, что только мощная индустрия может создать возможности для подобных объединений и этим обеспечить прогресс. Поэтому страны, «где мануфактурная промышленность доведена до высокой степени совершенства... — говорит он, — можно назвать счастливыми» по сравнению со странами «исключительного земледелия». К последним он относил Турцию и Россию, где низкому уровню развития хозяйства вполне соответствовал нищенский уровень «материального довольства» занятых в нем работников.

Но, отстаивая «индустриализм» и критикуя страны, где земледелие составляет «единственный промысел», Писарев в то же время не отрицал и большой роли земледелия, но не «запущенного и заброшенного», а основанного на данных агрономической науки, т. е. «рационального земледелия».

Лучший вариант экономики общества Писарев видел в органическом совмещении высоко развитой индустрии и возрожденного наукой земледелия. «Земледелие и мануфактурная промышленность, взаимно поддерживающие друг друга, составляют естественные и необходимые занятия народа, стремящегося к благоденствию. Все, что отвлекает народ от этих производительных занятий, — говорил он, — все, что нарушает необходимое равновесие между земледелием и мануфакту-

рами, составляет ошибку и ведет к бедности» (8, стр. 609). Развивая дальше «теорию индустриализма», Писарев подчеркивал, что для нормальной связи между развивающейся промышленностью и сельским хозяйством необходима хорошо развитая торговля. Он отстаивал также необходимость хороших путей сообщения. Дороги, реки, каналы, используемые в общественных интересах, Писарев называл кровеносными сосудами, по которым обращаются питательные соки общественного организма, пробуждающие местную жизнь и содействующие образованию мелких центров. Он отмечал, что улучшение шоссейных дорог, интенсивное внедрение паровой тяги, усовершенствование речного и морского судоходства даст обществу большую пользу, так как любое усовершенствование дорожного дела «клонится к уменьшению... непроизводительной затраты труда» и приведет к экономии человеческих сил, которые раньше тратились «на перемещение». Писарев особенно подчеркивал, что всестороннее усовершенствование путей сообщения наряду с техническим перевооружением промышленности и земледелия не только улучшат материальное благосостояние масс и экономически укрепят Россию, но и составят «первый шаг к освобождению человеческой личности». По его мнению, эпоха «технической изобретательности и предприимчивости» всегда совпадает с пробуждением человеческих достоинств, ибо «человек, начинающий чувствовать себя

властелином природы, не может оставаться рабом другого человека» (8, стр. 590).

В ходе разработки «теории индустриализма» Писарев, как это видно, ставит ряд важных социально-экономических вопросов. Патриотические устремления, беспокойство за судьбу своей страны, прозорливое определение перспективы индустриального развития России, понимание не только положительной, но и отрицательной стороны технического прогресса при капитализме, раскрытие его как фактора, обнажающего классовые противоречия и усугубляющего процесс дифференциации, делают честь Писареву как общественному деятелю и публицисту.

Однако в «теории индустриализма» есть и негативная сторона. В ней заметны черты писаревского просветительства и антропологизма. Например, подход Писарева к определяющей роли производственных ассоциаций был односторонним, он видел в этих ассоциациях просто объединение сил в борьбе с природой.

Страстно отстаивая идею необходимости для России «промышленного обновления», Писарев в то же время ошибочно считал, что под влиянием трудового энтузиазма классовые различия будто бы могут стираться и противоречия между классами сглаживаться. Он признает в некоторых статьях возможность сотрудничества между классами на основе дележа прибылей. Так, по его мне-

нию, может происходить, «когда огромный барыш купца разделяется между производителями так, что каждый из них получает не-большой излишек. Этот излишек тратится непременно или на то, что необходимо для личного потребления, или на улучшение орудий производства» (8, стр. 577).

Далее он утверждает, что «дружное со-единение человеческих сил» в ходе трудовой деятельности не только «возвысит общее благосостояние производителей и потребителей, но и поднимет их «нравственное состояние». Подчеркивая преобразующую силу науки, Писарев полагал, что активное внедрение положительных знаний может рабочих сделать «мыслящими работниками», а капиталистов из практических вымогателей превратить в «мыслящих руководителей» производства. В названных фактах проявился, с одной стороны, результат противоречивых посылок социологии Писарева, а с другой — влияние позитивистской теории о возможной «гармонии» интересов капиталиста и рабочего. Все это сделало критику капитализма Писаревым непоследовательной. Но Писарев не был буржуазным идеологом. Промышленно развитое капиталистическое общество не являлось для него тем общественным идеалом, к которому стремилось прогрессивное человечество, он рассматривал его всего лишь как обязательное промежуточное звено, как необходимую общественную ступень, создающую базу для перехода к строю, осно-

ванному на «общечеловеческой солидарности». Писарев выступал за индустриализацию и был виднейшим представителем радикальной мысли России, которая «логикой действительности шестидесятих годов толкалась в сторону социализма» (47, стр. 156—157). В решении проблемы «индустриализма» Писарев был вполне оригинален.

МЫСЛЯЩИЕ РЕАЛИСТЫ

Весьма своеобразным является решение Писаревым вопроса о «мыслящих реалистах» — носителях идеи реализма. Он называл реалистами тех, кто на основании критической оценки действительности умеет выработать по-настоящему трезвый взгляд на жизнь и понять «ту неразрывную связь, которая существует между судьбою каждой отдельной личности и общим уровнем человеческого благосостояния». Конечную цель, или «основную задачу», реалистов Писарев видел в последовательном стремлении к социализму. Очередные же задачи, подчиненные в то же время «высшей руководящей идее», он определял как повседневный, будничнейший труд во имя того, чтобы «накормить и обеспечить всех нуждающихся». Реалист, по Писареву, это тот, кто посвящает себя общепользному труду во имя торжества «общечеловеческих целей» и, придерживаясь принципа пользы «для себя и для других», умеет основную задачу приспособить к «самому мелкому практическому применению», т. е. реалист, руководствуясь «великой идеей»,

должен уметь не только вывести из нее «все ее практические последствия», а и осуществить их в «необходимой постепенности, которая естественно вытекает из их сравнительной важности». Отличительной особенностью реалистов Писарев считал то, что они стоят «выше обыкновенных людей своей сознательностью» и могут не только сами дорасти до разумного понимания общественной пользы, но и приобщить к реализму широкие круги. Ум и чувство реалистов не искажены, как утверждает Писарев, «хронической враждой против других людей», с которыми они связаны единством интересов. В основе их морали — принцип «разумного эгоизма», совмещающий в себе уважение их к своей личности и «самую широкую любовь к человечеству». В результате этого понимание ими личной пользы и последовательного стремления к ней не противоречит общественным интересам. Реалисты, или «новые люди», устраивают свою жизнь так, что «их личные интересы ни в чем не противоречат действительным интересам общества», и стараются вообще свою жизнь построить так, чтобы «личное благосостояние не было устроено в ущерб естественным интересам большинства» (16, стр. 81). Характеризуя реалистов, Писарев подчеркивал, что им обрисованы только их «самые общие контуры». В жизни же они выступают в самом разном облике, зависящем от особенностей характеров, индивидуальных черт, привычек, темперамента и т. д.

Как уже было сказано, первое воплощение черт «мыслящих реалистов» Писарев увидел в тургеневском Базарове. Но основой для их более детальной характеристики стало другое произведение. В 1865 г. появляется в печати роман Чернышевского «Что делать?», который Писаревым был встречен с восторгом. В посвященной ему статье «Новый тип» («Мыслящий пролетариат») он оценил роман как произведение в «высшей степени» оригинальное, раскрывающее в художественной форме проблему социального переустройства. Направление романа полностью гармонизировало с реалистической программой Писарева. Ему импонировало то, что Чернышевский к настоящему России относится отрицательно, а все его мечты устремлены в будущее, хотя в романе и не было непосредственного призыва к революции. Писареву особенно понравилось то, что автор не только дает общие контуры будущего общества, но и предлагает конкретную программу общепользуемой трудовой деятельности, которая на данном историческом этапе «заключает в себе все другие задачи». Писарев считал, что роман «Что делать?» дает наиболее верную и вполне осуществимую программу деятельности. Он полагал, что это произведение Чернышевского созвучно его собственным идеям. И возможно, прав был Павленков, когда высказал мысль о том, что роман «Что делать?» имел непосредственное отношение к Писареву, которого Черны-

шевский очень уважал. «Лучше всего это проявилось в том, — говорил Павленков, — что на вопрос Писарева «Что делать?», которым он закончил свою статью «Базаров», Чернышевский отвечал... целым романом».

Герои Чернышевского представляли собой благодатный материал, который Писарев широко использует в своей концепции «мыслящих реалистов». По его словам, если у Тургенева не хватало сведений для более широкого раскрытия образа Базарова, то у Чернышевского «новый тип вырос и выяснился до той определенности и красоты, до которой он возвышается в великолепных фигурах Лопухова, Кирсанова и Рахметова» (22, стр. 12). В романе Чернышевского выведены и обыкновенные труженики, занимающиеся общепользным трудом, и будущий вождь, который выполнит свою миссию в период «политического обновления», которое должно прийти на смену томительному «историческому антракту». Писарев подчеркивал, что такие люди, как Рахметов, возвышающиеся над общим уровнем и видящие «всегда одинаково ясно» перспективу и препятствия на пути осуществления своих идей, «необходимы и незаменимы». Это люди-вожди, люди-гиганты, которые в революционную эпоху разворачивают «всю сумму своих колоссальных сил; они несут вперед знамя своей эпохи, и уже, конечно, никто не может поднять это знамя так высоко и нести его так долго и так мужественно, так смело и так неуто-

мимо, как те люди, для которых девиз этого знамени давно заменил собою и родных, и друзей, и все личные привязанности, и все личные радости человеческой жизни. В эти минуты Рахметовы выпрямляются во весь рост, и этот колоссальный рост как раз соответствует величию событий» (22, стр. 47).

Как Писарев решал вопрос об источниках рекрутирования «мыслящих реалистов»? Он считал необходимым вначале создать хотя бы небольшой круг реалистов из числа образованных и прогрессивно настроенных представителей «достаточных классов», а затем уже постепенно расширять этот круг и «вербовать агентов найденного разумного учения» за счет «низших классов», которые, испытав на себе все тяготы жизни, активно откликнутся на новые идеи. Доведенные в свою очередь по сознательности до уровня мыслящих реалистов, они должны вести за собою всю остальную массу, создавая таким образом ряды «мыслящего пролетариата». Приближение масс к уровню реалистов представлялось Писареву сложным и длительным процессом и рассматривалось как дело будущего. А пока, по его мнению, реалист должен не тратить свою энергию на бесплодные проповеди, а думать о том, как приобщить к реализму тех, кто уже способен воспринять его идеи. Другими словами, «надо увеличить число мыслящих людей в тех классах общества, которые называются образованными. В этом вся задача, — говорил он. — В этом

альфа и омега общественного прогресса. Если вы хотите образовать народ, возвышайте уровень образования в цивилизованном обществе» (16, стр. 130). И далее: «Оживить народный труд, дать ему здоровое и разумное направление, внести в него необходимое разнообразие, увеличить его производительность применением дознанных научных истин — все это дело образованных и достаточных классов общества, и никто, кроме этих классов, не может ни взяться за это дело, ни привести его в исполнение» (16, стр. 131). Это была ставка на интеллигенцию. Массы же временно отводились на второй план в силу их неразвитости и политической незрелости. Разумеется, расчет на солидарность мыслящих представителей интеллигенции вообще, без учета того, интересы каких классов отстаивает та или иная часть интеллигенции, был принципиально неверен. Представления Писарева о роли интеллигенции явно связаны с его идеалистическим пониманием роли идей в общественном развитии. В то же время Писарев не игнорировал роли народных масс. В народе он видел громадную силу, «живое море», «лучшую, значительнейшую и необходимейшую часть всякого человеческого общества» и последовательно проводил мысль о том, что рано или поздно «великий глас народа» оказывается все-таки решающим. Именно массы, по Писареву, определяют «своим громко произнесенным приговором

течение исторических событий» (12, стр. 522). Писарев считал, что личность, какими бы достоинствами она ни обладала, какое бы высокое положение в обществе она ни занимала, может только положительно или отрицательно влиять на «общее течение событий» (12, стр. 500), но «ни на одно мгновение» не может изменить или приостановить действия «великих законов», ибо сама находится постоянно в окружении разных обстоятельств, не зависящих от ее воли. Любая великая личность, противопоставившая себя объективной закономерности истории, обязательно понесет, по утверждению Писарева, «неизбежное историческое возмездие». «...Отдельная личность,—продолжает он свою мысль,—какими бы громадными силами она ни была одарена, может сделать какое-нибудь прочное дело только тогда, когда она действует заодно с великими общими причинами, то есть с характером, образом мыслей и насущными потребностями данной нации. Когда она действует наперекор этим общим причинам, то ее дело погибает вместе с нею или даже при ее жизни. Когда же она в своей деятельности соотносится с духом времени и народа, тогда она делает только то, что сделалось бы непременно и помимо ее воли, что настоятельно требуется обстоятельствами минуты и что... было бы в свое время выполнено так же удовлетворительно какою-нибудь другой личностью, сформировавшейся при тех же влияниях и воодушевлен-

ной теми же стремлениями» (12, стр. 322). То, как Писарев решал вопрос о роли личности в истории, показывает, что он не делал ставку исключительно на «мыслящих реалистов», не считал их способными только своими силами перестроить Россию в социально-экономическом отношении. По его мнению, они могут лишь сначала организовать всестороннюю подготовку масс к будущей борьбе, а затем возглавить ее. Ярким подтверждением этой мысли является развитая Писаревым концепция вождей. Создавая ее, Писарев обращается к опыту эпохи 60-х годов, а также рассматривает предшествующие страницы истории России, когда из рядов народа выдвинулись хотя и недостаточно зрелые, но преданные борцы за свободу. О том, что, создавая образ вождя, Писарев использовал исторические сведения о вождях крестьянских восстаний, свидетельствует его высказывание в статье «Генрих Гейне». Он говорит о «титанах любви», обладающих всеми достоинствами и недостатками крестьянских вождей. «Эти люди, — говорит он, — живут и действуют в самом бешеном водовороте человеческих страстей. Они стоят во главе всех великих народных движений, религиозных и социальных. Несмотря ни на какие зловещие уроки прошедшего, несмотря на кровавые поражения и мучительную расплату, люди такого закала из века в век благословляют своих ближних бороться, страдать и умирать за право жить на белом

свете, сохраняя в полной неприкосновенности святую собственную убежденность и величие человеческого достоинства. Гальванизируя и увлекая массу, титан идет впереди всех и с вдохновенной улыбкой на устах первый кладет голову за то великое дело, которое до сих пор еще не выиграло человечество. Титаны этого разбора почти никогда не опираются ни на обширные фактические знания, ни на ясность и твердость логического мышления, ни на житейскую опытность и сообразительность. Их сила заключается только в их необыкновенной чуткости ко всем человеческим страданиям и в слепой стремительности их страстного порыва» (8, стр. 270—271). Восхищаясь мужеством вождей подобного типа, Писарев в то же время противопоставляет им вождей в его понимании. Это «необыкновенные люди», беззаветно преданные народному движению и в то же время освобожденные от стихийности, разумно подходящие к делу. К ним, по его убеждению, должны относиться самые опытные, умные и честные представители общества, «представители разума и правды». Писарев подчеркивал, что «необыкновенные люди» выделяются из общей массы прежде всего своей сознательностью, умением на основании анализа исторической обстановки предугадать направление событий и предвидеть их исход, т. е. уметь додумываться до таких истин, которые еще остаются неизвестными их современникам.

Их основное назначение Писарев видит в том, чтобы, с одной стороны, «добывать новые истины, доводить их до всеобщего сведения, защищать их против старых заблуждений и убеждать людей в необходимости перестраивать жизнь сообразно с новыми истинами», а с другой — разъяснять по возможности «партиям, держащимся одряхлевших общественно-экономических устоев», особенность настоящего положения дел и, доказав необходимость с их стороны «обширных и добровольных уступок тому течению идей, которое называется духом времени», указывать им пути к наиболее мирному выходу из их затруднительного положения (12, стр. 318). Разумеется, рассуждения Писарева о возможности смягчить общественный конфликт при помощи уговоров и апелляций к разуму противников прогресса наивны. Но Писарев отнюдь не считает, что «необыкновенные люди» должны быть принципиальными противниками всякого насилия. По его мнению, подлинные вожди, стремясь избежать бессмысленных жертв и по возможности свести кровопролитие к минимуму, в то же время прибегают к насилию в исключительных случаях, когда оно является совершенно необходимым, т. е. когда дело идет о существенной перемене, разумность и необходимость которой уже «осознается значительной частью заинтересованной нации», но встречает сопротивление со стороны незначительного меньшинства. И когда проти-

воречия противостоящих сторон настолько обостряются, что конфликт становится неминуемым, «необыкновенные люди», предвидя неизбежность острого столкновения, должны менять роль «благоразумных советников» на роль руководителей, «воинов и полководцев». «Они становятся решительно на ту сторону, стремления которой совпадают с истинными выгодами данной нации и всего человечества, они группируют вокруг себя своих единомышленников, они организуют, дисциплинируют и воодушевляют своих будущих сподвижников и затем, смотря по обстоятельствам, выжидают нападения противников или наносят сами первый удар. Когда борьба начата, все внимание необыкновенных людей устремляется на то, чтобы как можно скорее покончить кровопролитие, но, разумеется, покончить так, чтобы вопрос, породивший борьбу, оказался действительно решенным и чтобы условия примирения не заключали в себе двусмысленных комбинаций и уродливых компромиссов, способных при первом удобном случае произвести новое кровопролитие» (12, стр. 318). С выдающимися политическими деятелями из «мыслящих реалистов», или «необыкновенными людьми», Писарев связывал самые сокровенные мечты о будущем. И поскольку такие люди, разливающие вокруг себя «светлые идеи», уже появляются в России, то «светлое будущее,— заключал он,— совсем не так

неизмеримо далеко от нас, как мы привыкли думать».

Итак, в развитой Писаревым концепции «мыслящих реалистов» отразились поиски им сил, способных в сложных условиях России 60-х годов подготовить массы, а затем и возглавить их в борьбе за сознательное революционное переустройство существующих общественных основ.

Теория «мыслящих реалистов» столь же противоречива, как и «теория индустриализма» (с которой она тесно связана). Страстно пропагандируя идеи просвещения (а такую пропаганду Ленин считал одной из ценных сторон прогрессивного наследия 60-х годов), высказывая ряд ценных идей о соотношениях стихийности и сознательности, личности и общества, роли вождей и т. д., Писарев в то же время неоднократно сбивается на неклассовый, идеалистический подход к рассматриваемым им общественным явлениям.

IX

НАУКА ДЛЯ ЖИЗНИ

У исследователей Писарева давно не вызывает сомнений то, что его мировоззрение в целом имеет материалистическую направленность. Известно, что он признавал материальность мира и его несотворимость, вечность, бесконечность и неуничтожимость материи, великое разнообразие форм ее проявления, а также строгую объективную закономерность, лежащую в основе ее развития. Его философские взгляды в этом смысле представляют собой продолжение материалистических традиций русской философии. Однако, как метко выразился Кирпотин, его философский «голос тянул особую ноту» в сложном хоре 60-х годов. Своеобразие философским взглядам Писарева придавал реализм, пронизывающий все его мировоззрение. Реалистический принцип явился основополагающим и в разрешении философских проблем. Как мы уже видели, определяя реализм, Писарев говорил, что одна из сторон его состоит в рассмотрении природы и здесь принимаются в расчет только действи-

тельно существующие, реальные, видимые и осязаемые явления и свойства предметов. Социология Писарева показывает, что эта сторона в его воззрениях занимает подчиненное место по отношению ко второй, определяющей взгляды на общество. Это объясняется тем, что он был прежде всего общественным деятелем, публицистом и стремился в первую очередь разрешить насущные общественно-политические проблемы. Его общественные тенденции в философии дают о себе знать постоянно.

Реалистический подход к оценке явлений окружающего мира, стремление к тому, что достоверно, определили склонность Писарева в философии к материализму. Причем тяга Писарева к реальному, очевидному, непосредственно подтверждаемому, его ненависть к схоластическим абстракциям направили его именно к естественнонаучному материализму, который использовал новейшие выводы науки и звучал как вызов туманной схоластике и теологии. В естественнонаучном материализме Писарев видел «свежий и современный взгляд на философию» и находил в нем обоснование своих убеждений. Больше того, он утверждал, что отрицательное отношение ко всякого рода мистицизму, идеализму и тяга к материализму являются общей характерной чертой нового поколения России, живущего в эпоху активного развития естествознания. Интересы всех прикованы к миру реальности, «фраза нас не

отуманит, и в самом блестящем и стройном создании фантазии мы подметим слабость основания и произвольность выводов. Фанатическое увлечение идеей и принципом вообще, сколько мне кажется, — говорил он, — не в характере русского народа. Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют... самое заметное свойство чисто русского ума... На этом основании мне кажется, ни одна философия в мире не привьется к русскому уму так прочно и так легко, как современный здоровый и свежий материализм» (7, стр. 356). С увлечением естественными науками был связан и интерес Писарева к представителям немецкого вульгарного материализма Фогту, Молешотту и Бюхнеру, взгляды которых в 60-е годы проникли и в Россию. Интерес Писарева как определившегося реалиста-радикала к немецким материалистам был вполне естествен, ибо Фогт, Молешотт и Бюхнер в середине XIX в. многими в Европе и России воспринимались как распространители материализма, хотя на самом деле их взгляды были упрощением материализма.

Писарев ценил их прежде всего как ученых и популяризаторов естественнонаучных знаний. Кроме того, ему импонировала направленность их учений против идеализма и религии. Их этические доктрины, противостоящие старой морали, основанной на идеях «свободной воли», «вечной силы», теории «врожденных идей», а также их утвержде-

ния, что религия ослабляет нравственность и идет «рука об руку с безнравственностью», были созвучны взглядам Писарева. Его внимание привлекал их материалистический подход к объяснению мира, их атеизм, выразившийся в отрицании бессмертия души, в сведении на нет идеи бога и гимне человеку как высшему произведению природы, и, наконец, их вера в силу разума, пробуждаемого естествознанием. Фогта, Молешотта и Бюхнера, у которых, по мнению Писарева, хотя и было еще много ошибочного и нерешенного, он называл своего рода реалистами и противопоставлял их тем ученым, которые «старались выдумать из себя мир». Больше того, Писаревым, как и многими другими в 60-е годы, немецкие естествоиспытатели воспринимались не только как первооткрыватели в области естественных наук и систематизаторы последних экспериментальных данных, но и как «апостолы революционной науки», а их взгляды приравнивались к фейербаховским, что, конечно, было неверно. Писарев считал, что труды немецких естествоиспытателей будут способствовать освобождению широких масс от религиозных предрассудков. Не случайно труды Фогта, Молешотта и Бюхнера были запрещены в России. «Сила и материя» Бюхнера тайно издавалась наряду с произведениями запрещенного в России Герцена и Фейербаха в литографированном издании в Москве, Петербурге, Казани, а затем, как «запретный

плод», распространялась по другим городам. А «запрещенный плод, — говорил Писарев, — всегда привлекателен», хотя иметь его было небезопасно. В материалах М. Лемке по делу «Карманной типографии» указывается, что Писарева привлекали к ответственности не только за статью против Шедо-Ферроти, но и за хранение сочинений Бюхнера, «считавшихся безусловно запрещенными». Заинтересованность Писарева немецкими материалистами была, следовательно, данью времени. Но необходимо отметить, что увлечение идеями вульгарных материалистов было наиболее характерным для начального периода деятельности Писарева. Он вскоре заметил ошибочность их философских обобщений. Впоследствии даже учение Бюхнера, которого Писарев ставил значительно выше Фогта и Молешотта, он называл «простым» материализмом и считал вполне закономерным и оправданным то «глубокое равнодушие», которое проявили исследователи к их философским выводам. Правда, их опыты и наблюдения в области физиологии человека и впоследствии использовались им как наглядно-иллюстрационный материал.

Говоря о критическом восприятии Писаревым взглядов Фогта, Молешотта и Бюхнера, следует однако отметить, что все-таки они оказали на него и определенное отрицательное влияние. Писарев порой вслед за ними впадал в явные вульгаризмы. Например, следуя за Молешоттом, он говорил, что

состав крови зависит от качества пищи, а мозг из крови берет необходимое количество фосфора и таким образом «работа мысли идет полным шагом, возникают философские системы и художественные произведения, слагаются социальные теории и практические усовершенствования...» А на основании сказанного Писарев делает вывод, явно созвучный с положениями вульгарного материализма: «Разнообразие пищи, ведущее за собой разнообразие составных частей крови, служит основанием разносторонности ума и гармонического равновесия между разнообразными силами и стремлениями характера». «Нет сомнения в том, — продолжает он, — что и процесс мысли, и весь так называемый нравственный характер в значительной степени зависят от скорости кровообращения» (7, стр. 317). Встречаются у Писарева положения, где он ставит в зависимость от пищи и общественные явления (промежуточным звеном оказывается при этом состояние психики индивидов). Правда, высказывания Писарева относительно влияния пищи на психические процессы человека были продиктованы желанием развеять тот мистический туман, каким окружали идеалисты процесс мышления, обнажить связь материи и сознания, основанную на примате материального над идеальным, доказать, что сознание — «продукт природы», а не бога. Кроме того, он хотел научно обосновать необходимость улучшить положение трудящегося

большинства. Пролетарий, работающий с утра до вечера, изнемогающий под тяжестью труда, нуждается в хорошем питании и отдыхе, считал Писарев, а на самом деле ему приходится жить в крайней нужде. В результате его ожидают преждевременная дряхлость, частые болезни, безотрадная жизнь и ранняя смерть. Писарев не забывает в то же время намекнуть, что против существующего положения дел необходимо протестовать, так как если в обществе «изнутри или снаружи не может быть противопоставлено достаточное сопротивление» такому положению дел, то окажется невозможен прогресс.

Идейная направленность статей Писарева, излагавших учение немецких материалистов, весьма точно была определена цензурой. В этих статьях, писал один из цензоров, «ясно проявляется материалистическое направление. Описывая физиологические отправления в животном организме по исследованиям Фогта и Молешотта, автор впадает в крайние выводы из этих учений; отрицает духовную природу человека и бессмертие духа... осмеивает всякое стремление к познанию конечных целей природы и человека... с пренебрежением относится ко всем мирозерцаниям, не исключая и мирозерцания христианского» (44, стр. 150).

В целом, суммируя отношение Писарева к материализму Фогта, Бюхнера, Молешотта, следует сказать, что он сознавал их ограниченность и ценил в них превыше всего не

созидателей нового философского направления, а разрушителей, отрицателей, считая, что приводимые ими естественнонаучные факты, порой кажущиеся частными, подрывали и опрокидывали, казалось бы, нерушимые спекулятивные системы. «Эти ничтожные мелочи, — развивает он свою мысль, — уже теперь повернули вверх дном колоссальные теории мировых мыслителей и целых народов; эти ничтожные мелочи уже теперь разбили оковы человеческой мысли. Дело разрушения сделано; дело созидания будет впереди и займет собою не одно поколение» (13, стр. 282).

Преклонение Писарева перед естествознанием, как перед комплексом положительных знаний, который не только даст человеку власть над природой, но и явится действенным средством в преобразовании общества, заинтересованность прикладной стороной естественных наук определили его интерес к позитивизму, который тоже оказал определенное влияние на формирование его философских взглядов.

Широкая активизация идей Конта, Милля, Спенсера в России в 60-е годы совпала с дискредитацией идеалистических философских систем и распространением естественнонаучного материализма. Позитивизм, в котором сочетались завуалированный идеализм и агностицизм, был в сущности реакцией на французский материализм XVIII в. Но он имел ряд признаков, делавших его внешне

похожим на материализм. Материализм, как бы возрожденный к жизни после засилья идеализма, тянулся в своих обоснованиях к естественным наукам. Позитивизм с его расположением к положительному знанию и отрицательным отношением к гегельянству тоже в значительной мере опирался на данные естествознания. Таким образом, казалось, что каждое из этих направлений одинаково смотрело на окружающее «глазами естественных наук», в них искало последний критерий знания, основу и метод для философии. В тот период, как сообщают современники, было очень трудно провести «точную грань» между этими двумя направлениями. А поэтому и понятно, что многие из тех, кто в 60-е годы тянулся к естествознанию, невольно заражался духом позитивизма. Понятия «наука», «научность», «позитивизм» отождествлялись. К тому же широкая эрудиция позитивистов, обширность их знаний, искренняя ненависть к предрассудкам, подчеркнутый культ положительных наук и особенно стремление к их реализации и демократизации соответствовали «практически-революционному настроению» эпохи и не могли не привлечь внимания истинных сторонников просветительства, естествоиспытателей, представителей передовой общественности.

Все это, вместе взятое, говорит о том, что успех позитивизма на русской почве в рассматриваемый период был явлением вполне естественным и закономерным. Эту мысль

хорошо выразил Овсяннико-Куликовский: «Переход от идеалистической метафизики к материализму и позитивному был неизбежен и вовсе не труден. Мы должны были сделать этот шаг, как сделала это в свое время мыслящая Европа. Левое гегельянство и Фейербах, потом Фогт и Молешотт, несколько позже О. Конт — как «властители дум» мыслящих поколений у нас — овладели нами с исторической и, пожалуй, даже с логической необходимостью... Движение философской мысли в этом направлении было, разумеется, тесно связано с растущим интересом к положительной науке вообще, к естествознанию в частности» (81, стр. 373—374). В 60-е годы в России многие увлекались позитивизмом. Но влияние его на различные слои общест-венности было различным. Либералы при-нимали учение позитивистов целиком. Принци-пально иначе, критически относились к нему такие видные русские естествоиспытатели, как Бекетов, Сеченов, Тимирязев и другие, а также представители революционной демо-кратии Белинский, Герцен, Огарев и Черны-шевский.

Хотя определенное влияние идей позити-визма на Писарева очевидно, но это отнюдь не значит, как утверждают некоторые бур-жуазные исследователи, что он заимствовал свое учение у Конта, Спенсера, Бокля и Милля. Как представитель «левого крыла» революционной демократии, Писарев не мог быть сторонником чуждого ему по классо-

вому содержанию мировоззрения позитивистов. Их социология в основе своей была враждебна тому направлению, к которому он принадлежал. Философская позиция позитивизма также в принципе была неприемлемой для него: нейтралитета в науке (и философии) Писарев не признавал, считая, что каждый ученый, мнящий себя вне всякой политической принадлежности, подсознательно принимает ту или иную идеологию. Писарева привлекало в учении позитивистов то, что они с непоколебимой логикой и «почти математической точностью» доказали наличие великой, преобразующей силы, заложенной в положительных науках, прогресс которых даст миру «еще много решительных побед». Это гармонировало с реализмом Писарева, и он порой вполне сознательно обращался к некоторым прогрессивным идеям позитивистов. Их идеи относительно реального образования, эмансипации женщин, соотношения эгоизма и альтруизма и некоторые другие Писарев находил интересными, перекликающимися с его собственными взглядами и использовал их после творческой переработки. Реакционные же идеи позитивизма он отрицал как «возмутительные нелепости».

Реалистическая направленность мировоззрения Писарева обусловила его отрицательное отношение к идеализму.

В идеализме он видел воззрение, не только отрицавшее объективную реальность, но и полностью основанное на хитросплетенном

умозренин, «сухом словопренин», которое «совсем отрешено от почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры слов». По мнению Писарева, идеалистические системы, исходящие из абстракций, есть не что иное, как «олицетворение отвлеченных понятий», а «это в сущности те же боги, полинявшие от времени и от житейских превратностей». С точки зрения общественного деятеля-реалиста, такой философией, лишенной всего земного, чувственного, гуманного, могут заниматься исключительно праздные люди, которых «не помяла железная рука вседневной заботы и которым приятно носиться в отвлеченных пространствах вместо того, чтобы смотреть на горе окружающих людей и помогать им делом и советом». Писарев утверждал, что «самый необузданный идеализм» происходил от того, что «элемент фантазии получал слишком много простора» и разыгрывался в области мысли, в сфере научного исследования. Он поэтому призывает «ополчиться всеми силами» против чуждого жизни умозренин, вызывающего интерес только «ненормально развитого, очень незначительного меньшинства», тех, которые по односторонности и уродливости развития своего ума «на всю жизнь погружаются в отвлеченность, вращают формы, лишены содержания, и умышленно отворачиваются от привлекательной пестроты живых явлений, от практической деятельности других людей, от интересов своей страны, от радостей и страданий

окружающего мира» (19, стр. 127). Исходя из этого, Писарев настаивал на необходимости разбить заколдованный круг лабиринта «слов и отвлеченностей», «символической загадочности», выйти за пределы абстрактного умозрения и следующих из него произвольных выводов, решительно отвергнуть даже самые стройные умозрительные системы тех философов, которые объясняют все «видимые явления какой-то туманной кабалистикой, в которой терялся сам ее изобретатель и которая во всяком случае была еще непонятнее и запутаннее, чем сами объясняемые явления» (11, стр. 578—579). Он требует сосредоточить внимание на реальном мире.

Вследствие отрицательного отношения к идеализму вообще Писарев зачастую, не вникая глубоко в специфику тех или иных идеалистических систем, не давая им детального анализа, сходу отбрасывает их. Именно так он подходит к оценке философского наследия Платона, которого многие, по его мнению, вопреки здравому смыслу продолжают «возносить и почитать святынею», хотя для современного поколения с характерным ему реалистическим подходом к окружающему чужды и непонятны его взгляды. Непригодность философии Платона Писарев видит в том, что в основе его учения лежит стремление к какому-то призрачному идеалу, к абсолютизации отвлеченностей и вычурным построениям, представляющим всего лишь плод

«пылкой фантазии». Именно поэтому Писарев был склонен относить платонизм скорее к религии, нежели к философии. Вскрывая причины заблуждений Платона, он отмечал, что они ведут свое начало от преднамеренного и «сознательного презрения к свидетельствам опыта, от... стремления вынести истину из глубины творческого духа», а не из реальной действительности (19, стр. 91).

С таких же позиций Писарев подошел и к идеалистической системе Гегеля. Не заметив содержащейся в гегелевском учении диалектики, Писарев сосредоточил внимание на критике идеалистической системы Гегеля с характерной для нее узостью и консервативностью политических выводов. Он считал, что учение Гегеля — это философия прошлого, что она совершенно непригодна для новой эпохи, и тут же добавлял, что Гегель с его динамичным умом «не был бы гегельянцем» и построил бы свою систему совсем по-другому, если бы жил в 60-е годы, годы «живых идей и интересов». Определив гегелевскую философию как «штуку хитрую», т. е. трудную для понимания, а также совершенно бесполезную, ни в коей мере не содействующую «развитию и изменению бытовых и жизненных отношений», он отверг ее.

Выступление Писарева против идеализма в значительной мере определялось политическим содержанием этого направления, противоречащего основной линии его мировоззрения. Он считал, что идеализму в филосо-

фии сопутствует обычно аристократизм в социологии, что особенно ярко проявилось у Платона, которому демократическая форма была «противна». Именно поэтому Писарев видел в идеализме стремление «примирить с нелепостями жизни», идейное оправдание угнетения и насилия и считал, что «только такое воззрение... может оправдывать порабощение личности». На основании этого Писарев не считал возможным относиться «с почтительной и бесстрастной вежливостью» к этическим и политическим убеждениям идеалистов.

Внимание Писарева как реалиста привлекали те философские системы прошлого, которые объясняли все происходящее в мироздании действием механических, физических и других сил, которые можно наблюдать и проверить. Его интересовали теории, близкие ему по духу отрицания, тяготевшие к миру действительности, понятные в силу их простоты и реальности. Этим объясняется его расположение к философам-материалистам древности, которые «с первого шага отодвинули весь Олимп и на место живых человекообразных богов поставили неодушевленные стихии и слепые силы природы». Он приветствовал, например, философию Эпикура, которая признает «свидетельства наших чувств за единственный достойный источник знания» и настойчиво проводит мысль о том, что все во Вселенной происходит «само собою, по внутренней не-

обходимости, без вмешательства богов и высших бестелесных существ... что ничто в мире не уничтожается и не возникает из ничего...» (8, стр. 96).

Писарев обычно старался держаться в стороне от полемики по частным, специальным философским вопросам. В борьбу на философском поприще он вступал только в случае суровой необходимости, когда этого требовали интересы политической борьбы, когда надо было отстоять идейные позиции своего направления, вскрывая за туманными порою философскими рассуждениями вполне реальные интересы противной стороны. В этом случае Писарев выражал желание воспользоваться и «диалектикой»* как орудием политической борьбы. Но если «диалектика» отрывается от действительности, от злободневных вопросов времени и уходит исключительно «в область слов» или если разногласия по принципиальным вопросам слишком значительны и полемика не обещает привести ни к какому «осязательно-практическому жизненному результату», то он просто отворачивался от своих оппонентов, обходит их пренебрежительным молчанием. «...Кто не сходится с нами в основании, — говорил он, — с тем мы считаем всякий спор совершенно бесполезным...» (19, стр. 112).

Писарев был убежден, что заниматься словесными перепалками в сфере отвлечен-

* Под словом «диалектика» Писарев подразумевал искусство ведения спора. — *Прим. ред.*

ной мысли — значит пойти на поводу у противников, «углубиться в самих себя, заняться диалектическими выкладками, воскресить покойный гегелизм и зарыться по уши в какую-нибудь отвлеченную систему». А пойти на это, «когда вокруг кишит живая жизнь», он, как реалист, считал преступным. Но если уж Писарев принимал вызов, то не давал увлечь себя в туманные дебри замысловатой фразеологии идеалистической философии. Он сразу старался перейти на понятный всем язык жизни и предупреждал, что он будет настойчиво бороться за свои принципы, но «предметом этой борьбы будет действительная почва, а не отвлеченная, схоластическая теория» (19, стр. 109). В одном из писем, присланных из тюрьмы Благосветлову, Писарев сообщал, например, что намерен выступить со статьей о произвольном зарождении против «пакостных интриг парижских академиков», но дать им отпор «не со специально научной, и даже не с философской, а с общественной точки зрения» (23, стр. 363).

Исходя из своих реалистических принципов и отводя ведущую роль наглядному, непосредственно воспринимаемому, основанному на свидетельствах чувств, Писарев в теории познания склонен был отдавать предпочтение материалистическому сенсуализму. Он утверждал, что «невозможность очевидного проявления исключает действительность существования» (19, стр. 123). Желание сосредоточить внимание на мире действитель-

ности и отбросить замысловатые идеалистические построения, опровергая их логикой фактов и силой жизни, привело Писарева к преклонению перед экспериментом, в котором он видел настойчивое, безбоязненное искание истины, точное и беспристрастное исследование, повергающее в прах обман идеализма. Умозрительным теориям Писарев предпочитал «живые факты», которые обращают внимание человека на трезвую правду жизни, освобождая его разум от оков рутинного фразерства и способствуя формированию позитивного научного миропонимания. Отдавая предпочтение индуктивному методу, он впадал порой в упрощенный эмпиризм, подчеркивая, что именно опыт, экспериментальные данные являются «великим орудием» в достижении истины. «Кто сам наблюдает, тот и знает», — утверждал Писарев. Это он объясняет не только тем, что «опыт бьет в глаза и насильственно втирается в сознание», а и тем, что ничто так не прочно, как «твердая почва положительных фактов». К тому же один и тот же факт можно толковать по-разному в зависимости от уровня развития науки. Интерпретация меняется, «слова и иллюзии гибнут — факты остаются». Следовательно, факт «сам по себе» важнее его теоретического истолкования. Такое резкое подчеркивание Писаревым значения факта объясняется не только стремлением опровергнуть спекулятивные системы, опирающиеся на авторитет положений, не допускающих проверки

опытом, но и отчасти влиянием «вульгарного» материализма и позитивизма. Однако в целом Писарев отнюдь не исходит из позиций сторонников «ползучего» эмпиризма. «Что можно рассмотреть микроскопом и разложить химическим анализом, то рассматривается и разлагается; что недоступно непосредственному исследованию,— говорил он,— то наблюдается через сближение фактов подобно тому, как в алгебраических уравнениях неизвестная величина определяется по известным» (7, стр. 281). В статье «Льюис и Гексли» он прямо говорил о необходимости «вырабатывать индуктивный и дедуктивный метод» для более глубокого изучения явлений природы. Да и очевидность Писарев называл «единственным ручательством действительности» только в том случае, когда речь шла о сугубо философской области, где он хотел резко противопоставить взглядам противника преимущество реального мышления.

Полемизируя с Лавровым, он говорил: «Я все основываю на непосредственном чувстве; Лавров строит все на размышлении и на системе; я требую от философии осязательных результатов; Лавров довольствуется бесцельным движением мысли в сфере формальной логики. Я считаю очевидность полнейшим и единственным ручательством действительности; Лавров придает важное значение диалектическим доказательствам, спрашивает о сущности вещей и говорит... что

она существует как-то независимо от явления» (13, стр. 368—369).

Причина некоторой недооценки Писаревым теоретического мышления была исторически обусловлена, она являлась реакцией его на натурфилософию с ее поспешным стремлением к «конечным выводам» об основных началах бытия и конечной цели природы и активным оперированием смутным понятием «жизненной силы», применяемым обычно там, где кончалось исследование и где надо было сказать «не знаю». Это приводило к вымыслу в теоретических обоснованиях и породило самые невероятные представления об окружающем.

Отвергая метафизические, ультраотвлеченные теории, связанные узами родства с теологией, Писарев не был противником теории вообще. Высоко ценя разум, веря в его необъятные возможности, он понимал роль теоретического мышления в процессе познания и выступал за объединение опытного эмпирического познания с абстрактным мышлением. Писарев высказывался против тех представителей науки, которые могут проводить сложнейшие эксперименты, но не способны глубоко осмыслить уже имеющийся набор фактов, в то время как ученые, умеющие улавливать закономерности и связи наблюдаемых явлений, «вырывают у природы одну тайну за другой... прокладывают человеческой мысли новые дороги». Процесс познания представлялся ему не триумфальным

шествием критической мысли над поверженным умозрением, а долгой и упорной борьбой, наиболее действенным орудием которой должна быть логика фактов. Он говорил, что маги искали таких заклинаний, посредством которых можно было бы держать силы природы в повиновении. Они инстинктивно чувствовали силу человека и правильно видели ее в разуме. Но они «одним прыжком хотели вскочить на ту лестницу, по которой приходится идти медленно, отдыхая на каждой ступеньке и тщательно ощупывая следующие ступеньки, чтобы не оступиться и не полететь вниз». Маги хотели отгадать и одним «магическим словом или обрядом» достигнуть того, что наука достигает «путем долговременных и бесчисленных опытов» (7, стр. 319).

Развивая дальше мысль о познании, Писарев говорил, что добытые экспериментальным путем опыты и наблюдения никогда не противоречат друг другу, но «часто лежат особняком». Обнаружить их взаимосвязь можно только логикой суждений. Но в этом случае «ретивое воображение» теоретика не должно забегать «вперед фактов», стремиться к преждевременному их систематизированию и построению «скоропелых теорий», а должно строго идти «от факта к факту». Только таким путем можно достичь истины. Отстаивая необходимость рационального этапа в процессе познания, он говорил, что поскольку процесс познания предмета или явления

требует рассмотрения его «с разных сторон», то необходимо признать одинаково важным как «непосредственное чувство», так и «официальное впечатление», полученное в результате исследования. Таким образом, дедукцию, как таковую, Писарев не отрицал, но считал в отрыве от индукции неполной, однобокой. Критикуя Платона, он утверждал, что математика у него, как и юриспруденция, «упражняют ум только в дедуктивном способе мышления. В наше время такая односторонность умственного развития тем более неуместна, что почти все великие открытия, составляющие гордость и силу новой европейской науки, добыты путем индукции» (11, стр. 577). И самое главное, дедукция из-за своей односторонности имеет тенденцию к отрыву от жизни, к разобщению с «тем умственным движением, в котором заключается существенный смысл нашего времени», и может в конечном итоге стать слепым орудием страстей и интересов, «находящихся в совершенном разладе с общим делом человечества» (11, стр. 577).

Писарев понимал необходимость абстрагирования для углубления процесса познания. Развивая эту мысль, он говорил: «...изучаемое... явление подвергается влиянию нескольких сил, действующих по различным направлениям. Естествоиспытатель устраняет все посторонние влияния и наблюдает явление в его непосредственной чистоте; потом он дает в своем опыте место одному из действо-

вавших прежде влияний и замечает видоизменения, совершающиеся в предмете исследования; затем изучаются поодиночке второе, третье влияние и так далее, до последнего; таким образом получается наконец общий вывод...» (8, стр. 501).

Писарев утверждал также, что именно приложением логики к имеющимся фактическим данным можно объяснить не только «от века существующую связь причин и следствий», но и выявить другие связи и отношения в природе и обществе. Так, случайность Писарев рассматривает как единичное проявление одного из «незыблемых естественных законов». Но раскрыть эту взаимосвязь можно опять-таки лишь путем сложных опосредований, путем суждений и умозаключений. Эту мысль Писарев поясняет на примере научных открытий, которые он рассматривает как закономерную «встречу между вечным явлением и вечным умом человечества». Разум человека приходит к открытию не вдруг, а при посредстве сложной системы логических доказательств.

Подходя к познанию как к восхождению от простого к сложному, Писарев говорил, что разум человека всегда начинает свою деятельность с самых простых процессов и только потом переходит к более сложным процессам, рассматривает и обсуждает явление со всех сторон, а затем уже приходит к «общему выводу». Его высказывание о том, что «верность и разумность... мирозерца-

ния увеличивается или тогда, когда нарастает запас фактов, или тогда, когда совершенствуются логические приемы», говорит о том, что он высоко ценил не только эмпирию, но и теоретическое мышление. Однако Писарев подчеркивает, что приговор теоретического мышления только тогда может быть признан ценным, когда будет объяснять фактические данные «совершенно удовлетворительно без малейшего насилия». Умозрительная философия, как он отмечал, «должна слиться с опытом и из него черпать свои силы» и активно содействовать «развитию и изменению бытовых форм и жизненных отношений». Возможность абстракций Писарев признает только в том случае, если окончательно отброшен мир потусторонних идей и имеется в виду только мир реальности. А «когда соблюдены эти два условия — один мир и одни чувства, тогда, — говорит он, — общеобязательная правда и общая логика становятся не только возможными, но даже и неизбежными» (11, стр. 179).

Свое понимание относительности знаний на каждом этапе исторического развития Писарев высказывает, определяя роль в познании теории-гипотезы, которая активизирует процесс познания и дает стимул к дальнейшим научным изысканиям. «Каждое явление природы само по себе так сложно, — отмечал он, — что мы никак не можем охватить его разом со всех сторон; когда мы приступаем к явлению без всякой теории, то мы

решительно не знаем, на какую сторону явления следует смотреть. Явление мозолит нам глаза и все-таки не пробуждает в нашем уме никакой определенной мысли. Если же у нас составлена какая-нибудь фантастическая теория, то явление прежде всего разрушает ее и вслед за тем заставляет нас построить немедленно новую теорию, которая при вторичном наблюдении, по всей вероятности, также развалится и заменится третьей теорией, такой же непрочной, как и обе первые... Убеждаясь в несостоятельности наших догадок, мы каждый раз узнаем новые признаки, которые без этих догадок остались бы нам неизвестными» (11, стр. 324—325). Писарев считал, что понимание явления изменится и углубляется, если «возникает более рациональная гипотеза». Развивая эту мысль, он правильно подметил, что только благодаря способности человека к фантазии и был сделан в сознании «тот первый необходимый толчок, без которого летаргический сон человеческой мысли навсегда остался бы ненарушенным».

Интересен подход Писарева к определению роли мечты — мечты здоровой и мечты-утопии. Писарев подчеркивал, что когда человек в научной и общественной жизни, обгоняя естественный ход событий, мечтой устремляется в будущее, он тем самым стимулирует свою деятельность, повышает свою активность во имя реализации поставленных задач. Мечта, сообразующаяся с жизнью и

имеющая под собой реальную почву, «вреда не приносит, — говорит он, — она может даже поддерживать энергию трудящегося человека». Утопия же, бесплодная «маниловская мечта», вредна, ибо разбитые мечты порождают равнодушие и скепсис. Мысль Писарева о полезной мечте как стимуле к работе была использована В. И. Лениным, подчеркивавшим, что не только можно, но и нужно мечтать, если мечты реальны, жизненны, вдохновляющи (см. 6, стр. 172).

Процесс познания, по Писареву, состоит из «крупинки ежедневного опыта» многих поколений, а конечную цель его Писарев видел в достижении истины, даже если она окажется не только неутешительной, но и приведет исследователя «в смущение и ужас». Зато истина может разбить множество фантазий, рассеять массу заблуждений и раскрыть перед человеком тайны безграничной Вселенной. Писарев отмечал, что накопленные человечеством знания не стоят на месте, а «растут, совершенствуются по мере того, как накапливаются фактические подробности и улучшаются орудия наблюдения». Многие научные проблемы решаются, «множество стоит на очереди», а еще большее количество их «еще не поставлено, потому что к ним и подойти невозможно при теперешних средствах науки», — говорил он. И хотя «полное знание природы, полное могущество над нею... лежит еще далеко впереди нас, но это вовсе не доказывает того, — отмечал Пи-

сарев, — чтобы знание наше имело перед собой неодолимые преграды и чтобы в природе заключались такие тайны, которые навсегда останутся недоступными пытливому уму человека» (8, стр. 547). Но в проведении этой мысли Писарев не был последователен. Недостаточно ясное понимание соотношения абсолютной и относительной истин, осознание ограниченных возможностей тогдашней науки вели его порой к нечеткости выводов в этом вопросе. Так, вслед за Контом Писарев утверждал, что, поскольку жизнь человека коротка и «круг его зрения ограничен по своему пространству», в данных исторических условиях и при данном уровне развития науки возможно «изучать с успехом только связь и соотношения между видимыми явлениями, а не причину и сущность» их. А следовательно, способность человека «объяснять явление природы имеет определенные границы, через которые его уму никогда не удастся перешагнуть» (11, стр. 316).

Для определения философской позиции Писарева важно выяснить его отношение к диалектике. Многие исследователи утверждали, что Писарев был материалистом-метафизиком и сторонником механицизма. Примером законченной концепции механистического материализма представлялось понимание Писаревым закона сохранения и превращения энергии, который он считал «важнейшим мировым законом, и одним из краеугольных камней рационального мирозерцания». Этот

закон, называемый им «законом сохранения и неразрушимости силы», в его интерпретации звучал так: «...ни в каком случае никакая сила не уничтожается и не возникает вновь. Перед нашими глазами совершается постоянно переход силы из одной формы в другую; как ни одна частица материи не пропадает и не уничтожается, а только видоизменяется, так точно ни одна частица какой бы то ни было силы не утрачивается, а только принимает иногда такую форму, которая скрывает ее от нашего наблюдения» (8, стр. 350).

В качестве важнейшего аргумента при характеристике Писарева как метафизика выставлялось его якобы категорическое отрицание скачков и явное преклонение перед эволюцией. Это утверждение представляется односторонним и вызывает у некоторых наших исследователей возражение.

Действительно, у Писарева есть высказывания о том, что одно предположение о возможности скачков опровергнет эволюционную теорию. Он признавал возможность в природе самых разнообразных переходов и превращений, но отрицал их внезапность. Однако если подойти к этим высказываниям с точки зрения теории реализма в целом, то оказывается, что здесь у Писарева проявляется стремление резко противопоставить научное объяснение развития животного и растительного мира теории «катаклизмов», причина которых возводилась к всевышнему. Он не только настойчиво проводил мысль

о том, что в природе не может произойти «необъяснимым путем мгновенных возникновений, исчезновений и превращений» и что «разрушить произвольным вмешательством всю органическую жизнь на земном шаре невозможно», но и готов был вместе со своими соратниками, как вспоминает Степняк-Кравчинский, идти на пытки, чтобы доказать, что «Дарвин был прав, а Кювье ошибался». Следовательно, отрицая скачки, Писарев имел в виду то, что природа исключает беспричинные, сверхъестественные, буквально «мгновенные перемены» или катастрофы, выходящие за рамки естественной закономерности. А скачки как перерывы постепенности, имеющие свои истоки в предшествующем скрытом накоплении причин, Писарев признавал. Особенно ярким является его высказывание о возможности скачков в обществе. «Бывают в жизни минуты, — говорил он, — в которых достаточно одного случайного события, чтобы перевернуть целый образ мыслей, выработывавшийся в течение нескольких лет... Перевороты эти подготовляются долгим рядом мыслей и чувств, но совершаются внезапно...» (7, стр. 80, 81).

Сама «теория реализма» в общественно-политическом плане, рассчитанная на длительный промежуток постепенного и всестороннего преобразования общества, с тем чтобы подвести его к революции как конечному пункту разрешения всех противоречий старого мира и переходу к новому порядку

вещей, есть не что иное, как признание качественного скачка, подготовляемого в течение долгого времени.

Был ли Писарев сторонником механицизма? Важно рассмотреть в данной связи то, как понимал Писарев движение. Движение во Вселенной, или «жизнь природы», он считал «вечным круговращением, не останавливающимся ни на одну миллионную долю секунды», круговращением, в которое вовлечены атмосфера, вода, минеральные частицы и все организмы от инфузории и плесени до человека. Но этот круговорот не понимался им упрощенно, как чисто механическое перемещение. Он отмечал, что природа всегда содержит в себе «способность к бесконечному разнообразию видоизменений и комбинаций», к которым относится не только «низший вид материи, состоящий в сырых продуктах почвы», но и «высший вид материи, заключающийся в человеческих силах» и представляющий собой совокупность сложнейших процессов организма. Рост, горение, взаимопревращение минеральных частиц и газов, гниение со всеми сложнейшими процессами, их сопровождающими, Писарев рассматривал как виды движения или формы, «которые принимает на себя материя». В механических, химических, физических, магнетических, тепловых и световых явлениях природы он видел проявления различных свойств материи. Понимание Писаревым движения как непрерывного перехода «из

формы в форму», как «постоянное неугомонное превращение, разрушение и созидание, следующие друг за другом и вытекающие друг из друга», говорит о том, что он выходил за рамки механистического материализма.

Писарев не только видел количественные и качественные взаимоотношения, но и на многих примерах прослеживал борьбу между нарождающимся новым и отмирающим старым, призывал содействовать окончательной победе тех новых элементов, которые заключают в себе «способность к долговечности и беспредельному совершенствованию». В его же высказываниях о «внутренних противоречиях» в предметах и явлениях, о том, что «везде прогресс составляет прямое следствие борьбы и соперничества», нашел признание всеобщий закон развития через борьбу противоположностей. Высказывания эти, несомненно, ярки. Но необходимо все-таки признать, что у Писарева не было полного и глубокого понимания законов диалектики. Диалектика не была им понята как логика и теория познания. Более того, с диалектическими положениями у него нередко соседствуют и метафизические (например, представление о круговороте как всеобщей характеристике движения).

Основные моменты философии Писарева показывают, что, несмотря на ряд высказанных им важных догадок и мыслей, по широте охвата проблематики, по степени обобщения и по глубине философского анализа он

существенно уступает своим предшественникам—Герцену и Чернышевскому. Да это и понятно. Ведь Писарев был в первую очередь общественно-политическим деятелем, публицистом, и к вопросам философии он обращался, как мы уже отмечали, лишь в случае суровой необходимости. И все же в его философских взглядах немало интересного и ценного. В них четко выделяется продиктованное реализмом стремление порвать со старой традицией, считавшей философию исключительно достоянием чистой мысли, глубокомысленно-отвлеченным мудрствованием о Вселенной, и сделать ее достоянием жизни, орудием в борьбе за радикальное разрешение социально-политических вопросов современности. Не без основания многими исследователями отмечалось, что реалистическая философия Писарева воспринималась в 60-е годы в противоположность науке для науки как наука «для жизни», т. е. как реакция на направление науки, «уважавшей мысль уже для одной мысли» (88, стр. 11).

Стремление Писарева ярко показать преимущества и правомерность материализма, отрицательное отношение к идеализму, настойчивое требование партийности философии, воинствующий атеизм и умение преподнести в доступном восприятии изложении даже самую сложную философскую проблему увеличивали силу воздействия проповедуемых им передовых идей. А это имело огромное значение в эпоху 60-х годов в России.

Х

«РАЗУМНЫЙ ЭГОИЗМ»

Важную роль в мировоззрении Писарева играла его реалистическая этика, основанная на отрицательном отношении к порожденным и поддерживаемым существующим строем этическим доктринам. Он указывал, что все юридические кодексы, влияющие на понятия о нравственности, начиная от римского права и до самых последних, создавались представителями господствующих классов «отчасти для того, чтобы дать определенную и прочную форму своим любимым заблуждениям, отчасти для того, чтобы пугнуть себя и своих современников строгими требованиями одностороннего идеала казенной нравственности». Причем придерживается положений официальной нравственности, по словам Писарева, только «счастливое меньшинство», да и то не для последовательного выполнения ее канонов, а для того, чтобы, опираясь на них, осуждать своих ближних.

В жизни же, по его мнению, действует неизменный, узаконенный общественным мнением принцип: «Надо бежать туда, куда

бегут все; надо завидовать тем, кто бежит впереди; надо презирать тех, кто отстанет; надо топтать ногами тех, кто падает на пути, и надо при этом лицемерить со всеми, зная заранее, что ваше лицемерие никого не обманывает; надо тщательно затаивать зависть; надо преувеличивать презрение и выражать его так, чтобы все окружающие принимали или могли принять его за роковой результат возвышенных чувств и утонченных привычек; надо проливать слезы сострадания над такими оплошностями ближних, которые возбуждают чувство злобной радости и открывают широкий простор для напряженной деятельности топчущих ног» (12, стр. 349—350). Писарев с сожалением отмечал, что толчок этому движению дан сотни лет назад, а общество все еще продолжает двигаться по такому пути. А поэтому он настаивал на необходимости отбросить старую мораль, уродующую природу человека, извращающую его отношение к труду, к близким и окружающим, и заставить людей встряхнуться, осознать свое жалкое положение в этом мире, пристрастить их к новым идеалам человеческих отношений.

На основе критики существующих норм морали Писарев давал своеобразное объяснение аморальным поступкам, которые, по его мнению, в большинстве случаев были вынуждены окружающими условиями и совершались тогда, когда «никакое трудолюбие, никакая добросовестность в исполнении

работ, никакая затрата силы и энергии» не могли дать человеку самого необходимого или когда честный труд был недостаточным лекарством от гнетущей бедности. Поэтому нарушения предписаний нравственности Писарев рассматривает как «открытую войну», которую ведут с применением «всех правд и неправд» те, кому общество отказывает в элементарном — возможности честно зарабатывать свой хлеб. Он подчеркивал, что в таких условиях патриотическое чувство граждан «слабеет и даже совершенно исчезает». А это бывает, когда человеку нет возможности привыкнуть и привязаться к тому, что его окружает. Это происходит, когда страдания постоянно перевешивают сумму приятных ощущений. Тогда вместо привязанности развивается либо тупое равнодушие, либо затаенная ненависть к данным условиям жизни.

Опираясь в своей этике на положение об определяющей роли материального фактора в истории, Писарев вслед за Чернышевским шел к правильному выводу, заключающемуся в том, что решение моральных проблем зависит от решения проблемы «голодных и раздетых», т. е. от коренного преобразования общественно-политического строя на новых началах. Он утверждал, что уничтожение частной собственности и эксплуатации, а вместе с ними и материальных лишений ликвидирует большую часть зол в обществе.

Но когда Писарев убедился, что в России

пока нет условий для радикального разрешения проблемы материальной обеспеченности, а следовательно, и проблемы нравственности, он стал противопоставлять нормам старой морали, узаконившим «покорность существующему порядку вещей и отношений», теорию «разумного эгоизма». Основные принципы этой теории были сформулированы уже Чернышевским. Взяв идею Чернышевского за исходный пункт, Писарев развил ее и сделал одним из важнейших компонентов «теории реализма».

Разрабатывая теорию «разумного эгоизма», Писарев отмечал, что эгоизм составляет в людях «богатую закваску», заложенную в них самой природой и дающую о себе знать на протяжении всей истории. Мало того, эгоизм, оставленный современникам предками, и впредь, по мнению Писарева, «будет волновать и мучить личность и общество до тех пор, пока коллективный ум человечества» не отыщет для него «широкого и правильного исхода» (11, стр. 395). Он был уверен, что именно в теории «разумного эгоизма» и заключается этот «широкий и правильный исход» к разрешению противоречий между личностью и обществом. Сущность писаревской теории сводилась к тому, что человек в своих поступках должен, опираясь на природные эгоистические задатки, руководствоваться принципом пользы, т. е., сообразуясь с обстоятельствами времени, путем разумного и критического подхода к

окружающему стремиться при наименьшей затрате сил к тому, что наиболее полезно для себя и для общества.

Официальные идеологи, выступавшие в роли охранителей существующих моральных нормативов, стремились исказить, затушевать положительные моменты этической теории Писарева, дать ее в самой узкой и вульгарной интерпретации. Идея «разумного эгоизма» рассматривалась ими как призыв Писарева к разнузданному аморализму, возведению в культ черствости, грубости, цинизма, как желание предаться ничем не сдерживаемому и никем не регламентируемому удовлетворению физиологических потребностей, отбросив какие бы то ни было обязательства по отношению к коллективу. Утверждалось, что осуществление принципов писаревского «разумного эгоизма» грозит не только падением нравов, но даже гибелью цивилизации и возвращением общества в первобытное состояние.

Разумеется, это было грубым извращением идей Писарева. Сам Писарев разъясняет, что под «эгоизмом» он понимал «только полную свободу личности... отсутствие нравственного принуждения». Другими словами, эгоист «остается самим собой во всякую данную минуту и не насилует себя ни из угождения к окружающему обществу, ни из благоговения перед призраком нравственного долга». Писарев подчеркивал, что наиболее полное удовлетворение естественных потреб-

ностей им понимается отнюдь не как грубое стремление к пресыщению. По его мнению, к вопросу о потребностях следует подходить разумно, удовлетворяя их, следует в то же время поступать так, чтобы было ясно, «что вы приносите людям действительную пользу». В научном же смысле эгоизм, по Писареву, — это «система умственных убеждений, ведущая к полной эмансипации личности и усиливающая в человеке самоуважение», а отнюдь не «искоренение добрых влечений и благородных порывов». Последовательным претворением принципов «разумного эгоизма» в жизнь возможно, по Писареву, достигнуть общественного счастья, предполагающего счастье каждого человека.

Своеобразное истолкование Писаревым эгоизма определило его отрицательное отношение к альтруизму, который, по его мнению, под прикрытием якобы гуманных, общечеловеческих начал проводит интересы господствующего класса. Он подчеркивал, что в условиях экономического и социального неравенства, когда все определяется богатством и когда «господствует повальная эксплуатация», узкий, диктуемый корыстью эгоизм эксплуататоров всегда идет вразрез с интересами большинства. Ни один из собственников не удерживается на умеренных позициях и либо начинает «пожирать» других, либо сам становится жертвой эгоистических устремлений более сильных. Эгоизм в такой обстановке стихийно выливается в грубые, отталкиваю-

щие формы. Человек же с альтруистскими наклонностями неизбежно превращается в жалкую жертву тех, кто сильнее его. Альтруизм как выражение лучших общечеловеческих черт гуманизма искажается, воплощаясь в ханжески-религиозных предписаниях господствующей морали. Он заключает в себе обращенный к угнетенным призыв к смирению, к отречению от временных земных благ во имя будущего неземного, вечного блага и потому играет реакционную роль, ибо исторически всякое самопожертвование, самоотречение возможно было только со стороны слабых, униженных, зависимых. «К сожалению, бедные классы, — говорил он, — ждут безуспешно почти две тысячи лет, чтобы в их богатых соотечественниках пробудилось эксцентрическое желание снимать с себя в пользу ближнего последнюю рубашку». Господствующие классы предпочитают снимать их, но не с себя, а со своих неопытных и несостоятельных ближних, называя их своими «младшими братьями» (11, стр. 394).

Писарев отмечал, что в условиях эксплуатации, когда господствует узкое, корыстное понимание принципа пользы, последний никогда не совпадает с принципом справедливости. Поэтому кажется, что эти два принципа «самой природой осуждены вести между собою вечную вражду». А между тем если каждый, руководствуясь предписаниями «разумного эгоизма», будет стремиться к «собственной выгоде», то все добродетели окажутся

совершенно излишними, так как «каждый будет отстаивать твердо и искусно собственную рубашку, и вследствие этого каждая рубашка будет украшать и согревать именно то тело, которое ее выработало», т. е. каждый «будет пользоваться всем тем, и только тем, что принадлежит ему по самой строгой справедливости» (11, стр. 394).

В проповедуемой Писаревым теории «разумного эгоизма» содержались, конечно, и элементы альтруизма, поскольку она была направлена в защиту угнетенных. Разумный эгоизм приниженого жизнью, но стремящегося к революционному переустройству большинства Писарев хотел противопоставить эгоизму господствующего класса.

Он считал, что в условиях того времени, чтобы как-то отстоять личность, необходимо не тешить себя бесплодными надеждами на вознаграждение всевышнего за терпение, самоотречение, покорность, а узкоэгоистическим инстинктам господствующего класса противопоставить этику «разумного эгоизма», отбросив односторонние, искусственно навязанные понятия идеала и долга.

Проповедуя идею эгоизма, Писарев утверждал, что степень нравственности любого общества зависит исключительно от того, «насколько члены этого общества сознательно понимают свои собственные выгоды», и, следовательно, «высшая точка нравственного развития будет достигнута только тогда, когда понимание выгоды делается безукоризненно

верным». Выгоду, как известно, Писарев отождествлял с понятием общей пользы, но здесь дело в другом: строго придерживаясь утилитарного принципа, он нравственный прогресс ставит в прямую зависимость от сознания. Это было вытекающее из просветительства идеалистическое положение, которое противоречило ранее высказанной им мысли о зависимости вопросов нравственного порядка от радикального решения общественно-политической проблемы. К тому же просветительство суживало сферу действия теории «разумного эгоизма»: рассчитанная, согласно первоначальному замыслу, на широкие круги, она по существу охватывала лишь круг мыслящих людей — реалистов. Мало того, исследователи, касавшиеся этики разумного эгоизма Писарева, почти единогласно утверждают, что негативной стороной ее является то, что в конечном итоге она выливается в ярко выраженный индивидуализм. С этим нельзя не согласиться. Но каков был характер этого индивидуализма? Думается, что, говоря о писаревском индивидуализме, можно с полным основанием отнести к нему слова Лебедева о подлинной сущности чаадаевского индивидуализма, который «оказался естественным и исторически необходимым явлением в общественной жизни именно тогда, когда традиционные или освященные традицией нормы общественного бытия утратили необходимую меру историзма, отделились от человека, стали внешними. И чаадаевский индивидуализм... сам

сделался выражением протеста человека против отчуждения его человеческой сущности в мертвой всеобщности предписанных норм бытия» (68, стр. 202).

В целом писаревская теория «разумного эгоизма», содержащая ряд противоречивых, а порой и идеалистических положений, имела в то же время и неоспоримые достоинства. Этическая доктрина Писарева по-новому ставила проблему личности и являлась выражением стремления к новым общественным идеалам. Реалистическая этика Писарева, соответствовавшая боевому духу его мировоззрения, сыграла большую роль для своего времени. Она была направлена против господствующей морали и в противоположность традиционным нормам, якобы основанным на нравственном руководстве «свыше», апеллировала к самому человеку, его чувству и разуму, настраивая по-деловому, мобилизуя его силы и энергию. Теория «разумного эгоизма» служила обоснованием необходимости вырабатывать в каждом индивиде способность к протесту, сопротивлению, как средству внутренней самозащиты при непосредственном соприкосновении с бесчеловечной средой.

«РАЗРУШИТЕЛЬ» ЭСТЕТИКИ

Эстетические взгляды Писарева так же, как философские и этические, подчинены социально-политическим, составляющим основное звено в системе его мировоззрения. В основе эстетики Писарева лежит все тот же принцип реализма, выражающийся в данном случае в резко отрицательном отношении к идеалистической теории «чистого искусства» и построенной на ней эстетике, а главное — в требовании служения искусства обществу. Такая позиция в эстетике снискала ему в свое время недобрую славу отъявленного нигилиста и «разрушителя» эстетики, якобы отрицавшего искусство и его закономерности. Идеальные оппоненты Писарева утверждали, что он будто бы, находясь «на первобытной ступени культурного понимания», воспитал в себе ненависть ко «всякой эстетике», стремился приспособить искусство к плебейским вкусам и таким образом сбросить его с пьедестала и низвести к временам варварства. Эта точка зрения повторялась в разных вариациях интерпретаторами эстетических воззрений Писарева и в более поздние времена.

Писаревская позиция в эстетике, определяемая требованием подчинить искусство прозе будней, т. е. самым животрепещущим вопросам эпохи, была своеобразным продолжением эстетических взглядов его предшественников, и прежде всего Чернышевского, который, как говорил Плеханов, меньше интересовался самой теорией искусства, нежели ее практическими выводами. Писарев, с реализмом которого гармонировала такая постановка вопроса, более резко подчеркивал важность этих практических выводов, сделав их краеугольным камнем своих эстетических взглядов. Задачу эстетики он, как и Чернышевский, видел в служении классовым целям. Но писаревское выступление против эстетства, основанное на утилитарном принципе, явилось неизбежным выводом не только из логики эстетических положений Чернышевского, но и из ранее принятых Писаревым посылок в социологии. Как уже говорилось, Писарев, прилагая принцип реализма к анализу исторической обстановки в России, пришел к выводу, что самой важной и первоочередной задачей общества на пути достижения «идеи общечеловеческой солидарности» является разрешение проблемы «голодных и раздетых». А потому он считал, что все, в том числе искусство, необходимо подчинить решению этой проблемы. Писарев подчеркивал, что те представители литературы и других видов искусства, которые умеют понять общественную важность «главной задачи», достойны всяческого

поощрения. Но если литература и искусство окажутся в числе отвлекающих факторов, то они должны подвергаться «систематическому отрицанию, оплеванию и осмеянию». Исходя из этого, он призывал «называть злом все то, что усыпляет, а добром все то, что будит народное самосознание» (12, стр. 524). Эта мысль явилась основополагающей в эстетике Писарева, в которой ценность любого произведения определялась степенью его действительности, жизненной важности, общественной пользы.

С этих позиций подошел он и к «чистому искусству». Представителей этого направления с их «салонным жаргоном» Писарев называл тунеядцами, стремящимися прикрыть убожество содержания, бедность и избитость мысли эффектностью формы. Эти «продажные мазурики», движимые самой мелкой корыстью, готовы, по его словам, «и соловьем свистать, и лягушкой квакать, и в грудь себя колотить, и слезами обливаться...» (9, стр. 246). Именно поэтому идеалистическую эстетику, основанную на смутном понятии «чистой культуры» и утверждающую рутину, умственную узость, безотчетность стремлений, мелочность чувств, скрытых за бессмысленной вычурностью и неестественной напыщенностью фразы, Писарев считал «самым надежным врагом разумного прогресса» и объявил ей беспощадную борьбу, борьбу без уступок и компромиссов. Он не скрывал, что стремился «доконать» идеалистическую эстетику, чтобы

сосредоточить внимание общества на самых жгучих вопросах первостепенной важности.

Утилитаризм в эстетике Писарева был продиктован общественными тенденциями: узкий, мелочный практицизм был чужд его взглядам. Об этом свидетельствовало настойчивое требование Писарева к писателям активно относиться к действительности и занимать четкую идейную позицию. Он не признавал безразличия, «бессознательного и бесцельного творчества». Писарев подчеркивал, что сам он позицию «отрицателя» в эстетике занял «не по слепому влечению», а во имя «выяснения и очищения великой идеи, превращенной в будуарное украшение» эстетиками. В защите «великой идеи» он видел «единственный смысл существования и деятельности» любого писателя, который должен «ненавидеть святой и великой ненавистью» все то, что мешает «идеям истины, добра и красоты облечься в плоть и кровь и превратиться в живую действительность» (10, стр. 97, 98). Именно этим объясняется его критическое отношение к творчеству Салтыкова-Щедрина («Цветы невинного юмора») и Пушкина («Пушкин и Белинский»). Писарев был справедливо убежден, что в условиях глубокого умственного застоя и равнодушия сатира должна касаться вопиющих язв существующего не легким юмором и даже не громким, но беспредметным смехом, а разоблачающим, желчным, саркастическим смехом Диккенса, Теккерея, Гейне, Бёрне, Гоголя, ибо только такой смех

способен привести к тому, чтобы каждый неприглядный факт действительности бил «как обухом по голове», будил живую мысль. Писарев высоко ценил сатирическое мастерство Салтыкова-Щедрина и называл его «вождем обличительной литературы», но считал не совсем устойчивой его идейную позицию, выражающуюся, по его мнению, в равнодушии к тому, на кого направится обличение, на своих или на чужих.

Одну из главных задач литературы Писарев видел в том, чтобы она постоянно вносила в жизнь «чистую струю» из естественных наук, выметая «мусор ложных понятий». Поэтому совет Писарева Салтыкову-Щедрина взяться за популяризацию естествознания при всей необычности такого совета звучит в его устах не как отрицание, а как признание таланта Щедрина и сожаление о том, что такой популярный писатель «не приносит столько пользы», сколько «мог бы приносить». Здесь сказывается желание Писарева привлечь Щедрина к своему направлению.

Писарев требовал, чтобы каждый тип, выведенный в художественном произведении, воспитывал и направлял молодежь к определенной цели, спасая этим гибнущие силы «молодых людей, способных сделаться мыслителями и работниками». С этих позиций Писарев подошел к оценке образа Евгения Онегина, в котором в противоположность Бельтову, Чацкому, Рудину, мучающимся из-за невозможности в условиях их времени претворить

в действительность уже созревшие в голове идеи, он увидел «праздношатающегося джентльмена», страдающего исключительно от пресыщения жизнью и потерявшего умение серьезно чувствовать, мыслить, действовать. «Этот тип, неспособный ни к развитию, ни к перерождению», — говорит Писарев, — ни единой нитью не связан с образами представителей нового поколения. И воспитывать юношей на этом образе — значит «готовить из них трутней».

В Пушкине Писарев видел настоящего «художника слова», ценил его тонкий ум и необыкновенное мастерство, но в то же время отмечал, что из описанной Пушкиным в «Евгении Онегине» картины русской жизни нельзя сделать вывода об идеях, которыми жило общество, нельзя увидеть в полной мере «физиологии и патологии тогдашнего общества». На этом основании он не считал это произведение общепользным. Конечно, в оценке Писаревым творчества Пушкина чувствуется узость подхода, обусловленная утилитаризмом. Писаревская точка зрения на этот счет справедливо не находит поддержки в современной литературе. Но она становится понятной, если учесть особенности того времени, в частности логику идейной борьбы.

К истинно великим поэтам, зарекомендовавшим себя «двигателями общественного сознания», Писарев относил таких поэтов-борцов, как Барбье, Беранже, Шелли, Томас Гуд и другие, которые постоянно будили в

массах «ощущение и сознание настоящих потребностей современной гражданской жизни». Особую заслугу их Писарев видел в том, что они были поэтами «текущей минуты», т. е. любили живых людей и не гнушались их нуждами и страданиями. «Поэт, — говорил Писарев, — или титан, потрясающий горы векового зла, или же козявка, копающаяся в цветочной пыли». А в зависимости от этого «поэт — или великий боец мысли, бесстрашный и безукоризненный «рыцарь духа» ... или же ничтожный паразит, потешающий других ничтожных паразитов мелкими фокусами бесплодного фиглярства. Середины нет» (10, стр. 98—99).

К лирическим поэтам у Писарева были особые требования, так как лирику он считал самым высоким и трудным видом творчества. Поэтом-лириком, по его мнению, может быть «только первоклассный гений», ибо только «колоссальная личность» может принести обществу пользу, обращая его внимание на свою личную жизнь и психику. К таким поэтам Писарев относил Гейне, Гете, Шекспира, противопоставляя их «микроскопическим поэтикам», «поэтическое сырье» которых с изложением их незадачливого внутреннего мира и мелочными тревожностями не заслуживает того, чтобы стать достоянием широкой общественности. В эпоху, когда назрела суровая необходимость разрешения животрепещущих социальных проблем, для такой лирики, которая уводила бы читателя

от насущных задач времени, Писарев не признает права на существование.

С позиций общественной пользы подходил Писарев и к определению роли искусства. Он считал, что при выявлении общественной значимости искусства необходимо рассматривать не искусство вообще, а каждый его вид в отдельности. Развивая эту мысль, он подчеркивал, что на данном этапе истории ни один из таких его видов, как живопись, скульптура, музыка, в отличие от поэзии не приносит обществу должной пользы, так как произведения их не доступны пониманию каждого человека без комментариев. В качестве примера он берет музыку, которая может отразить тончайшие настроения души, различные оттенки чувств, но, по его мнению, выразить определенный взгляд на природу, человека и общество, выразить так, чтобы основные мысли были понятными даже для того, кто никогда не слышал о них прежде, она не может. Основываясь на поспешных обобщениях, Писарев ошибочно утверждал, что музыка никак не может влиять на нравственное совершенствование и интеллектуальное развитие. «Если же вы мне станете говорить о том, что сонаты Бетховена облагораживают, возвышают, развивают человека и проч. и проч., то я вам посоветую рассказывать эти сказки кому-нибудь другому, а не мне, потому что я этим сказкам ни в каком случае не поверю: каждый из моих читателей знает, наверное, многих

искренних меломанов и глубоких знатоков музыки, которые, несмотря на свою любовь к великому искусству и несмотря на свои глубокие знания, остаются все-таки людьми пустыми, дрянными, совершенно ничтожными» (11, стр. 182). Отрицательную позицию Писарева по отношению к некоторым видам искусства определяло прежде всего его твердое убеждение, что они сами по себе не способствуют улучшению жизни и изменению ее общественных и политических форм. «Если бы в Италии, — говорил он, — было десять тысяч живописцев, равных Рафаэлю, то это несколько не подвинуло бы вперед итальянскую нацию ни в экономическом ни в политическом, ни в социальном, ни в умственном отношении. И если бы в Германии было десять тысяч археологов, подобных Якову Гримму, то Германия от этого не сделалась бы ни богаче, ни счастливее. Безобразие ее политического устройства, пошлость ее юнкерства и невероятное филистерство... при десяти тысячах Гриммов продолжали бы существовать точь-в-точь в таком же виде, в каком они существуют теперь. Поэтому, — продолжает Писарев, — я говорю совершенно искренно, что желал бы лучше быть русским сапожником или булочником, чем русским Рафаэлем и Гриммом... я не могу, не хочу и не должен быть ни Рафаэлем, ни Гриммом ни в малых, ни в больших размерах» (16, стр. 192—193). Из сказанного видно, что Писарев не сумел выявить опосредован-

ные связи между социальными проблемами и различными видами искусства, слишком упрощенно истолковывая последние.

Резкая позиция Писарева по отношению к определенным видам искусства объясняется еще и тем, что он считал расход материальных средств на них слишком большим по сравнению с отдачей. Почти все искусства, как писал он, прозябают в оранжереях, которые «оплачиваются массами, но не доступны им», т. е. являются только «монополией меньшинства». Писарев как общественный деятель, заботящийся об улучшении положения масс, не мог мириться с тем, чтобы хлеб, возвращенный тружениками и предназначенный для их пропитания, постоянно превращался «в изящные предметы, доставляющие немногим избранным и посвященным тонкие и высокие наслаждения» (8, стр. 295). К тому же, по его мнению, искусство может дать мало наслаждения народу, почти все помыслы которого заняты заботой о хлебе насущном. Правда, в разных видах искусства он видел средство «освежить и обновить рабочую силу человека». Но в то же время он считал, что к выбору наслаждений необходимо подходить строго утилитарно. Полемицируя с Антоновичем, утверждающим, что нет ничего плохого в том, что крестьянин в свободное от работы время развлекается сопелкой, он писал: «Предположите, что один земледелец гудит в свою сопелку, а другой в это самое время учится грамоте, а третий, вы-

учившись грамоте, учит ей своих детей, а четвертый, также выучившись грамоте, читает популярный трактат о болезнях лошадей и рогатого скота, а пятый, также выучившись грамоте, читает газеты. Кто из этих земледельцев употребляет свое свободное время более разумным и полезным для себя образом: первый ли, предающийся своей сопелке, или остальные четверо, превращающие понемногу себя и своих детей в мыслящих членов цивилизованного общества?» (11, стр. 206). Он подчеркивал, что увлечение сопелкой не является чем-то предосудительным, но оно невыгодно, так как можно найти и другие не менее приятные, но более полезные наслаждения, особенно если учесть нищенское состояние забавляющегося сопелкой. На заявление Антоновича, что эстетическое наслаждение есть нормальная потребность человека и нет никакого основания «воспрещать и даже порицать удовлетворение этой потребности», Писарев отвечал, что не может быть и речи о его запрещении, но основанием для порицания подобного развлечения является тот общеизвестный факт, что у огромного большинства законная потребность утолять голод здоровой пищей удовлетворяется до сих пор очень плохо.

Писарев утверждал, что, лишь когда человек подчинит природу и усовершенствует способы труда, что даст ему возможность удовлетворить свои «грубые потребности» и

получить свободное время, тонкие эстетические наслаждения найдут широкое признание в жизни, а до тех пор увлечение искусством будет представлять собой недозволенную роскошь. «Впрочем, — оговаривался он, — как ни смешна кружевная заплатка наук и искусств на изорванной сермяге, составляющей драпировку масс, должно, однако, сознаться, что эта резкая несообразность принадлежит к самым невинным уклонениям от правильного и разумного развития народной жизни» (8, стр. 610—611). Писарев говорил, что его отношение к искусству сходно с тем, какое выражено в романе А. Михайлова «Жизнь Шупова»: «...сейте хлеб, а васильки будут; мало ли их будет, много ли — это не важно, без них с голоду не умрем» (11, стр. 208).

Писарев крайне отрицательно относился к ремесленничеству в искусстве, считая, что посредственность в этой области — явление чисто отрицательное и в то же время человек, бездарный в данном отношении, на другом поприще может приобрести ценные трудовые навыки, стать врачом, агрономом, учителем, химиком, переводчиком, машинистом и т. д., т. е. сделать свою деятельность общепользуемой. Писарев подчеркивал, что, как показывает жизнь, юноши, идя по пути Глинки, Брюллова, Мочалова, но не имея такого же таланта, «не приобретали ничего, кроме печальной привычки к тунеядству и сивухе». Неотступно следуя своей реалистической программе, Писарев страстно призывал молодежь опреде-

лять свою деятельность, исходя из глубокого осознания того, где она может принести обществу наибольшую пользу. В то время когда Россия задыхается в нищете и невежестве, достойны, по его убеждению, «презрительного сострадания» те, кто посвящает свою жизнь созерцанию картин, чтению лирических поэтов и благоговейному слушанию симфоний. Если стране нужны в первую очередь машинисты, химики, ученые, публицисты, переводчики, если она «нуждается в мыслящих, знающих и неутомимых работниках по всем многочисленным отраслям чистой и прикладной науки», то Дарвин, Гексли, Либих и другие — «вот философы, вот поэты, вот эстетики нашего времени», — говорил он (9, стр. 316).

Высказывания эти, разумеется, односторонни. Но они были продиктованы страстным желанием Писарева обратить внимание общественности на исключительную важность наибольшего притока сил в область естественных наук и в сферу непосредственного материального производства для ускорения социально-экономического прогресса общества. Как бы то ни было, нельзя не заметить, что утилитарный принцип, строго проведенный Писаревым в области эстетики, привел его к односторонности в интерпретации явлений искусства. В подходе к искусству как только к наслаждению явно сказывается недооценка, во-первых, познавательной роли искусства, его участия в духовном формировании

личности, в развитии ее интеллекта, а во-вторых, большой воспитательной роли искусства, его влияния на формирование общественного сознания и, следовательно, активной роли в борьбе за решение социально-политических проблем.

Однако нельзя согласиться с теми исследователями, которые утверждают, будто Писарев, впад в узкий утилитаризм, начал призывать ученых и поэтов бросить свое занятие, пренебречь своим призванием и взяться непосредственно за физический труд или популяризацию. На это сам Писарев отвечал так: «Последовательный реализм безусловно презирает все, что не приносит существенной пользы; но слово «польза» мы принимаем совсем не в том узком смысле, в каком его навязывают нам наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говорим поэту: «шей сапоги», или историку: «пеки кулебяки», но мы требуем непременно, чтобы поэт как поэт и историк как историк принесли, каждый в своей специальности, действительную пользу». Но если произведение каждого из них не даст «ровно ничего... ни одного оригинального взгляда, ни одной самостоятельной идеи...», то им реалисты всегда готовы посоветовать шить сапоги или печь кулебяки (10, стр. 95—96). «Мы никогда не говорили и не скажем, — продолжал в другом месте Писарев, — что Дарвин и Либих должны служить обществу путем пахания земли..., все органы должны служить общей

жизни или, говоря яснее, все члены общества должны служить каждый на своем месте, приносить пользу обществу, в этом не может быть никакого сомнения». Что же касается до гениальных натур, то их не остановит и не собьет с толку никакая реалистическая критика. Гениальные натуры преодолевают самые серьезные препятствия; они борются с деспотической волей родителей, с предрассудками общества, с бедностью, с невежеством и все-таки, несмотря ни на что, идут туда, куда их тянет преобладающая страсть. Если у нас народится какой-нибудь Рафаэль и Моцарт, то он ни за какие коврижки не пойдет в машинисты или в медики и наплюет на всякие реалистические проповеди. Значит, реалистическая критика не давит великих талантов, потому что их задавить невозможно. Она только кормит здоровой умственной пищей ту толпу, которую эстетики опаивали дурманом», уводя с пути общепользующей деятельности (10, стр. 372).

В целом эстетика Писарева противоречива. Его подход к оценке явлений искусства не лишен порой субъективизма и поражает прямолинейностью и резкостью выводов. Но в значительной мере это объясняется теми сложными условиями в России, когда борьба в эстетике за реалистическое искусство, начатая Белинским, в 60-е годы продолжалась, а реакционные воззрения на искусство были господствующими. Это и вызвало крайние меры со стороны Писарева. При всем том

нельзя не отдать должное его писательской смелости, одержимости и вместе с тем оригинальности в решении многих вопросов литературы и искусства. Его стремительные атаки на «чистое искусство» имели, по отзывам современников, значительный успех: многие из тех, кого он называл случайными или «микроскопическими» величинами в искусстве, вынуждены были замолчать. А данные Писаревым интерпретации литературных типов настолько своеобразны и во многом глубоки, что и поныне продолжают сохранять жизненность и вызывать интерес (такова, например, трактовка образа Базарова). Оценка им таких образов, как Е. Онегин («Пушкин и Белинский») или Катерина в драме А. Островского «Гроза» («Мотивы русской драмы»), со временем, возможно, внесут некоторую поправку в существующие традиционные оценки названных литературных героев. Писарев высоко ценил художественный гений и выступал за служение искусства прогрессивным общественным целям.

Реалистическая эстетика Писарева, несшая в себе элементы нигилизма как революционного отрицания, была воистину воинствующей: она утверждала революционно-демократические взгляды на искусство и литературу. Давая критическую оценку своей деятельности в этой области, Писарев подчеркивал, что его эстетическая доктрина, несмотря на резкую форму выражения, не выходила никогда за пределы основной тенденции предшест-

вующей радикальной критической мысли. И содержание ее, по его словам, выражается совершенно отчетливо в тех двух положениях, что «искусство не должно быть целью самому себе и что жизнь выше искусства» (11, стр. 65—66).

ХІІ

БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ...

В ноябре 1866 г. вследствие амнистии по случаю бракосочетания наследника цесаревича Писарев был досрочно освобожден из крепости, где просидел более 4-х лет. И сразу же из Третьего отделения к петербургскому оберполицеймейстеру и к начальнику первого отделения корпуса жандармов полетели депеши: «Подвергнуть Дмитрия Писарева бдительному наблюдению». Баллод, Скабичевский и другие утверждают, что из заключения Писарев вышел с еще более окрепшим убеждением в правильности избранного им пути. Скабичевский в своих воспоминаниях сообщает об интересном разговоре с Писаревым после его освобождения. Скабичевский, придя к Писареву, заявил, что после долгих раздумий он полностью солидаризировался с его взглядами и просит признать его своим идейным союзником. На что Писарев ответил: «Мне нужно еще позондировать тебя, чтобы убедиться, так ли это на самом деле? Но это дело времени...» Но когда он узнал, что Скабичевский является автором одного

из фельетонов в «Народной летописи», добавил: «Пусть фельетон твой написан против меня, но он мне понравился как желание идти дальше меня. На всякое такое желание я смотрю с радостью и уважением» (94, стр. 207).

Далее. После выхода Писарева из крепости произошел разрыв между ним и Благосветловым, упорно не желавшим брать в редакцию Соколова, в котором Писарев видел своего сподвижника. Еще в одном из писем из заточения Писарев убеждал Благосветлова в необходимости взять Соколова в редакцию, ибо его взгляды вполне соответствуют идейному направлению «Русского слова». Больше того, «Соколов, — подчеркивал Писарев, — не только постоянно идет вместе с нами, но даже часто идет впереди нас и прокладывает нам дорогу» (23, стр. 364). Весной 1867 г. Писарев воспользовался приглашением Некрасова и перешел в «Отечественные записки», которые в этот период все считали журналом, продолжающим дело «Современника». Эти факты убедительно свидетельствуют о том, что Писарев не только остался верен своим прежним убеждениям, но и намеревался еще шире развернуть свою публицистическую деятельность. А в связи с этим он и старался подбирать себе верных союзников.

О зрелости Писарева как политического деятеля в этот период говорит и высказанное им понимание сути идейной борьбы и необходимости более четкого размежевания

борящихся направлений. «Разногласие партий, — говорил он, — очень естественно, необходимо и безысходно, потому что настоящие причины противоположных суждений заключаются в противоположности интересов. Всякая попытка примирить партии была бы бесполезна и бессмысленна. Вместо примирения партий надо желать, чтобы каждая партия обозначилась яснее и договорилась до последнего слова. Только тогда общество может узнать своих настоящих друзей и дать окончательную победу тому направлению мысли, которое всего более соответствует действительным потребностям большинства» (8, стр. 258).

В этот период Писарев говорит, что тот народ, который готов переносить лишения и терять все свои права, лишь бы только не браться за оружие и не рисковать жизнью, находится на пути к своей гибели. Как бы полемизируя с Вольтером, он обращается к народным массам и подчеркивает, что их судьба находится в их собственных руках и что им надо управлять по своему усмотрению ходом всех исторических событий, крупных и мелких, внешних и внутренних. Развивая эту мысль, Писарев пишет, что «тайна собственного могущества» масс заключается в понимании ими необходимости объединения, ибо «вместе они непобедимы и неотразимы». Власти всячески хотели ослабить влияние Писарева на общественность. В 1868 г. его статьи «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская

мысль» были изданы без объявления автора под названием «Две статьи». Они были выпущены небольшим тиражом и продавались по высокой цене. Писарев продолжал проводить свои идеи не только через статьи, но и посредством выступлений перед аудиторией. Об этом свидетельствуют воспоминания современников, и в частности С. Марковича, который сообщает, что в 1868 г. на одном из тайных литературных вечеров он слушал доклад Писарева, который, излагая основные положения статьи о Гейне, разоблачал политику правительств по отношению к народу, критиковал умеренность и высказывался за революцию.

К. Кудрин сообщает, что один из товарищей Писарева по заключению рассказывал о том «чарующем впечатлении», какое произвела на него теория Маркса, изложенная в этюде Писарева «Разговор в зеленой комнате», где в полубеллитристической форме излагался только что вышедший II том «Капитала». Но для дальнейшей работы Писареву необходимо было осмотреться, собраться с силами и самое главное — нужен был новый и обширный материал для социальных обобщений. Он хотел не только правильно уловить особенности политической обстановки в России, но и познакомиться с настроениями передовой общественности в Западной Европе. Но Писареву было отказано в выезде за границу. Третье отделение разрешило ему выехать только в прибалтийские губернии. Летом

1868 г. он поехал на Рижское взморье отдохнуть, где случайно утонул. Ему еще не было тогда и 28 лет. Вся прогрессивная общественность тяжело переживала это событие. Герцен по этому поводу писал: «Еще одно несчастье постигло нашу маленькую фалангу. Блестящая и подававшая большие надежды звезда исчезает, унося с собой едва развившиеся таланты, покидая едва начатое литературное поприще» (36, стр. 377).

Но правительственным кругам нигилист Писарев был страшен и после смерти. Узнав, что петербургские друзья Писарева и литераторы во главе с редакцией «Русского слова» «готовят телу торжественную встречу», царская охранка стала настаивать на погребении Писарева на Рижском кладбище, боясь, как бы похоронная процессия не вылилась в антиправительственную демонстрацию. По настоянию друзей и родных Писарев был похоронен на Волковом кладбище напротив могил Добролюбова и Белинского.

Во время похорон за гробом, усыпанным цветами, шли тысячи почитателей Писарева, в том числе и многие из крупных русских писателей, поэтов и видных деятелей литературы. Здесь были Некрасов, Г. Успенский, Благосветлов, Елисеев, Суворин, Гайдебуров, Буренин и др. И хотя, как свидетельствует один из современников, администрацией были приняты меры «к недопущению каких-либо речей или иных проявлений сочувствия на могиле...», несколько человек выступили с ре-

чами. Сразу же после похорон было принято решение ходатайствовать об учреждении университетской стипендии имени Писарева и начать сборы на бронзовый памятник ему. Это была дань его гению, высокой гражданственности, неутомимости и бескомпромиссности идейного борца.

Писарев запечатлелся в истории русской революционной демократии как исключительно оригинальный мыслитель: своеобразие это придавали нигилизм и реализм, в форму которых облекалось его учение. Писарев шел всегда своим путем, хотя и испытывал влияние идей передовой русской общественности, особенно Герцена и Чернышевского. Порой он заблуждался и несколько отходил от классической линии революционной демократии, и все-таки, как правильно отмечал в свое время Шелгунов, он в основном ни разу не изменил направлению, начатому Белинским и продолженному Добролюбовым, т. е. направлению, возглавляемому Чернышевским. Он до конца дней своих оставался, по словам Герцена, человеком передовых взглядов.

Писарев был настолько яркой фигурой, его идеи заключали такой глубокий социальный смысл, что влияние его на передовую общественность вышло далеко за пределы 60-х годов. Уже Шелгунов, Соловьев, Тельшев и другие сообщали, что и в 70—80-е годы Писарев пользовался большой популярностью и по-прежнему производил «неотразимое впечатление». Даже некоторые представители

идейной оппозиции Писарева вынуждены были признать, что он для молодого поколения остался еще «надолго своего рода маяком». Правда, они объяснили это просто популярностью личной жизни Писарева, просидевшего в крепости солидный срок, якобы «из-за сущих пустяков», а также тем, что его произведения все еще оставались запрещенными (58, стр. 143). В действительности же именно идеи Писарева продолжали волновать передовые умы. Под сильным влиянием этих идей находились такие деятели революционного движения 70-х годов, как Аптекман, Долгушин, Морозов, Синегуб и др. Но самое главное, взгляды Писарева наложили значительный отпечаток на идеологию народничества. Вот несколько точек их соприкосновения. Этическая теория Михайловского, основанная на синтезировании индивидуализма и коллективных начал, явно перекликается с этикой «разумного эгоизма» Писарева. Идеи «цивилизованного меньшинства» Лаврова и «критически мыслящих личностей» Михайловского во многом являются развитием писаревской теории «мыслящих реалистов». Высказанные Ткачевым мысли о соотношении постепенности и скачков в общественном развитии связаны с положением Писарева о «химическом» и «механическом» путях развития. А в «Исторических письмах» Лаврова, посвященных оценке роли наук в развитии общества, по меткому замечанию Богучарского,

«поражает параллелизм идей» автора и Писарева.

В 70-е годы запрещенные статьи Писарева тайно распространялись среди узников Петропавловской крепости, с ними шли на каторгу. Влияние Писарева было значительным не только в России. Он был популярен и среди сербских революционеров, которые многие из его статей перевели для своего журнала «Ратник». А польские революционеры, находящиеся в сибирской ссылке, имели при себе статью Писарева «Мыслящий пролетариат» и вручную коллективно размножали ее текст. Об этом свидетельствует история недавно найденной Ялуторовской тетради (см. 26, стр. 9—11). Видные деятели болгарского революционного движения 70-х годов Л. Каравелов и особенно Х. Ботев высоко ценили и изучали Писарева.

В 80-е годы, как сообщает Тельшев, молодежь не отбросила эстетику: любила театр, ходила в оперу, с удовольствием читала Пушкина и Салтыкова-Щедрина, но с удовольствием читала и «разрушителя» эстетики. Завидовали тем, кто в начале 80-х годов имел возможность купить сочинения Писарева, «ибо никто не поднимал самый тон нашей внутренней жизни так, как он; никто не вселял такой бодрости; никто не отрезывал так путь ко всякой сделке с голосом совести и мысли» (102, стр. 124).

Говоря о влиянии Писарева на развитие общественно-политической мысли России,

Е. М. Ярославский подчеркивал, что «целые поколения революционеров пользовались писаревскими аналогиями для того, чтобы показать несправедливость классового капиталистического общества, и вплоть до 80—90-х годов, когда учение Маркса и Энгельса вытеснило уже и просветителей, и народников, статьями Писарева пропагандисты пользовались и в рабочих кружках» (116). Родные В. И. Ленина в своих воспоминаниях сообщают, что старший брат Ленина Александр «усиленно читал Писарева» и сам Владимир Ильич и Надежда Константиновна очень любили его статьи. В личной библиотеке Ленина имелись произведения Писарева, которыми Ильич «зачитывался» в сибирской ссылке, восхищаясь остротой и смелостью его мысли. Среди фотокарточек наиболее любимых революционных деятелей и писателей Герцена, Гюго и других Ленин хранил и портрет Писарева.

«Да это же разрушитель эстетики, свистун, эгоист и отъявленный нигилист!» — кричали ретрограды.

Да. Это был «разрушитель» эстетики, основанной на теории «чистого искусства», зовущего к самозабвению, стремящегося к примирению с пошлостями жизни и отказывающегося от общественного служения в эпоху острых социальных конфликтов. Это был «свистун», который считал своим гражданским долгом присоединить свой голос к тому «богатырскому посвисту», которым «свиста-

ли» Герцен и его сподвижники, чтобы будить мысль в условиях тогдашней России и звать на борьбу. Это был «эгоист», зарекомендовавший себя «восторженным певцом свободной человеческой личности», «эгоист», который «не жил, а горел» в борьбе за осуществление передовых идей, человек, энтузиазм которого, по словам Тимирязева, был отмечен «чертою полного бескорыстия, доходившего порою до почти полного забвения личных потребностей». Это был «эгоист», мысль которого постоянно работала «в направлении общего блага» и «для которого все в будущем и нет ничего в прошлом, как и для всей России», как говорил Шелгунов. Это был «нигилист», пускающий в ход все средства, чтобы пробудить народ, заставить мыслить, «нигилист», вполне сознательно перетряхивающий «всю старую ветошь» крепостнической России, чтобы показать всю ее непригодность для созидания новой жизни. Это и был один из тех одержимых, которые не боялись «дерзости и безумства в области труда и созидания».

Писарев был не просто талантливым сотрудником «Русского слова», даровитым критиком, неутомимым популяризатором знаний, публицистом. Это был учитель целого поколения, один из крупнейших духовных вождей русской интеллигенции 60-х годов.

Это был воинствующий атеист и философ-материалист, патриот и гуманист в высшем понимании этого слова, вся жизнь

которого — пример беззаветного служения народу, за свободу которого, по отзывам современников, он ратовал так, как только может это делать измученный в рабстве невольник — ожесточенно, беспощадно, без сделок и уступок.

Мыслитель прошлого... а как он потрясающе современен! Мысли, высказанные им более века назад, волнуют и сейчас. И не просто волнуют, а учат. Учат презирать ханжество и мелочное тщеславие, пересматривать обветшалые традиции, беспощадно отрицать косность и догматизм в науке, искусстве и жизни. И самое главное — учат критически мыслить, глубже понимать происходящее и по-новому оценивать многие явления современной жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Д. И. ПИСАРЕВА

[О БРОШЮРЕ ШЕДО-ФЕРРОТИ]

«...Шедо-Ферроти упрекает Герцена в том, что тот будто бы сравнивает себя с коронованными особами. В этом упреке выражается как нравственная низость, так и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разница между простым человеком и помазанником Божиим? И какая же охота честному деятелю мысли сравнивать себя с царственными лежебоками, которые, пользуясь доверчивостью простого народа, поедают вместе с своими придворными деньги, благосостояние и рабочие силы этого народа? Если бы кто-нибудь вздумал провести параллель между Александром Ивановичем Герценом и Александром Николаевичем Романовым, то, вероятно, первый серьезно обиделся бы такому сравнению... Шедо-Ферроти, конечно, не предвидит возможности переворота или по крайней мере старается уверить всех, что, во-первых, такой переворот невозможен и что, во-вторых, он во всяком случае повергнет Россию в бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы

внушить всем порядочным людям отвращение и презрение к его личности и деятельности. Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан России. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла.

Посмотрите, русские люди, что делается вокруг нас, и подумайте, можем ли мы дольше терпеть насилие, прикрывающееся устарелою фирмою божественного права. Посмотрите, где наша литература, где народное образование, где все добрые начинания общества и молодежи. Придравшись к двум-трем случайным пожарам, правительство все проглотило; оно будет глотать все: деньги, идеи, людей, будет глотать до тех пор, пока масса проглоченного не разорвет это безобразное чудовище. Воскресные школы закрыты, народные читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею, Петербург поставлен на военное положение, правительство намерено действовать с нами как с непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примирения нет. На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа

стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать.

Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» (20, стр. 124—126).

ИДЕАЛИЗМ ПЛАТОНА

«...Мы предпочитаем перейти к самому Платону. В личности этого греческого философа можно видеть на первом плане сильное поэтическое дарование, т. е. богатую фантазию и огромное стремление к творчеству. С отзывчивостью, свойственной поэту, Платон откликнулся всею своею жизнью, всею деятельностью на самый животрепещущий интерес эпохи, воплотившийся в личности Сократа. Дело Сократа было действительно так красиво и величественно на взгляд, что им не мудрено было увлечься. Человек незнатный, небогатый, неученый, невзрачный берется быть учителем нравственности для целого народа, старается влить живые соки в истощенное национальное сознание, побеждает одною непосредственною искренностью убеждений знаменитейших диалектиков своего времени, перетягивает на свою сторону всю даровитую молодежь и, наконец, падает жерт-

вою реакции и до конца жизни сохраняет непоколебимую твердость и спокойное присутствие духа. Смерть Сократа часто обезоруживает даже новейшую критику, готовую приступить с анатомическим ножом к диссекции его философской системы. Философия Сократа, говорят многие, хороша уже потому, что поддержала его в минуту смерти; он своею мученическою кончиною, говорят многие, запечатлел свое учение. Этот аргумент будет иметь свою силу, если мы безусловно примем положение Сократа о том, что знать истину и делать добро—одно и то же; но мы этой ошибки не сделаем и сумеем, конечно, отделить область воли от области знания. Сократ умер как мужчина, потому что был мужчиною, а не потому, что его поддерживали в минуту смерти положения его философии... Смерть Сократа рисует только личность этого человека, не говоря ничего ни pro, ни contra его учения. Смерть Сократа доказывает, что Сократ был не фразер, но не говорит нам, что он не мог ошибиться в теории или в жизни. Факты подтверждают мое мнение о том, что честность и стойкость Сократа принадлежали его личности, а не его учению. В числе учеников и друзей Сократа мы находим Алкивиада и Крития, главного предводителя олигархии, одного из 30-ти тиранов, — человека, которого имя по справедливости было ненавистно его современникам и согражданам. Ни Алкивиад, ни Критий не отличались ни политической честностью, ни

стойкостью убеждений, стало быть, учение Сократа оказалось несостоятельным, когда нужно было исправлять нравственность и переделывать природу человека. Но тем не менее личность Сократа не могла не зарекомендовать в глазах Платона проповедуемого им учения; Платон увлекся личностью и сделался ее ревностным прозелитом, тем более что философия Сократа открывала широкий простор фантазии и творчеству мысли.

Поэтический гений Платона получил решительный толчок и стал творить в том направлении, которое было ему указано любимым наставником. Во всем этом еще не было большой беды, хотя, быть может, позволительно пожалеть о том, что поэт оставил светлый мир образов и картин и переселился в возвышенные, но холодные сферы отвлеченной мысли. Красота, к которой Платон стремился как художник, стала являться ему отрешенная от всякой внешней формы, или, вернее, он сам старался отрешить ее от формы, проникнуть в ее общую сущность, уловить ее в полной отвлеченности. Началось стремление к идеалу, т. е. к призраку, к галлюцинации. Богатая полнота жизни, рельефность материи, переливы линий и красок, пестрое разнообразие явлений — все, чем красна и полна наша жизнь, стало казаться Платону злом, ширмой, за которою насильно скрыта, как красавица в заколдованном тереме, истина мира, нетленная, неизменная, вечная красота. Пылкая фантазия усилила

эти мечты; галлюцинация Платона дошла до того, что он верил в действительное существование идеи отдельно от явления; идеализм сразу поднялся на такую поэтическую высоту вымысла и вместе с тем сразу дошел до такого полного отрицания самых элементарных свидетельств опыта, какого, вероятно, он не достигал никогда ни прежде, ни после Платона. Под творческою, размашистою кистью его создалась целостная, фантастически-величественная картина мира. Димиург*, идеи, мировая душа, масса материи с ее тупою инерциею, звезды и светила, живущие своею жизнью и мыслящие в бесконечном пространстве, — все это создается под пером Платона, начинает жить и дышать, все это производит такое впечатление, как будто бы оно действительно существовало, и все это только потому, что Платон крепко верит в свое создание, да еще потому, что Платон — великий художник, подобный Гомеру, Данту или Мильтону. Вся физика Платона есть чистое создание фантазии, не допускающее в слушателе тени сомнения, не опирающееся ни на одно свидетельство опыта, развивающееся само из себя и основанное на одной диалектической разработке идеи, положенной в основание. Платонизм есть религия, а не философия, и вот почему он имел такой громадный успех в мистическую эпоху падения

* *Димиург* (более правильное написание — *демиург*) — божественное начало, творец мира, по Платону, — *Прим. ред.*

язычества; вот почему он сохранен и взлелеян византийскими учеными, передан Италии и Европе в эпоху Возрождения, поставлен на незыблемый пьедестал и под разными именами живет и теперь. У кого нет самостоятельного творчества, тот примыкает к чужой фантазии и делается ее адептом. Из многих подобных фантазий фантазия Платона отличается высоким полетом мысли и смелую концепцию общей картины. Не мудрено, что к его идеям примыкают с полным сочувствием многие мистики, отличающиеся развитым умом и тонким эстетическим чувством. Платон верил в создания своей фантазии; он считал их за безусловную истину и ни разу не становился к ним в критические отношения; одна секунда сомнения, один трезвый взгляд могли разрушить все очарование и рассеять всю яркую и великолепную галлюцинацию. Но этой роковой секунды в его жизни не было, и на всех сочинениях Платона легла печать самой фантастической и в то же время спокойной веры в непогрешимость своей мысли и в действительность вызванных ею призраков... Как вам понравится, например, понятие Платона о любви! Он в беседе «Пиршество» определяет любовь как стремление конечных существ обессмертить и увековечить себя в постоянно новых порождениях. Первая степень любви, по мнению Платона, есть любовь к прекрасным чувственным формам; вторая — любовь к прекрасным душам;

третья и высшая степень любви — к прекрасным наукам и, наконец, как результат и венце́ дела, любовь к идее, которая порождает истинное познание и истинную добродетель... Очень понятно, что у человека, дошедшего до этой высшей квинтэссенции любви, не должно быть места для любви к женщине; стало быть, нравственное оскотление человечества во имя идеи должно быть конечною целью нормального развития. Вот к каким красивым результатам приводит доктринерское желание внести общую искусственно созданную идею во все живые явления и отправления жизни. Доктринерство Платона идет вразрез с действительностью и даже с его собственным жизненным опытом. Как художник, Платон был очень восприимчив к пластической красоте; как здоровый и сильный мужчина, развившийся под небом цветущей Греции, он не думал останавливать своих эротических стремлений, и любовь к идее не мешала ему любить направо и налево... отдавая дань эпохе и народу... Но зло было сделано; зерно аскетизма и вражды к материи было брошено; в эпоху Римской империи оно разрослось в учение новопифагорейцев и новоплатоников и, опираясь на Платона, принесло человечеству обильный плод добровольных заблуждений и бессмысленных самоистязаний. Кто не был поэтом подобно Платону, тот требовал от себя последовательности и страдал от разлада, существо-

вавшего между идеею и жизнью, не понимая того, что идея берется из жизни, а не жизнь располагается по данной программе» (19, стр. 78—81).

ШКОЛА И ЖИЗНЬ

«Источник всего нашего богатства, основание всей нашей цивилизации и настоящий двигатель всемирной истории заключаются, конечно, в физическом труде человека, в прямом и непосредственном действии человека на природу. Кто смотрит на физический труд издали и со стороны, кто не имеет никакого понятия о том, что значит собственноручно побеждать сопротивление неодушевленной материи, тот, по всей вероятности, останется навсегда в отношении к самым важным вопросам общественной жизни поверхностным теоретиком и неискусным, хотя и заносчивым, регламентатором... В настоящее время вся историческая будущность Западной Европы зависит от того, каким образом разрешится рабочий вопрос, то есть каким образом упрочится и обеспечится материальное существование рабочих населений. Разрешим ли сам по себе этот вопрос или нет, об этом можно высказывать различные или даже противоположные мнения; но... если этот вопрос может быть разрешен сам по себе, то он разрешится не какими-нибудь посторонними благодетелями и покровителями, а только самими работниками, когда к их рабочей силе, практической

сметливости и трудолюбию присоединяется ясное понимание междучеловеческих отношений и умение возвышаться от единичных наблюдений до общих выводов и широких умозаключений. Поэтому одна из важнейших задач настоящего времени состоит в том, чтобы совместить в одних и тех же личностях научное развитие и физический труд, между которыми лежала до сих пор широкая и непроходимая бездна. Только такие люди, которые умеют в одно и то же время работать и мыслить, окажутся способными разрешить вопрос о разумной организации труда, — вопрос, которого название показывает ясно, что тут необходимо совокупное действие мысли и рабочей силы. Благодаря младенческому состоянию нашей промышленности, рабочий вопрос находится у нас в зародыше и, вероятно, долго еще не примет в русской жизни тех колоссальных и грозных размеров, которые характеризуют его в Западной Европе; но с нашей стороны было бы очень неосновательно думать, что эта чаша пройдет мимо нас и что наша общественная жизнь в своем дальнейшем развитии никогда не наткнется на эту мудреную задачу. Поэтому, глядя на наших западных соседей и вдумываясь в их поучительные ошибки и страдания, мы должны заранее припасать те материалы, которые требуются для удовлетворительного разрешения этого неизбежного и неотвратимого вопроса» (10, стр. 577—579).

ПУШКИН И БЕЛИНСКИЙ

«Итак, Онегин ест, пьет, критикует балеты, танцует целые ночи напролет — словом, ведет очень веселую жизнь. Преобладающим интересом в этой веселой жизни является «наука страсти нежной», которую Онегин занимается с величайшим усердием и с блестящим успехом. «Но был ли счастлив мой Евгений?» — спрашивает Пушкин. Оказывается, что Евгений не был счастлив, и из этого последнего обстоятельства Пушкин выводит заключение, что Евгений стоял выше пошлой, презренной и самодовольной толпы. С этим заключением соглашается, как мы видели выше, Белинский; но я, к крайнему моему сожалению, принужден здесь противоречить как нашему величайшему поэту, так и нашему величайшему критику. Скука Онегина не имеет ничего общего с недовольством жизнью; в этой скуке нельзя подметить даже инстинктивного протеста против тех неудобных форм и отношений, с которым мирится и уживается по привычке и по силе инерции пассивное большинство. Эта скука есть не что иное, как простое физиологическое последствие очень беспорядочной жизни. Эта скука есть видоизменение того чувства, которое немцы называют *Katzenjammer** и которое обыкновенно посещает каждого кутилу на другой день после хорошей попойки. Человек так устроен

* *Katzenjammer* (нем.) — похмелье. — Прим. ред.

от природы, что он не может постоянно обжираться, упиваться и изучать «науку страсти нежной». Самый крепкий организм надламывается или по крайней мере истаскивается и утомляется, когда он чересчур роскошно пользуется разнообразными дарами природы. Всякое наслаждение притупляет в большей или меньшей степени, на более или менее долгое время, ту способность нашего организма, которая воспринимает это наслаждение. Если отдельные приемы наслаждения быстро следуют один за другим и если эти приемы очень сильны, то наша способность наслаждаться совершенно притупляется, и мы говорим, что нам надоело и опротивело то или другое приятное занятие. Это притупление одной из наших способностей совершается помимо всяких умственных соображений и совершенно независимо от каких бы то ни было критических взглядов на то занятие, которое мы прежде любили и к которому мы потом охладели.

Представьте себе, что вы очень любите какое-нибудь питательное и здоровое кушанье, например пудинг; в один прекрасный день это любимое ваше кушанье изготовлено особенно хорошо; вы обедаетесь им и сильно расстраиваете себе желудок; после этого легко может случиться, что вы получите к пудингу непобедимое отвращение, которое, разумеется, будет совершенно независимо от ваших теоретических понятий о пудинге... Отношения Онегина к различным удоволь-

ствиям светской жизни похожи как две капли воды на ваши отношения к пудингу. Онегин всем объелся, и его от всего тошнит. Если не всех светских людей тошнит так, как Онегина, то это происходит единственно оттого, что не всем удастся объесться. Как специалист в «науке нежной страсти», Онегин, разумеется, стоит выше многих своих сверстников. Он красив собою, ловок, *il a la langue bien pendue**, как говорят французы, и в этих особенностях его личности заключается вся тайна его разочарованности и его мнимого превосходства над презренною толпою. Другие светские люди, ведущие вместе с Онегиным пустую и веселую жизнь, совсем не одерживают побед над светскими женщинами или одерживают этих побед очень немного, так что не успевают притупить своего чувства с этой стороны. «Наука нежной страсти» продолжает быть для них привлекательною, потому что они встречают в ней серьезные трудности, которые они желают и надеются преодолеть. Для Онегина эти трудности не существуют; он наслаждается тем, к чему другие только стремятся, и вследствие неумеренного наслажденья он притупляет себе вкус и влечение ко всему, что составляет содержание светской жизни.

До сих пор превосходство Онегина заключается только в том, что он лучше

* *Il a la langue bien pendue* (франц.) — у него язык хорошо подвешен. — Прим. ред.

многих других умел «тревожить сердца кокеток записных». Легко может быть, что Пушкин любит и уважает своего героя именно за эту особенность его личности. Но кто имеет понятие о Белинском, тот, конечно, знает, что Белинский не мог бы относиться к Онегину с сочувствием, если бы видел в нем только искусного соблазнителя записных кокеток.

Итак, посмотрим, что будет дальше; посмотрим, за какое средство ухватится обьевавшийся Онегин, чтобы победить свой Katzenjammer и чтобы снова помириться с жизнью. Когда человеку надоело наслаждение и когда этот человек в то же время чувствует себя молодым и сильным, тогда он непременно начинает искать себе труда. Для него наступает пора тяжелого раздумья; он всматривается в самого себя, всматривается в общество; он взвешивает качество и количество своих собственных сил; он оценивает свойства тех препятствий, с которыми ему придется бороться, и тех общественных потребностей, которые стоят на очереди и ожидают себе удовлетворения. Наконец из его раздумья выходит какое-нибудь решение, и он начинает действовать; жизнь ломает по-своему его теоретические выкладки; жизнь старается обезличить его самого и переработать по общей, казенной мерке весь строй его убеждений; он упорно борется за свою умственную и нравственную самостоятельность, и в этой неизбежной борьбе обнаруживаются размеры его личных сил. Когда человек про-

шел через эту школу размышления и житейской борьбы, тогда мы имеем возможность поставить вопрос: возвышается ли этот человек над безличною и пассивною массою или не возвышается? Но пока человек не побывал в этой переделке, до тех пор он в умственном и в нравственном отношении составляет для нас такую же неизвестную величину, какую мы видим, например, в грудном ребенке. Если же человек, утомленный наслаждением, не умеет даже попасть в школу раздумья и житейской борьбы, то мы тут уже прямо можем сказать, что этот эмбрион никогда не сделается мыслящим существом и, следовательно, никогда не будет иметь законного основания смотреть с презрением на пассивную массу. — К числу этих вечных и безнадежных эмбрионов принадлежит и Онегин.

Отступник бурных наслаждений,
Онегин дома заперся,
Зевая за перо взялся, —
Хотел писать; но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его.

(Глава I. Строфа XLIII.)

Шляться в течение нескольких лет по ресторанам и по балетам, потом вдруг ни с того ни с сего усесться за письменный стол и взять перо в руки с тем, чтобы сделаться писателем, — это фантазия по меньшей мере очень странная. Браться за перо, зевая, и в то же время ожидать, что перо напишет

что-нибудь мало-мальски сносное,—это также нисколько не остроумно. Наконец отвращение Онегина к упорному труду, отвращение, которое так откровенно признает сам Пушкин, составляет симптом очень печальный, по которому мы уже заранее имеем право предугадывать, что Онегин навсегда останется эмбрионом. Но не будем торопиться в произнесении окончательного приговора. Когда человек входит в новую фазу жизни, тогда он поневоле идет ощупью, берется за непривычное дело очень неискусно, переходит от одной ошибки к другой, испытывает множество неудач и только посредством этих ошибок и неудач выучивается понемногу работать над теми вопросами, которые настоятельно требуют от него разрешения.

Онегин увидал, что он не может быть писателем и что сделаться писателем гораздо труднее, чем пообедать у Талона. Эта крошечная частица житейской опытности, вынесенная им из первого столкновения с вопросом о труде, по-видимому не пропала для него даром. По крайней мере вторая попытка его оказывается гораздо благоразумнее первой.

И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он с похвальной целью
Себе усвоить ум чужой.

(Строфа XLIV.)

Значит, начал читать. Это придумано недурно. Но именно эта удачная, хотя и очень

простая выдумка тотчас раскрывает перед нами ту истину, что Онегин — человек безнадёжно пустой и совершенно ничтожный.

Отрядом книг устали полку;
Читал, читал, а все без толку:
Там скука, там обман и бред;
В том совести, — в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна:
Как женщин, он оставил книги
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой.

(Строфа XLIV.)

Если бы Онегин расправился так бойко с одними русскими книгами, то в словах поэта можно было бы видеть злую, но справедливую сатиру на нашу тогдашнюю вялую и ничтожную литературу. Но к сожалению, мы знаем доподлинно, из других мест романа, что Онегин умел читать всякие книжки, и французские, и немецкие (Гердера), и английские (Гиббона и Байрона), и даже итальянские (Манзони). В его распоряжении находилась вся европейская литература XVIII века, а он сумел только задержать полку с книгами траурной тафтой. Пушкин по-видимому желал показать, что проницательный ум и неукротимый дух Онегина ничем не могут удовлетвориться и ищут такого совершенства, которого даже и на свете не бывает. Но показал он совсем не то. Он показал одно из двух: или то, что

Онегин не умел себе выбрать хороших книг, или то, что Онегин не умел оценить и полюбить тех мыслителей, с которыми он познакомился. По всей вероятности, Онегина постигли обе эти неудачи; то есть и выбор книг был неудовлетворителен, и понимание было из рук вон плохо. Онегин, вероятно, купил себе всякой всячины, начал глотать одну книгу за другою без цели, без системы, без руководящей идеи; почти ничего не понял, почти ничего не запомнил и бросил, наконец, это бестолковое чтение, убедивши себя в том, что он произошел всю человеческую науку, что все мыслители — дурачье и что всех их надо повесить на одну осину. Это отрицание, конечно, очень отважно и очень беспощадно, но оно, кроме того, чрезвычайно смешно и для отрицаемых предметов совершенно безвредно. Когда человек отрицает решительно все, то это значит, что он не отрицает ровно ничего и что он даже ничего не знает и не понимает» (21, стр. 311—315).

РЕАЛИСТЫ

«Реалисты, построившие всю свою жизнь на идее общей пользы и разумного труда, относятся презрительно и враждебно ко всему, что разъединяет человеческие интересы, и ко всему, что отвлекает человека от общепользующей деятельности. Поэтому они строго осуждают ту мелкость понятий и уз-

кость симпатий, которые прививаются к женщинам всем направлением их воспитания. Это враждебное отношение реалистов к искусственной ограниченности женщин послужило поводом к бессмысленной клевете. Добрые люди пустили слух, что реалисты отрицают семейство, осмеивают брак и стараются поставить разврат на степень общественной добродетели... Каждый настоящий реалист прежде всего — работник. Хороша ли, дурна ли его работа, об этом он сам знает, и об этом он не будет давать отчета тем добрым людям, которые изобретают и распускают ложные слухи. Хороша ли, дурна ли его работа, но во всяком случае он трудится как вол, а кто не трудится, тот и не может называться реалистом, как бы красноречиво он ни рассуждал о человечестве и об общей пользе. Кто не трудится, а только рассуждает, тот или пустой болтун, или вредный шарлатан, но уж ни в каком случае не реалист. Стало быть, настоящим реалистам нет никакой надобности ратовать против целомудрия и против супружеской верности. У реалиста труд стоит на первом плане. Что помогает успеху его труда, то он любит. Что мешает его труду, то он ненавидит. Когда женщина является мыслящим существом, способным помогать его работе и ободрять его своим сочувствием, тогда он любит и уважает женщину. Когда женщина является капризным ребенком, требующим себе не участия в полезной работе, а пестрых

игрушек, тогда он отворачивается от нее, чтобы она не мешала ему трудиться и не надоедала ему бессмысленною болтовнею. Такой брак, который увеличивает силу и энергию работника, называется на языке реалиста полезным, благоразумным и счастливым. Такой брак, который уменьшает или извращает рабочую силу, называется вредным, безрассудным и несчастным. Для прочной связи между мужчиною и женщиною необходим, по мнению реалиста, общий труд. Мужчина должен трудиться, и женщина также должна трудиться. Если они трудятся в одинаковом направлении, если они оба любят свою работу, если оба способны понять ее цель, — то они начинают чувствовать друг к другу симпатию и уважение, и, наконец, мужчина и женщина объявляют свое решение перед обществом и призывают на свой союз благословение любви.

Все это, по мнению реалиста, очень естественно и благоразумно. Если брак заключен при таких условиях, то, по мнению реалиста, счастье обоих супругов с каждым годом должно увеличиваться, и вместе с их счастьем должна постоянно увеличиваться их взаимная привязанность...

Я всегда видел в счастливой любви очень большое наслаждение, помогающее нам переносить трудности и неприятности утомительной работы и упорной борьбы с человеческими глупостями. Я всегда смотрел на любовь не как на самостоятельную цель, а как на

превосходное и незаменимое вспомогательное средство. Поэтому я никогда не составлял себе преувеличенного понятия о наслаждениях любви, и, следовательно, я был совершенно застрахован против всяких разочарований и охлаждений. Мне нравится наружность моей жены, но я бы никогда не решился сделаться ее мужем, если б я не был вполне убежден, в том, что она во всех отношениях способна быть для меня самым лучшим другом. Я знал всю ее жизнь и все ее наклонности, прежде чем я решился сделать ей предложение. Она знала всю мою жизнь и все мои наклонности, прежде чем она решилась принять мое предложение. С тех пор как мы сошлись, мы ведем труд наш общими силами. Она понимает, чего я хочу, и я тоже понимаю, чего она хочет, потому что мы оба хотим одного и того же, хотим того, чего хотят и будут хотеть все честные люди на свете... Все силы ее ума и ее начитанности постоянно находятся в моем распоряжении, когда я нуждаюсь в ее содействии; все силы моего ума и моей начитанности постоянно подспевают к ней на помощь, когда она чем-нибудь затрудняется. Этот ежеминутный обмен услуг превращает самую сухую работу в живое наслаждение и оставляет за собою неизгладимый ряд самых обаятельных воспоминаний. Чем больше таких воспоминаний, чем больше взаимных услуг, тем больше работ, улаженных общими силами, тем теснее наша дружба, тем полнее

наше взаимное доверие, тем непоколебимее наше взаимное уважение. А тут еще присоединяется ощущение любви в тесном смысле этого слова, тут еще дети как новая живая связь между мною и ею; а тут еще ее неизбежные страдания, которые делают женщину священной в глазах каждого мыслящего человека. Я этих страданий не могу разделить с нею, поневоле же я должен вознаградить ее за них удвоенною нежностью и безграничным уважением; а тут еще воспитание детей как новый вид общей работы, которую мы оба сумеем вести сообразно с далекою и высокою целью всего нашего существования. Одна и та же личность является, таким образом, для меня товарищем по работе, другом, женою, страдальцею, матерью и воспитательницею моих детей, — и вдруг выдумывают, что я не способен любить эту личность! И вдруг произносят тут слова: охлаждение, разочарование, супружеская ревность или супружеская неверность. Черт знает, что за чепуха! Охладеть к другу потому, что он десять лет был другом. Разочароваться в этом друге потому, что мы вместе с ним постарели на десять лет. Подозревать этого друга в том, что он будет со мною лицемерить. Искать себе новой привязанности, когда старый друг живет со мною в одном доме. Скажите, пожалуйста, есть ли человеческий смысл в подобных предположениях?» (21, стр. 82—85).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Алкивиад 194
 Антонович М. А. 71, 78,
 170, 171
 Аполлоний Тианский 24,
 25
 Аптекман О. В. 184
 Байрон Д. Н. Г. 207
 Бакунин М. А. 64
 Баллод П. Д. 53, 68,
 178
 Барбье О. 166
 Баргорн Ф. К. 10
 Бекетов Н. Н. 128
 Белинский В. Г. 63, 64,
 128, 175, 182, 183,
 201, 204
 Белов П. Т. 12
 Бельчиков Н. Ф. 12
 Беранже П. Ж. 166
 Бердяев Н. А. 10, 11
 Бёрне К. Л. 164
 Бетховен Л. 168
 Благосветлов Г. Е. 26,
 135, 179, 182
 Богучарский В. Я. 184
 Бокль Г. Т. 128
 Ботев Х. 185
 Брюллов К. П. 172
 Буренин В. П. 182
 Бюхнер Ф. Л. 121, 122,
 123, 125
 Валуев П. А. 193
 Водовозов Н. В. 10
 Вольтер Ф. М. А. 54,
 180
 Воровский В. В. 11
 Гайдебуров П. А. 182
 Галактионов А. А. 13
 Гегель Г. В. Ф. 132
 Гейне Г. 35, 36, 40, 114,
 164, 167, 181
 Гексли Т. Г. 21, 173
 Гердер И. Г. 207
 Герцен А. И. 9, 28, 35,
 52, 57, 58, 62, 64,
 65, 79, 97, 122, 128,
 150, 182, 183, 186,
 191
 Гёте И. В. 167
 Гиббон Э. 207
 Глинка М. И. 172
 Гоголь Н. В. 17, 164
 Гомер 196
 Гримм Я. 169

- Гуд Т. 166
 Гюго В. 186
- Данте А. 196
 Де-Пуле М. 10
 Диккенс Ч. 164
 Добролюбов Н. А. 28,
 35, 182, 183
 Долгушин А. В. 184
 Дубельт Л. В. 58
 Дюма А. 16
- Елисеев Г. Э. 182
- Засулич В. И. 11
 Зеньковский В. В. 10
- Иванов И. И. 72
 Иванов-Разумник Р. В. 9
- Казанович Е. П. 12
 Каравелов Л. 185
 Катков М. Н. 34
 Кирпотин В. Я. 12
 Кольцов А. В. 17
 Конт О. 126, 128, 145
 Котляревский Н. А. 10
 Кремпин В. А. 19
 Критий 194
 Кропоткин П. А. 7, 9,
 50, 62, 65
 Крупская Н. К. 186
 Кудрин К. 181
 Купер Ф. 16
 Кювье Ж. 147
- Лавров П. Л. 29, 137,
 184
 Лебедев А. А. 58, 159
 Лемке М. К. 123
 Ленин В. И. 12, 118, 144
 Лермонтов М. Ю. 17
- Либих Ю. 21, 173, 174
 Лосский Н. О. 10, 11
 Львов В. Е. 75
- Майков Л. Н. 18
 Мальтус Т. Р. 90
 Маккавей 62
 Манзони А. 207
 Маслин А. Н. 12
 Маркович С. 181
 Маркс К. 181, 186
 Менделеев Д. И. 21
 Меттерних К. 43
 Милль Д. С. 126, 128
 Мильтон Д. 196
 Михайлов А. Д. 172
 Михайловский Н. К. 9,
 184
 Мошотт Я. 38, 39, 40,
 121, 122, 123, 125,
 128
- Морозов Н. А. 184
 Моцарт В. 175
 Мочалов П. С. 172
- Неведенский С. 10
 Некрасов Н. А. 9, 182
 Немировский А. 8
 Никандров П. Ф. 13
 Никитенко А. В. 26, 27,
 33, 42, 50
 Николай I 58
 Ницше Ф. 11
- Огарев Н. П. 128
 Овсянко - Куликовский
 Д. Н. 10, 128
 Островский А. Н. 176
- Павленков Ф. Ф. 70,
 109, 110
 Переверзев В. Ф. 12
 Петр I 75

- Писарева В. Д. 15
Погодин М. П. 63
Полевой Н. А. 63
Покровский М. Н. 12
Потапов 69
Платон 131, 132, 133,
140, 193, 195, 196,
197, 198
Плеханов Г. В. 11, 162
Плоткин Л. А. 12, 13
Пугачев Е. И. 77
Пушкин А. С. 17, 164,
166, 185, 201, 204,
206, 207

Рафаэль Санти 169, 175
Романов А. Н. 191

Салтыков-Щедрин М. Е.
164, 165, 185
Сеченов И. М. 21, 128
Синегуб С. С. 184
Скабичевский А. М. 9,
15, 178
Скуратов 49
Случевский К. К. 76
Соловьев Е. А. 10, 17,
56, 60, 183
Соловьев Н. И. 8
Соколов Н. Н. 179
Сократ 193, 194, 195
Сорокин Ю. С. 13
Спенсер Г. 126, 128
Степняк - Кравчинский
С. М. 9, 147
Страхов Н. Н. 8. 61
Суворин А. С. 182

Теккерей У. М. 164
Тельшев А. 183, 185

Тимирязев К. А. 7, 20,
21, 70, 75, 128, 187
Ткачев П. Н. 9, 48, 184
Тургенев И. С. 17, 59,
70, 71, 72, 76, 77,
110.

Ульянов А. И. 186
Успенский Г. И. 182

Фарадей М. 21
Фейербах Л. 122, 128
Фиркс Ф. И. (Шедо-
Ферротти) 52, 123,
191, 193
Фогт К. 121, 122, 123,
125, 128

Циолковский К. Э. 75

Чаадаев П. Я. 58
Чернышевский Н. Г. 9,
12, 13, 28—32, 34,
35, 41, 48, 53, 63,
69, 79, 97, 109,
128, 150, 153, 154,
162, 183
Чудновский С. Л. 48

Шекспир В. 167
Шелгунов Н. В. 9, 15,
23, 74, 183, 187
Шелли П. Б. 166

Энгельс Ф. 186
Эпикур 133

Юнг Г. 21
Юркевич П. Д. 34

Ярмолинский А. 10
Ярославский Е. М. 186

1. *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России. — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 12.
2. *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма. — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22.
3. *Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20.
4. *Ленин В. И.* Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами. — Полн. собр. соч., т. 7.
5. *Ленин В. И.* Письма к родным. 1893—1922. — Полн. собр. соч., т. 55.
6. *Ленин В. И.* Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6.
7. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах, т. 1. СПб., 1894.
8. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах, т. 2. СПб., 1894.
9. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах, т. 3. СПб., 1894.
10. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах, т. 4. СПб., 1894.
11. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах, т. 5. СПб., 1894.
12. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах, т. 6. СПб., 1894.
13. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах [2-е изд.], т. 1. СПб., 1897.
14. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах [2-е изд.], т. 2. СПб., 1897.
15. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах [2-е изд.], т. 3. СПб., 1897.
16. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах [2-е изд.], т. 4. СПб., 1897.
17. *Писарев Д. И.* Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах [2-е изд.], т. 5. СПб., 1897.

18. Писарев Д. И. Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах [2-е изд.], т. 6, СПб., 1897.
19. Писарев Д. И. Соч. В 4-х томах, т. 1. М., 1955.
20. Писарев Д. И. Соч. В 4-х томах, т. 2. М., 1955.
21. Писарев Д. И. Соч. В 4-х томах, т. 3. М., 1956.
22. Писарев Д. И. Соч. В 4-х томах, т. 4. М., 1956.
23. Писарев Д. И. Письмо к Г. Е. Благовосветлову. — «Русское обозрение», 1893, № 3.
24. Писарев Д. И. Намеки природы. Публикация Э. Розенберга. — «Русская литература», 1959, № 2.
25. Антонович М. А. Асмодей нашего времени. — «Современник», 1862, № 4.
26. Архипов В. Неизвестные страницы Д. И. Писарева. — «Литературная Россия», 1964, № 18.
27. Баллод П. Д. Заметка о деле Д. И. Писарева. — «Каторга и ссылка», 1924, № 3.
28. Белов П. Т. Место и роль Д. И. Писарева в истории русского материализма. — «Ученые записки АОН», вып. V. М., 1949.
29. Бельчиков Н. Ф. Журналы 60-х годов XIX в. в оценке III отделения — «Исторический архив», 1957, № 4.
30. Борисов И. Алексеевский рavelин в 1862—1865 гг. (из моих воспоминаний). — «Русская старина», 1901, т. 108, № 10—12.
31. Васецкий Г. С. и Иовчук М. Т. Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв. М., 1942.
32. Волынский А. Л. Русские критики. СПб., 1896.
33. Воровский В. В. Д. И. Писарев. К 40-летию со дня смерти. — Литературно-критические статьи. М., 1956.
34. Воробьев В. Ф. Д. И. Писарев — выдающийся русский критик-демократ. Харьков, 1953.
35. Галактионов А. А. и Никандров П. Ф. История русской философии. М., 1961.
36. Герцен А. И. Писарев. — Собр. соч. В 30-ти томах, т. 20. М., 1960.
37. Герцен А. И. Еще раз Базаров. — Собр. соч. В 30-ти томах, т. 20, кн. 1. М., 1960.

38. Герцен А. И. Письмо к Н. Огареву (1 декабря 1868 г.). — Собр. соч. В 30-ти томах, т. 20. М., 1960.
39. Герцен А. И. Не наши. — Собр. соч. В 30-ти томах, т. 9. М., 1960.
40. Голубев А. Н. К вопросу о формировании материалистических взглядов Д. И. Писарева (по материалам библиографич. отдела ж. «Рассвет» за 1859 г.). — Научные доклады высшей школы. «Философские науки», 1964, № 2.
41. Данилов А. Д. Несколько отрывочных воспоминаний о Д. И. Писареве. — «Литературный архив», т. 3. М. — Л., 1951.
42. Деборин А. М. Д. И. Писарев. — «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка. М., 1941, № 1.
43. Де-Пуле М. Нигилизм как патологическое явление русской жизни. — «Русский вестник», 1881, № 11.
44. Евгенийев-Максимов В. Е. Д. И. Писарев и охранители. — «Голос минувшего», 1919, № 1—4.
45. Зелов Н. Листая страницы архива. — «Учительская газета», 14 октября 1965 г.
46. Зеньковский В. В. История русской философии, т. I. Париж, 1948.
47. Зонин А. Образы и действительность. — «Московский рабочий». М., 1930.
48. Иванов И. История русской критики. СПб., 1900.
49. Иванов И. Писарев, его сподвижники и враги. — «Мир божий», 1899, № 1—3.
50. Иовчук М. Т. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960.
51. Казанович Е. П. Д. И. Писарев после крепости и его статья «Дидро и его время». — В сб. «Звенья», т. VI. М. — Л., 1936.
52. Казанович Е. П. Писарев о Гейне. — «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук. Серия VII, 1929, № 8.
53. Карелин Н. [Засулич]. Д. И. Писарев. — «Научное образование», 1900, № 3—4.

54. *Кирпотин В. Я.* Дмитрий Иванович Писарев. Л., 1929.
55. *Кирпотин В. Я.* Идеиные предшественники марксизма-ленинизма в России. [М.], 1930.
56. *Козьмин Б. П.* Памяти Д. И. Писарева. К 70-летию со дня смерти. — «Новый мир», 1938, № 7.
57. *Козьмин Б. П.* Д. И. Писарев и социализм. — «Литература и марксизм», 1929, кн. 4—6.
58. *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II. М., 1909.
59. *Котляревский Н.* Канун освобождения (1855—1861). Пг., 1916.
60. *Кропоткин П.* Записки революционера. СПб., 1906.
61. *Кропоткин П.* Записки революционера. [М.], 1930.
62. *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М. — Л., 1931.
63. *Крупская Н. К.* Современные цитаты. — «Правда», 3 октября 1935 г.
64. *Кружков В. С.* Дмитрий Иванович Писарев. Философские и социально-политические взгляды. М., 1942.
65. *Кузнецов Ф. Ф. Ф.* Павленков и Д. Писарев. — «Русская литература», 1959, № 2.
66. *Кузнецов Ф. Ф.* Журнал «Русское слово» в 1863—1866 гг. М., 1965.
67. *Ларионов Л. И.* Д. И. Писарев о роли народных масс и личности в истории. — «Ученые записки». Магнитогорский гос. пед. институт, вып. III, 1955.
68. *Лебедев А. А.* Чаадаев. М., 1965.
69. *Лемке М.* Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). М. — Пг., 1923.
70. *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904.
71. *Лихтенштадт О. М.* Реалистические противоречия. По поводу некоторых статей Д. И. Писарева. М., 1866.

72. Львов В. Страницы жизни Циолковского. М., 1963.
73. Львов-Рогачевский В. Лихой барабанщик. — «Объединение», 1918, № 12—13.
74. Маслин А. Н. Материализм и революционно-демократическая идеология в России в 60-х годах XIX века. М., 1960.
75. Мещеряков Н. Л. Эволюция миросозерцания Д. И. Писарева. — «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка. М., 1941, № 1.
76. Михайловский Н. К. Писарев. — В кн. «Литературные воспоминания и современная смута», т. I. СПб., 1905.
77. Неизвестный. Мелочи. — «Деятельность», 28 июля 1968.
78. Некрасов Н. А. Письмо М. А. Маркович (7 августа 1868 г. Петербург). — Полн. собр. соч. и писем, т. XI. М., 1952.
79. Немировский А. Наши идеалисты и реалисты. СПб., 1867.
80. Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804—1877 гг.), т. 2. СПб., 1905.
81. Овсянико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века, ч. 1—2, т. I, М., 1907.
82. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева. — «Русский вестник», 1862, № 7.
83. Павленков Ф. Ф. Д. И. Писарев (некролог). — «Русская литература», 1959, № 2.
84. Переверзев В. Ф. Нигилизм Писарева в социологическом освещении. — «Красная новь», 1926, № 6.
85. Погодин М. П. О модных у нас философских толках. М., 1875.
86. Плеханов Г. В. Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского. — Избранные философские произведения, т. V. М., 1958.
87. Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. — Избранные философские произведения, т. IV. М., 1958.
88. Плоткин Л. А. Писарев и литературно-общест-

- венное движение шестидесятых годов. М. — Л., 1945.
89. *Покровский М. Н.* Забытый революционер. — «Правда», 19 октября 1920 г.
 90. *Покровский С. А.* Фальсификация истории русской политической мысли в современной реакционной буржуазной литературе. М., 1957.
 91. Последние цветы. — «Библиотека для чтения». 1865, т. I, кн. 2. № 4.
 92. *Прохоров Г. Р.* Полицейские на Волковском кладбище. — «Литературный Ленинград», 1933, № 4.
 93. *Сафронов Б. Г.* Политические и философские взгляды Д. И. Писарева. — «Под знаменем марксизма», 1943, № 3.
 94. *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М. — Л., 1928.
 95. *Соловьев Е.* Дмитрий Иванович Писарев (литературная характеристика). — В кн.: *Д. И. Писарев*. Полн. собр. [соч.]. В 6-ти томах, т. VI. СПб., 1894.
 96. *Соловьев Е.* Опыт философии русской литературы. — Собр. соч., т. I. Казань, 1922.
 97. *Сорокин Ю. С.* К истории термина *реализм*. — «Ученые записки ЛГУ». Серия филологических наук, вып. 17, 1952.
 98. *Станис Л. Я.* Основные черты мировоззрения Д. И. Писарева. М., 1963.
 99. *Стахевиц С. Г.* Среди политических преступников (из моих воспоминаний). — «Былое», 1923, № 21.
 100. *Степняк-Кравчинский С. М.* Подпольная Россия. — [Харьков], 1926.
 101. *Страхов Н.* Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1886). СПб., 1895.
 102. *Тельшев А.* Писарев перед судом учителя истории. — «Русское богатство», 1899, № 5 (8), отдел 2.
 103. *Тимирязев К. А.* Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов. М., 1920.
 104. *Тронская М. Л.* Гейне в оценке революционно-

- демократической критики. — «Ученые записки ЛГУ». Серия филологических наук, вып. 17. «Русские революционные демократы», 1952.
105. *Тургенев И. С.* Письмо Д. И. Писареву. 23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден. — Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. VI. М. — Л., 1963.
 106. *Тургенев И. С.* Письмо К. К. Случевскому 14 (26) апреля 1862. Париж. — Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV. М. — Л., 1962.
 107. *Тургенев И. С.* La première idée du roman. Баден-Баден. Пятница 29/17 июля 1870. — «Revue des études slaves», т. V, 1925.
 108. *Федоров А. В.* Русский Гейне. — В сб. «Русская поэзия XIX века». Л., 1929.
 109. *Чернышевский Н. Г.* Антропологический принцип в философии. М., 1948.
 110. *Четунова Н.* Что разрушал «нигилист» Писарев? — «Литературный критик», 1938, кн. 8.
 111. *Чудновский С. Л.* Из давних лет. Воспоминания. М., 1934.
 112. *Шелгунов Н. В.* Воспоминания, т. 1. М., 1967.
 113. *Шелгунов Н. В.* Неизданная статья о добролюбовцах и писаревцах. — «Литературное наследство», 1936, № 25—26.
 114. *Шелгунов Н. В.* Два слова о Писареве. — «Неделя», 1875, № 28.
 115. *Ярославский Е. М.* Д. И. Писарев (к 100-летию со дня рождения). — «Вестник АН СССР», 1940, № 11—12.
 116. *Ярославский Е. М.* Просветитель и революционный демократ. — «Правда», 13 октября 1940 г.
 117. *Barghoorn F. C.* Nihilism, utopia and realism in the thought of Pisarev. — В кн.: «Russian thought and politics». Cambridge, Massachusetts, 1957.
 118. *Berdiaev N. A.* Les sources et le sens du communisme russe. Paris, 1938.
 119. *Lossky N. O.* History of Russian philosophy. N. Y. 1951.
 120. *Yarmolinsky A.* Road to revolution. A Century of Russian radicalism. London, 1957,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
I. Переворот	15
II. Суровый отрицатель с «полюса» Чернышевского	26
III. Лихой барабанщик	42
IV. Носители меча	56
V. Нигилизм и реализм	67
VI. Социологические этюды	83
VII. Индустриализм радикала	97
VIII. Мыслящие реалисты	107
IX. Наука для жизни	119
X. «Разумный эгоизм»	151
XI. «Разрушитель» эстетики	161
XII. Безумству храбрых	178
Приложение. Из произведений Д. И. Писарева	189
Указатель имен	213
Литература	216

Д 30 **Демидова Н. В.**
Писарев. М., «Мысль», 1969
223 с. (Мыслители прошлого)

В книге излагается жизненный и творческий путь замечательного русского философа и общественно-политического деятеля Д. И. Писарева, бесстрашно выступившего против реакционных порядков царской России. Автор раскрывает оригинальность философской концепции мыслителя, эволюцию его воззрений. В «Приложении» даются отрывки из произведений Д. И. Писарева.

1-5-1
55-68

1 Ф(С)

Демидова, Нина Васильевна
ПИСАРЕВ

Редактор *А. В. Мамонтов*
Младший редактор *В. М. Кузнецова*
Оформление серии *В. А. Носкова*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *С. П. Лебедева*
Корректор *Л. Ф. Селютина*

Сдано в набор 17/IV 1968 г. Подписано в печать 17 февраля 1969 г. Формат бумаги 70×90¹/₃₂, № 2. Усл. печатных листов 8,19. Учетно-издательских листов 7,07. Тираж 28 000 экз. А 03437. Цена 23 коп. Заказ № 282.

Издательство «Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.